VISIT…

ISBN 5-17-016299-5

9 785170 162994

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Я ПОЗНАЮ МИР

УДК 087.5:94"044/14"
ББК 63.3(0)4
Я11

Автор *Косенкин А. Н.*

Художники: *Ю. А. Станишевский,*
В. Л. Барышников, М. Ю. Матросов

Иллюстрации на обложке *Станишевского Ю. А.*

Я11 **Я познаю мир: История средних веков: Дет. энцикл. / А. Н. Косенкин; Худож. Ю. А. Станишевский и др.— М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.— 397, [3] с.: ил.**

ISBN 5-17-016299-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05135-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Время гениев и смуты, примеры верности идеалам и подлые предательства, борьба религий и суды инквизиции — все это эпоха Средневековья. Одни называют это время самым смутным, другие — самым мрачным, третьи уверяют, что это... были самые обычные времена.

Эта книга поможет читателю расширить представление об эпохе средних веков, воссоздать картину жизни и главные события того времени.

УДК 087.5:94"044/14"
ББК 63.3(0)4

Подписано в печать 13.09.2002 г. Формат 84 × 108 1/32.
Усл. п. л. 20,16. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2947

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ISBN 5-17-016299-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05135-8 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще на исходе Средневековья английский драматург Уильям Шекспир заметил: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры...» Действительно, мир полон удивительных театральных эффектов, постоянных перевоплощений, смены действующих лиц, неожиданных интриг и непредсказуемых развязок. А мы с вами — актеры и одновременно авторы нескончаемой, подчас трагической, реже забавной, а иногда и кровавой, но всегда великой ДРАМЫ под названием **История.**

Это только кажется, что от нас мало что зависит, что Историю творят какие-то *особые* люди. Но подумайте, чего бы стоили начинания императоров, королей, всех *великих преобразователей* без поддержки тысяч и тысяч других людей?

Человек — существо историческое. Он изменяется, развивается — и это поступательное движение совпадает с ходом стрелок часов Истории. Но мы сами еще и подгоняем бег этих стрелок; нам не терпится заглянуть в завтрашний день. Что нас там ждет: какие новые встречи, какие свершения? Как знать, может

быть, те свершения если и не перевернут мир (потому что переворачивать мир, в общем-то, ни к чему!), то заставят взглянуть на нас по-другому тех, чей взгляд нам дороже всего? Ведь все свершения на свете делаются ради этого взгляда...

Но то будет завтра, когда мир вновь озарится солнечным светом, и Жизнь позовет нас на Сцену — жить и творить Историю. Преемственность — вот питающая сила Истории. Нас не было бы, если бы не было многих и многих поколений предков, своим рождением, жизнью, смертью и вновь рождением, образующих «золотую цепь» вечного Времени. И для того, чтобы творить настоящее, надо знать прошлое, постараться не утратить связь с ним, хотя бы для того, чтобы не повторять прежних ошибок.

А потому забудем на время свои роли и станем не актерами, не зрителями, а путешественниками. Путешественниками во Времени...

То Время, куда мы отправимся, отстоит от нас так далеко, что даже ученым-историкам бывает нелегко разобраться за толщей веков, **что** и **как** там происходило на самом деле.

Одни называют это Время самым смутным из всех смутных времен, другие — самым мрачным из мрачных, третьи вполне резонно уверяют, что это были обычные времена. Просто леса тогда были гуще, а человек беззащитней. Но человек не терял надежду, он

шел по своей тропе в полном опасностей и колдовства Времени-Лесе, обретая в пути свет и веру в себя.

Что ж, давайте и мы с вами, словно древние пилигримы, углубимся в «дремучую чащу» Средневековья...

ОТ ЭПОХИ К ЭПОХЕ

Что такое «Средние века»
и почему они «Средние»?
Накануне краха, или сколько стоит
императорская власть
Два портрета на фоне крушения
Следы уходящих богов
Новый рим

ЧТО ТАКОЕ «СРЕДНИЕ ВЕКА» И ПОЧЕМУ ОНИ «СРЕДНИЕ»?

Начало Средневековья, или по-другому — Раннее Средневековье, относят ко времени упадка Римской империи, то есть к III–V векам нашей эры, а конец, то есть Позднее Средневековье, — ко времени Возрождения (XIV–XVI века). Многие короли мечтали возродить Великую Римскую империю, но по-настоящему это так и не удалось.

Однако **Возрождение**, пусть не империи, а величия человеческого духа, все-таки состоялось, и этот высочайший взлет стал одновременно и венцом, определив окончание эпохи Средних веков.

К XVI веку в Европе сформировались языки, на которых и поныне изъясняются европейцы, сложились государства и нации с их особенностями, обрели завершенность религиозные учения, определились нравственные и философские ценности. Великие научные и географические открытия изменили представления о мире, да и сам мир стал иной!

И вот тогда на смену Средневековью явилась эпоха Нового времени.

Впрочем, человек не называет сам время, в котором живет. Он просто живет. Даже мы с вами, просвещенные люди двадцать первого века, не повторяем то и дело: мы — люди эпохи великих научных открытий, эпохи освоения космоса, люди, проникшие в тайны

микромира. Мы не знаем, как историки грядущих веков назовут наше время, но ведь как-нибудь обязательно назовут.

Древние греки, жившие в **эпоху Античности** и создавшие шедевры мировой культуры, конечно, гордились ими, но им и в голову не приходило называть эти шедевры античными, как принято ныне. Не мог же, например, знаменитый скульптор **Фидий** (V век до нашей эры), завершив работу над статуей **Зевса**, воскликнуть в порыве восхищения собственной гениальностью: «Ах, какую изумительную античную статую я создал!»

Потому что слово **«античность»** в переводе с греческого означает **древность**, и только спустя тысячу лет историю **Древней Эллады** и **Древнего Рима** люди нарекли Античной эпохой, то есть эпохой Древности.

А человек средних веков просто жил, как умел: воевал, торговал, трудился, растил детей. Плакал, если было плохо, пел, когда веселился. И потому, наверное, сильно удивился бы, узнав, что потом, через многие века, эти времена назовут эпохой **темных веков**!

— Неправда! — воскликнул бы он. — Я жил в прекрасное время!.. Ведь как бы ни трудна была жизнь, она все равно прекрасна!

Откуда же тогда взялось понятие **«Средневековье»** и что оно означает?

Название «Средние века», как и определение «Античная эпоха», придумали **гуманисты** во времена **Возрождения**. Само Возрождение

(или **Ренессанс**) возникло на стыке окончания Средневековья и начала эпохи Нового времени. Одной из внешних побудительных причин возникновения Возрождения было стремление возвратиться к классической латыни, — языку, на котором писали древнеримские поэты и историки, к высшим образцам античной культуры, литературы и искусства, ко всему тому, что было утрачено после крушения Римской империи. Отсюда и название — **Возрождение!**

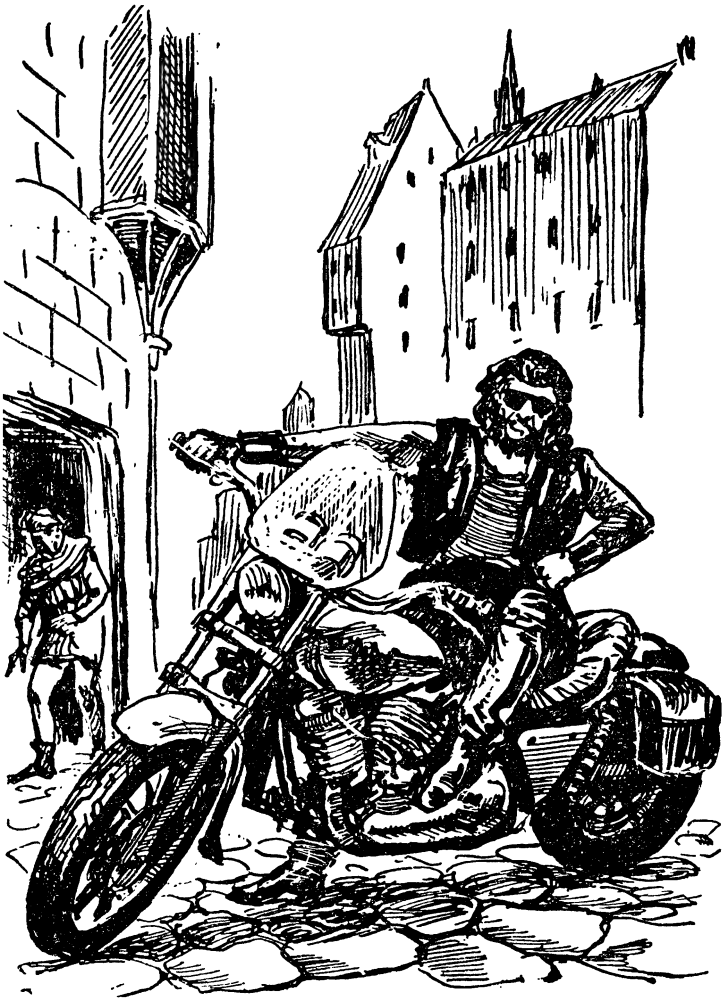
Но между Античностью и Возрождением, по мнению гуманистов, зияла огромная временная пропасть чуть не в десять веков! Причем эти века гуманисты считали *лишним* временем, напрасно потраченным людьми на пустые споры и войны. Хотя, разумеется, для Истории *лишнего* времени не бывает. Но вот гуманистам (для того времени людей, безусловно, передовых!) эти века представлялись эпохой сплошного невежества, мракобесия и духовного запустения. Потому-то они и окрестили тысячелетний период, отделивший их собственное время от возлюбленной ими древности, с явным оттенком пренебрежения: «Средний век!..» Мол, так себе — *век*, мол, *среднее времечко*, и ничего в нем хорошего! Между прочим, эта презрительная оценка накрепко врезалась в сознание людей. «А, средневековье!» — до сих пор порой говорят о каком-нибудь явлении или, например, о компьютере первого поколения.

Но дело не только в веках, которые отделяют время рыцарских поединков от нашего времени, дело в сознании средневекового человека. Действительно, средневековый человек, как ребенок, охотно верил в любые, порой несусветные чудеса, жил в постоянном ожидании Божьей кары или пришествия Антихриста и, надо сказать, действительно, он совсем не был похож на нас!

Представьте, что бы произошло, если бы по средневековому Лондону проехал мотоциклист на грохочущем, изрыгающем клубы «дьявольского» дыма «железном коне»! Его сознание вряд ли бы выдержало подобное испытание!.. Согласитесь, мы сегодня куда больше готовы к появлению на Земле инопланетян, чем средневековый горожанин ко встрече с обыкновенным мотоциклистом. Мы даже рады встрече с неведомым! Но для того, чтобы нам стать такими просвещенными и невозмутимыми, человечество должно было пройти через «детские» страхи и суеверия Средневековья....

Так что же такое Средневековье?

Средневековье — это история Европы, длившаяся более тысячи лет. История жестокая, беспощадная — и в то же время пронизанная страстным поиском Идеала. Средневековье — это борьба христианства с язычеством и в то же время раскол самой христианской церкви. Средневековье — это чума, войны, крестовые походы и костры инквизиции.



Средневековье — это время рыцарей и великодушных разбойников, кощунствующих монахов и святых мучеников. Средневековье — это виселицы на центральных площадях городов и неунывающие школяры. Средневековье —

это мистический карнавал, в котором под шутовскую дудочку Лик Смерти пляшет в обнимку с непобедимым Человеческим Духом...

Словом, Средневековье — это огромный мир!

НАКАНУНЕ КРАХА, ИЛИ СКОЛЬКО СТОИТ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Известно, что **Средневековый Запад** зародился на развалинах **Римской империи.** Известно, что Римскую империю разрушили **варвары.** Но как же случилось, что какие-то варвары смогли уничтожить цивилизацию, которая на протяжении тысячи лет была средоточием всего мира? Вряд ли на этот вопрос существует простой ответ, потому что падение Рима имело не одну, а множество причин, и произошло оно не в тот день, когда **вандалы** ворвались на его улицы, а задолго до того. Только римляне это не сразу заметили. Или не захотели видеть. Как написал о них некий монах **Сальвиан**: «Можно подумать, что каким-то образом весь римский народ наелся сардонической травы: он умирает и хохочет».

И ведь в самом деле, на протяжении последних веков беспечные римляне, кажется, только тем и занимались, что расшатывали устои империи. Причем расшатывали с таким самозабвенным энтузиазмом, что даже если бы

не случилось Великого переселения народов (о нем впереди), Рим все равно бы не устоял.

А началось все с безудержного падения нравов, с циничного девиза поздней империи: «Хлеба и зрелищ!», с безвластия, а главное — равнодушного отношения римлян к тому, кто ими правил.

Впрочем, и равнодушны-то они стали оттого, что их мнение уже ничего не значило, — трон цезаря стал игрушкой в руках императорской гвардии. Солдаты решали, кому править Великой империей, а кому — нет. Решение зависело не от личных достоинств, ума или воинской доблести претендентов, но лишь от толщины их кошельков. Императорское звание стало товаром: кто больше заплатит преторианским гвардейцам, тот и взойдет на трон!

Впервые это случилось в 193 году, когда преторианские гвардейцы (личные гвардейцы императора), ворвались в императорский дворец и отсекли императору голову за то, что августейший **Пертинакс** потребовал от армии и от самих гвардейцев соблюдения дисциплины! Отсеченную голову императора на копье отнесли в свой лагерь и объявили, что отдадут трон тому, кто предложит самый щедрый подарок.

Очень богатый, но легкомысленный римлянин — некто **Дидий Юлиан** — узнал об этом предложении за трапезой. Видимо, Дидий был человеком не только легкомысленным, но и

Дидий Юлиан перед гвардейцами

азартным, потому что, узнав, что конкурент за корону цезаря предлагает гвардейцам всего-то по пять тысяч драхм на каждого, он повысил ставку. Доторговался до шести, и гвардия объявила его императором!

Правда, процарствовал он всего три месяца. Командир паннонской армии **Луций Септимий Север** (193—211 гг.), пообещав подарить каждому из своих воинов уже по двенадцать тысяч драхм, двинул легионы от Дуная на Рим. Подойдя к столице, Север перекупил войска, посланные против него, и занял город.

Луций Септимий застал незадачливого императора Дидия Юлиана во дворце. Тот плакал, как ребенок, но непреклонный Север («север» по-латыни значит «жестокий») взял его

Луций Септимий застал императора Дидия Юлиана во дворце и казнил его

под руку, отвел в ванну и там, в назидание другим, обезглавил. Но эта казнь так никого и ничему не научила, как выяснилось позднее...

Надо подчеркнуть, что **Септимий Север** оказался единственным за восемьдесят лет императором, который умер своей смертью в своей постели.

Остальных убивали...

ДВА ПОРТРЕТА НА ФОНЕ КРУШЕНИЯ

Не станем расписывать в подробностях эти убийства, скажем лишь, что за тридцать пять лет императорами были провозглашены

Император Каракалла (198–217 гг.)

тридцать семь человек! То есть в среднем каждый цезарь царствовал меньше года. Почти на сто лет растянулась кровавая чехарда гвардейских переворотов!

Словом, в армии царила анархия, в империи — хаос, потому что, покупая власть за деньги, цезари, как правило, не знали, что им делать с этой властью. Так, император **Север Антонин Август** по прозвищу **Каракалла** (198–

217 гг.) начал свое правление с убийства родного брата и двадцати тысяч его сторонников. Прозвище «Каракалла» он получил из-за длинного варварского плаща, который носил, — он и был настоящий варвар, отупевший от войны и охоты. Больше всего он любил загонять кабанов и мог один на один расправиться со зверем. Во дворце Каракалла держал львов, чтобы не ходить далеко, если вдруг захочется сразиться с ними. Имелся среди них и любимец, которого правитель усаживал рядом с собой за стол и даже укладывал в кровать.

Посетив Александрию накануне войны с Парфией и опасаясь восстания у себя за спиной, Каракалла приказал убить всех александрийцев, способных носить оружие. При этом сам наблюдал, как выполняется его приказание. В конце концов, правителя-тирана закололи его же солдаты.

А вот еще примечательный портрет другого императора, правившего почти следом за Каракаллой. Благочестивый император **Элагабал** (218–222 гг.) собирал в своем дворце сотни гостей, веселился, устраивал всяческие лотереи и раздавал призы — от шикарных особняков, полностью обставленных мебелью, до пригоршни дохлых мух. Император любил шутки и розыгрыши. То усадит гостя на надутую подушку, которая неожиданно лопнет, то напоит какого-нибудь сенатора до бесчувствия, а перед пробуждением запустит к нему в комнату леопардов или медведей.

Император Элагабал (218–222 гг.)
любил веселиться и устраивать розыгрыши

А еще он любил сюрпризы. Угощая друзей, подмешивал им в пищу драгоценности. В горох — кусочки золота, в чечевицу — оникс, в рис — жемчуг, в бобы — янтарь. Ему нравилось в знак своей милости делать подарки: коней, колесницы, рабов... Часто после пиршества он приказывал своим гостям забирать с собой серебряную посуду, из которой они ели и пили.

Что касается самого Элагабала, то он предпочитал все самое лучшее. Вода в его бассейнах благоухала розовой эссенцией, ванные комнаты блестели золотом, стол состоял из редчайших деликатесов, одежда — от короны до обуви — была усеяна драгоценными камнями. А когда он отправлялся в путешествие, то для его багажа требовалось 600 повозок!

Узнав от предсказателя, что ему суждено умереть насильственной смертью, Элагабал приготовил достойные его императорского звания средства для самоубийства: веревки из пурпурного шелка, золотые кинжалы, яды, заключенные в сапфиры. Мол, если уж умирать, так красиво!

Однако — коварство судьбы! — убили императора в отхожем месте, а труп, протащив по римским улицам, сбросили в Тибр.

Понятно, почему монах **Сальвиан** еще до окончательного крушения империи, пытаясь объяснить причины катастрофы, написал: «Римляне сами себе были врагами худшими, нежели внешние враги, и не столько варвары их разгромили, сколько они сами себя уничтожили».

СЛЕДЫ УХОДЯЩИХ БОГОВ

«На форуме были видны следы уходящих богов», — с ностальгической грустью заметил безвестный автор.

Разумеется, это всего лишь красивая поэтическая метафора, но в ней с удивительной ясностью запечатлен процесс постепенного одряхления и умирания **язычества**. Древние римляне были язычниками. Своих богов вместе с культурой они когда-то позаимствовали у греков, только назвали их по-другому. Греческий Зевс стал Юпитером-Громовержцем,

богиня любви Венера — Юноной, бог времени Кронос — Сатурном... Впрочем, и своих «родных» богов в римском пантеоне — мавзолее богов — было достаточно: двуликий Янус, Веста, всех и не перечислить. И вот в новую эру, летосчисление которой, как известно, ведется от Рождества Христова, на смену этим многочисленным, порой гневным, иногда легкомысленным, часто капризным богам явился Единый Бог, с именем которого человечество живет вот уже третье тысячелетие.

Можно много говорить о глубинном смысле и величии христианства, но, наверное, главное в нем сам образ Сына Божьего — **Иисуса Христа**, пришедшего на землю, чтобы своими страданиями искупить человеческие грехи и указать людям путь к спасению. Именно поэтому Иисуса называют Спаситель.

Последователи Иисуса проповедовали любовь к ближнему, а ближними — «братьями и сестрами во Христе» — для них были все: раб и патриций, богатый и бедный... Самый последний, несчастный и униженный мог почувствовать бесконечную силу Божественной Благодати. **Христианство** провозгласило равенство всех людей перед Единым Богом, и в этом была его сокровенная суть и сила!

«Для Бога нет эллинов и иудеев. Он воздаст каждому по делам его...» — повторял апостол Павел. При этом новому Богу не нужно было приносить никакой жертвы, кроме собственной нравственной жизни, кроме кающегося

или разбитого горем сердца. Главное — не лгать, не убивать, не домогаться чужого. «Делай свое дело, и ты будешь спасен!» Люди еще не знали религии столь милосердной и привлекательной. Поэтому в раздираемом противоречиями, конфликтами и жестокостью обществе периода поздней империи христианство распространялось с удивительной быстротой.

В дохристианскую эпоху Рим проявлял терпимость по отношению к соперникам его языческих богов. От приверженцев других религий не требовалось ничего, кроме демонстрации уважения к римским богам и императору. Императору, между прочим, поклонялись как богу, и отказ следовать этому правилу считался государственной изменой. Возжигание фимиама перед статуей императора было знаком и подтверждением верности ему и империи. Однако для христиан Христос был выше цезаря.

Более того, христиане отвергали саму подчиненность религии государству, потому что главное для них заключалось во внутреннем мире человека, в его отрешенности от бренной суеты мира с его жестокими и несправедливы-

ми законами. Бог христиан был их совестью, отражением их лучшего «я», и когда их заставляли сделать выбор между Богом и «обожествленным» цезарем, они выбирали Бога, потому что предать Его было равнозначно предательству самого себя. И погибали тысячами!

Предположительно в 67 году в Иерусалиме был схвачен **апостол Павел**, римлянин, принявший христианство. Согласно закону, как римский гражданин Павел был отправлен в Рим, где был судим и казнен. Тогда же случился в Риме страшный пожар. Случайно он возник или нет, неизвестно. Есть мнение, что устроен он был по приказу взбалмошного императора **Нерона** (54–68 гг.), известного своей жестокостью и склонного к грандиозным театральным эффектам. Однако в поджоге обвинили христиан. Сотнями их казнили в римском амфитеатре: на потеху публике травили дикими зверями, обмотав в просмоленные шкуры, привязывали к высоким столбам и поджигали под ликование толпы. Горящие «факелы» служили иллюминацией во время так называемых Нероновых Игр...

Так начались первые гонения на христиан. И «живые факелы Нерона» превратили взаимную терпимость христиан и язычников в непримиримую ненависть. Именно с этого времени власть стала расценивать христиан как уголовных преступников.

Римляне называли христиан «отбросами человечества», обвиняли их в чудовищных

Травля христиан дикими зверями

злодеяниях, даже в ритуальных убийствах детей, и, конечно же, приписывали им все несчастья империи. Когда голод, наводнение, чума или война обрушивались на Рим, тут же распространялись слухи, будто все беды происходят из-за христиан, отвергающих римских богов, а потому обиженные боги насылают на Рим всяческие напасти. И тогда возникали очередные гонения.

При императоре **Диоклетиане** (284–305 гг.) гонения (оставшиеся в истории под названием «Диоклетиановы») вспыхнули с новой силой. И на этот раз причиной послужил пожар, случившийся во дворце императора, — в поджоге заподозрили христиан. Сотни их были схвачены и подвергнуты пыткам. Людей секли

бичами, раны поливали уксусом и посыпали солью, палачи отрезали от тел по кусочку и скармливали человеческую плоть ожидавшим поживы хищникам, но... чем страшнее были зверства, чем больше становилось мучеников, тем быстрее росли христианские общины.

К тому же симпатии римлян, совсем недавно требовавших от правительства расправы над христианами, неожиданно стали склоняться на сторону гонимых. Теперь уже сами язычники, рискуя жизнью, прятали и защищали христиан, спасая их от расправы.

Наконец, поняв бесплодность этой борьбы, император **Галерий** (293–311 гг.) решил заключить мир с непобежденным Богом. Он обнародовал указ о веротерпимости и признании христианства как законной религии и даже попросил христиан молиться о нем, так как был неизлечимо болен. А в 394 году последний римский император **Феодосий** издал указ о запрете язычества. Даже храмы некогда почитаемых и любимых римлянами богов были закрыты. Между прочим, по тому же указу прекратили существование Олимпийские игры, которые были не только спортивным соревнованием, но и религиозным действом.

Так христианство, презираемое и гонимое, но движимое любовью и верой, одолело империю.

Новая цивилизация, основанная на новой религии, поднималась над руинами язычества, — начиналось Средневековье.

Одна из самых ярких личностей конца II в. — начала III в. — первый Византийский император **Константин Великий** (306–337 гг.). Правда, при нем **Византия** еще называлась Восточной Римской Империей, но сути это не меняет — именно он основал новое мощное государство, которому на ближайшее тысячелетие отводилась особая роль в истории средневековой Европы.

Константин Великий (скульптура IV в.)

Константин был сыном **Констанция Хлора**, соправителя **Галерия** (293–311 гг.), и Елены, дочери трактирщика.

Когда Констанций Хлор возглавил поход в Британию, Константин остался в Никодемии — негласным заложником у Галерия. Несмотря на молодость, Константин был уже опытным солдатом, проявившим доблесть в войнах с Египтом и Персией, заслужившим уважение в армии.

Галерий не любил ни Констанция Хлора, с которым вынужден был делить власть, ни тем

более молодого Константина, которого опасался больше, чем его отца. Однако, опасаясь возмущения воинов, любивших Константина, предпринять против него что-либо серьезное не отваживался, ограничиваясь «мелкими пакостями», — например, однажды, будто бы в шутку, втолкнул его в клетку со львами. Константин со львами справился, но понял, что Галерия следует опасаться...

Находясь в походе, Констанций Хлора прислал Галерию письмо, умоляя отпустить к нему сына, так как он тяжело заболел. Галерий вынужден был дать согласие на отъезд Константина. Но объявил об этом поздно вечером, потому что на самом деле никуда его отпускать не собирался. За ночь он надеялся придумать какой-нибудь предлог, чтобы задержать Константина, а если не удастся, послать впереди него людей, чтобы те перехватили его в дороге. С тем и заснул...

Каково же было возмущение императора, когда утром он узнал, что Константин еще ночью покинул Никодемию. И догнать его невозможно, потому что предусмотрительный Константин на дорожных постах уничтожил всех лошадей. С неимоверной скоростью вскачь пронесся он через всю Европу. И успел вовремя!..

Отца он застал в Булони на смертном ложе, и тот в присутствии воинов передал сыну власть. Галерий был в ярости, но дело было сделано — Галльская армия уже провозгласи-

Константин Великий покидает Никодемию

ла его императором (306 г.). Впрочем, Константин, не без основания опасаясь Галерия, принял тогда менее громкий титул цезаря и возвращаться в Рим не спешил, предпочитая отправлять туда пленных франкских вождей для гладиаторских представлений.

Константин получил довольно скудное образование, но обладал сильной волей, стремлением к власти, неукротимым и жестким характером, кроме того, был одарен самыми разнообразными талантами. Все это и помогало ему одерживать победы над своими противниками.

После смерти Галерия Константин активно включился в борьбу за власть, и в 312 году в битве у Мульвиева моста, неподалеку от Рима,

В битве у Мульвиева моста, неподалеку от Рима, Константин разгромил армию Максенция

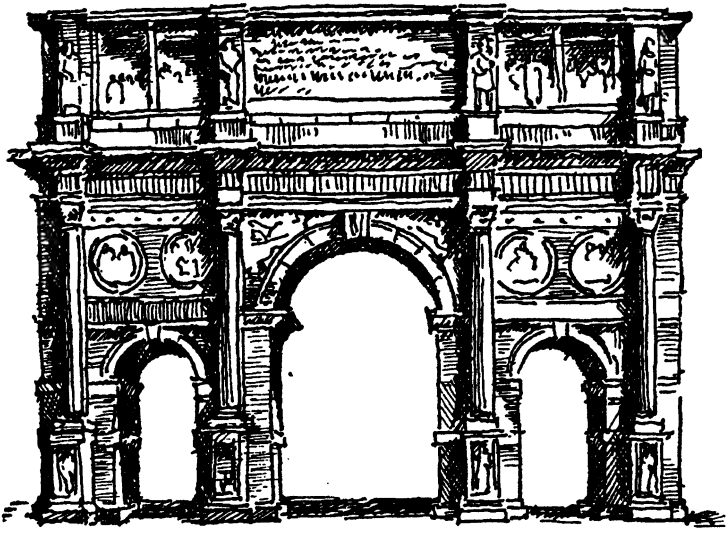
разгромил армию своего главного соперника **Максенция.** Битва эта примечательна тем, что, по легенде, накануне ее Константин увидел в небе огненный крест и слова: «Под сим знаком победиши». А ночью он услышал голос, повелевший начертать на солдатских щитах букву «Х». Так он и поступил, а сам отправился на передний край битвы, где встал у стяга, на котором были изображены начальные буквы имени Христа. И выиграл битву! Это сражение можно назвать поворотным в битве язычества с христианством...

И вот что еще примечательно: потопив армию и самого Максенция в водах Тибра и войдя в Рим, он не стал расправляться ни с сыновьями, ни со сторонниками поверженного

врага, как было тогда принято. И это великодушие Константина настолько поразило римлян, что они воздвигли в его честь величественную триумфальную арку!

Первым делом Константин распустил преторианскую гвардию, справедливо видя в ней источник нескончаемой смуты, затем провел закон, направленный против сената. Сенаторы отныне были разделены на разряды по имущественному признаку: тот, кто богаче, должен был вносить больший ежегодный налог в казну. Становиться сенатором стало обременительно. Провел он и ряд других значительных законов...

Но в Риме Константин не задержался. Он вообще не любил этот город. За свое долгое



Триумфальная арка Константина (315 г.)

императорство он и побывал-то в нем всего три раза. Может быть, он чувствовал его скорое и неизбежное падение и потому в 330 году на месте древней греческой колонии Византий, раскинувшейся на семи холмах по берегам залива Золотой Рог и Мраморного моря, решил возвести на смену Вечному городу новый Рим.

Место на берегу Босфорского пролива, соединяющего Азию и Европу, в средоточии торговых путей выбрано было чрезвычайно удачно. И уже спустя семь лет второй, или новый Рим, как поначалу был наречен этот город, своим блеском и восточным великолепием затмил первый. Широкие улицы украшали дворцы и храмы. Из Рима и других городов в новую столицу свозились лучшие статуи, великолепные произведения искусства. Да что говорить, только на сооружение городских стен и водопроводов были израсходованы колоссальные средства: шестьдесят тысяч фунтов золота! Город Константина рос и хорошел на глазах! А вскоре его так и стали называть — город Константина, то есть **Константинополь**.

Но главная заслуга Константина в том, что в переломную эпоху он первым понял, что язычество умирает, и поддержал **христианство**. Он был мудр и осознавал, что мертвая религия уже никого не спасет! Его нередко упрекают за то, что для него христианство было не целью, а средством. Однако, чтобы достичь цели, требовалось выбрать верное средство. Может быть, поэтому Константину и удалось со-

Современный Константинополь

вершить так много, что он взял себе в союзники христиан, хотя сам правоверным христианином так и не стал.

Словом, Константин замечательно управлял всем, кроме собственной семьи. Он был дважды женат и имел семерых детей. Старшего сына Криспа, рожденного от первой жены, Константин вынужден был казнить, а вторую жену по имени Фауста столкнул в бассейн, вода в котором оказалась слишком горячей. Что делать, будучи императором, он не мог не быть деспотом. Однако древние авторы, говоря о преступлениях императора, избегают черных красок.

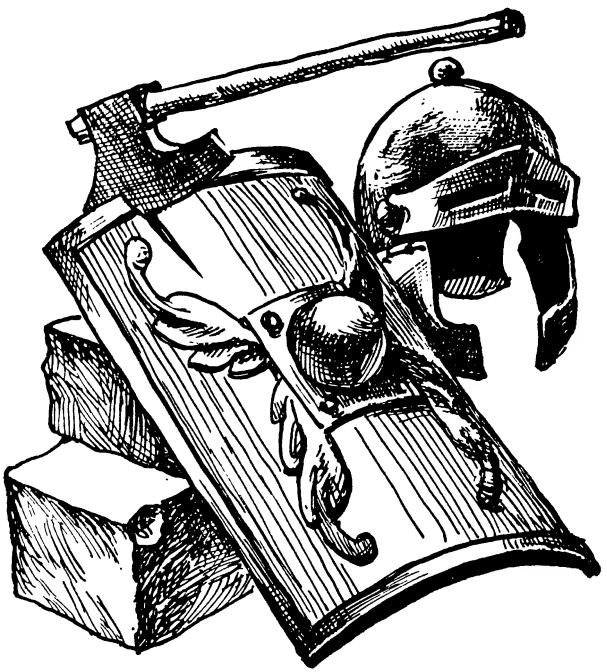
Сам Константин умер в 337 году в возрасте шестидесяти четырех лет, приняв Таинство крещения перед самой кончиной.

...Вторую жену Константин столкнул в бассейн

Как бы там ни было, именно благодаря Константину Первому, по заслугам нареченному Великим, созданная им Восточная империя — **Византия** — просуществовала после его смерти еще 1150 лет!

Впрочем, о Византии мы еще поговорим отдельно, а сейчас вернемся в Смутное время, то есть к началу средних веков.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ



Варвары
Битва при Адрианополе
Верный вандал
Падение Рима
Романтичный Аттила
Бедный Августул,
или кто такой Карабас Барабас
Последний римлянин

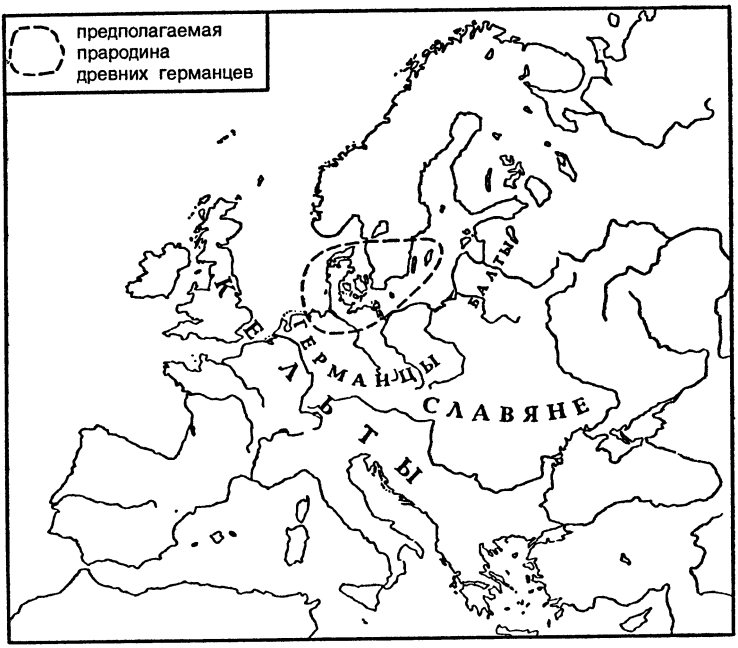
ВАРВАРЫ

Варварами, то есть «бормочущими», древние греки называли чужеземцев, не говоривших по-эллински. В том числе, кстати, и римлян. Впрочем, лишь до тех пор, пока римляне не покорили греков. А в глазах римлян варварами, соответственно, были народы, жившие на рубежах империи, то есть все остальные — «не римляне», и уже независимо от того, владели они латынью, языком римлян, или нет.

Ради справедливости стоит заметить, что римляне, обладавшие высокой культурой, в самом деле имели основание называть племена, населявшие в ту пору Европу, варварскими.

Уклад жизни этих народов был совсем иным и находился по сравнению с Римом на низшей ступени развития. Варвары не имели государств, жили первобытной общиной, земледелие и скотоводство развиты у них были слабо. А занимались они в основном войной и охотой. При этом воины были отменные! Целые племена постоянно снимались с места в поисках лучшей земли и угодий. В сущности, каждое варварское племя было бродячим войском.

Вот как пишет о них знаменитый римский историк **Тацит** (55–120 гг.): «Военачальников они выбирают по доблести... Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным в храбрости. Дружине же стыдно не сравняться в храбрости с вождем. Вернуться живым из боя,



Варварские народы Европы

в котором пал вождь, — значит на всю жизнь покрыть себя позором... Эти люди предпочитают вызвать на бой врага и получить раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они не понимают, зачем приобретать то, что можно добыть кровью...»

Время от времени какая-нибудь дикая орда, наводя панику, вторгалась в пределы империи. Кимвры и тевтоны однажды чуть было не дошли до самого Рима! Римляне, в свою очередь, в бесконечных войнах с варварами пополняли пленными армию рабов и отряды гладиаторов. Войны шли с переменным успе-

хом, хотя, разумеется, плохо вооруженным и плохо организованным варварам при всей их храбрости было трудно противостоять римским когортам и легионам. Неудивительно, что император **Октавиан Август** (63 г. до н. э.—14 г. н. э.), узнав, что двадцать тысяч отборных римских легионеров пали в **Тевтобургском лесу** под ударами варваров, в гневе возопил: «Вар, Вар, верни мне мои легионы!..» (Вар — имя римского военачальника.)

Октавиан Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.)

Бой легионеров и варваров

Что мог ответить императору полководец? Да ничего, потому что, увидев сокрушительное поражение своих воинов, в том же Тевтобургском лесу покончил с собой.

Для защиты империи от варваров между Дунаем и Рейном был сооружен пятисоткилометровый Римский вал — грандиозная оборонительная система с засеками, крепостями и сторожевыми гарнизонами, которая должна была оградить «римский мир» от натиска варварских племен, то есть от остальной Европы.

И все-таки, что же это были за племена?

Великий **Гай Юлий Цезарь** (100–44 гг. до н. э.) много и успешно воевал с варварами, в своих «Записках о галльской войне» он скромно сообщает, что покорил триста туземных племен! Не ставя под сомнение полководческий гений Цезаря, позволим себе усомниться в достоверности этой цифры. Общая слабость полководцев — в победных реляциях несколько завышать число побежденных. К тому же Цезарь не утруждал себя перечислением названий этих племен, объединяя их одним словом — «германцы».

Так вот, у варваров, тех, кого мы вслед за Цезарем называем германцами, в самом деле, было много племен, и каждое племя носило свое гордое имя: свевы, тевтоны, хамавы, сикамбры, хетты, херуски, квады, маркоманы, ругии... Можно перечислять и далее, но все же их было меньше трехсот! Даже если Цезарь относил к германцам и кельтов.

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.)

Но забудем цезареву ошибку. Давайте все же определимся с германскими племенами, потому что именно им предстояло определять новые границы средневековой Европы.

Итак, со II века многочисленные **германские племена** начинают объединяться в крупные военно-племенные союзы, получавшие названия по имени господствующего племени. На верхнем Рейне это алеманны, на среднем — франки, на Эльбе — саксы, на Дунае — вандалы, еще южнее — готы.

До некоторых пор Римский вал с большим или меньшим успехом сдерживал натиск варваров, однако в IV веке «судьба Востока затрубила в страшную трубу, возвещая об ужасных опасностях». С «окраины мира», откуда-то из Китая, подобно смертоносному смерчу, в Европу ворвались воинственные кочевники — **гунны.** Странный и незнакомый европейцам народ: то ли тюрки, то ли монголы, дикостью превосходившие самых диких варваров. Вторжение гуннов на Запад и стало историческим толчком, давшим начало эпохе **Великого переселения народов.**

Вот как описывает гуннов современник: «Их дикость превосходит все мыслимое; с помощью железа они испещряют щеки новорожденных глубокими шрамами, чтобы в зародыше уничтожить волосяную растительность, поэтому и старея они остаются безбородыми и

Гунны

Набег гуннов

уродливыми, как евнухи. Их скорее можно принять за двуногих животных... Они питаются лишь корнями диких растений и сырым мясом первых попавшихся животных... У них нет домов, равно как и гробниц... Они кажутся пригвожденными к своим лошадям, ибо и едят, и пьют, не сходя с них на землю, даже спят, склонившись к шеям своих скакунов».

Если кони гуннов были быстры, то слухи об их кровожадности и неумолимой жесткости опережали бег коней. Одно имя «гунны» наполняло сердца людей ужасом.

Как ни были свирепы и бесстрашны германцы, но и они испытывали трепет перед свирепостью новых диких бесчисленных полчищ. Не выдержав постоянного страха, подталкивая, подгоняя друг друга, племена и народы

кинулись в бегство! Теперь уже никакой Римский вал не мог сдержать их бешеного напора.

Как по призывному сигналу трубы, вся Европа пришла в движение — это был нескончаемый поток беженцев, хлынувший с востока на запад. Но вот что надо заметить: при этом сами беженцы становились завоевателями по отношению к другим народам, на землях которых искали спасения, и те, в свою очередь, тоже снимались с привычных мест...

«Смерть осенила мир. Все оказалось под властью варваров. Те, кто сумели устоять перед силой, пали от голода. Многие стали кормом для собак; другие живьем сгорели в своих домах... повсюду смерть, страдания, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии...» — такими свидетельствами полна литература начала Средневековья.

Длинный меч великого варварского нашествия накрыл Запад своей смертоносной тенью.

Тенью Темных веков...

БИТВА ПРИ АДРИАНОПОЛЕ

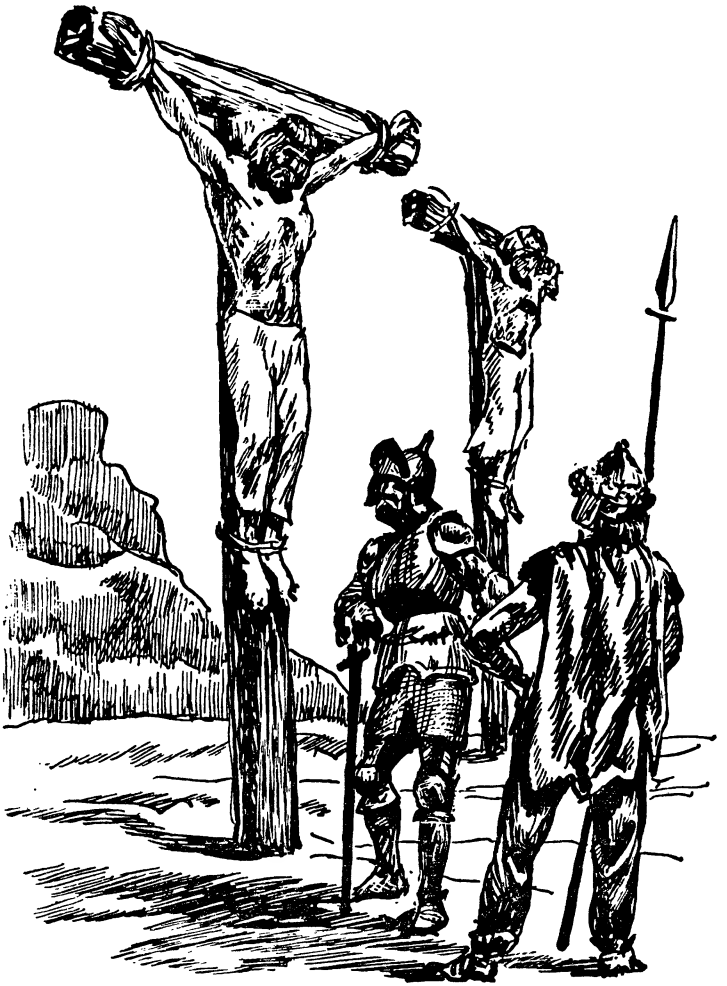
Древней родиной **готов** считается Скандинавия. Но к началу III века часть их проникла в Северное Причерноморье, то есть в южную часть России. По преданию, когда готы переправлялись через реку, возведенный ими мост рухнул, и река разделила племя на две части. Те, кто успели переправиться на восточный бе-

рег, стали называться **остготами**, то есть восточными готами, ну, а те, кто остался на западном берегу, получили имя **вестготов**, то есть западных готов. Готы были мощным племенем как на западе, так и на востоке, они притягивали к себе другие народы: бургундов, эрулов, аланов, славян, таким образом, объединяя варваров под одним именем.

Однако, хоть готы и считались отважными и даже свирепыми воинами, почувствовав грозное дыхание гуннов, они осознали, что не выдержат их натиска. К тому же против готов начали выступать племена недавних союзников. Первыми восстали славяне. Старый царь готов — **Эрманарих**, предвидя, что не сможет спасти свой народ от гуннов, покончил с собой. Другие предводители предприняли жестокую попытку удержать славян. Они захватили их вождя **Божа** и для устрашения остальных распяли его вместе с сыновьями и семьюдесятью старейшинами. Разумеется, после этого славяне окончательно приняли сторону гуннов и, соединившись с ними, наголову разбили остготов.

Остготы кинулись за Дунай — искать спасения у Рима.

Рим, все еще уверенный в своей силе, принял их. Император **Валент II** (364–378 гг.) даже помог остготам переправиться через Дунай и велел обеспечить беженцев всем необходимым. Империя всегда нуждалась в солдатах, а готы были известны как храбрые воины.



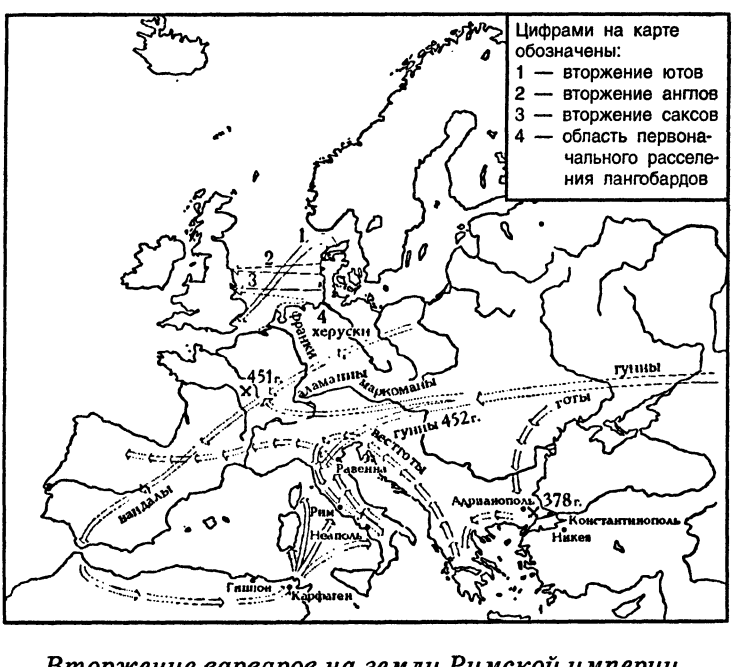
Вождь славян Бож и его сыновья, распятые готами

Но обещание Валента обеспечить остготов землей и самым необходимым осталось лишь обещанием. Отчасти это произошло из-за нехватки средств и продовольствия в самой

Италии, но главным образом из-за обычного воровства чиновников.

Среди готов начался страшный голод. Пользуясь их безвыходным положением, чиновники и ростовщики за бесценок скупали у них детей, жен и перепродавали работорговцам, а иных просто силой обращали в рабов. По сути, римляне вынудили готов к войне.

Глухое возмущение готов переросло в открытое восстание, охватившее всю Фракию. Ненависть к римлянам способствовала новому соединению вестготов и остготов, к тому же их поддержали рабы и другие варвары. Столкновение между римлянами и готами, а также



Вторжение варваров на земли Римской империи

сплотившимися вокруг готов остальными *«не римлянами»*, стало неотвратимым.

В то время империей правили два цезаря — **Валент** и **Грациан** (367–383 гг.). Они должны были совместно выступить против готов. Грациан, удачно громивший тогда германцев за пределами римских рубежей, заранее прислал Валенту вежливое письмо с просьбой ни в коем случае не начинать сражение с готами до его прибытия. Но победило «злосчастное упрямство Валента», жаждавшего военных лавров.

В августе 378 года, собрав шестидесятитысячное войско, Валент подступил к фракийскому городу **Андрианополю** (на территории современной Турции), где находился лагерь восставших готов, и прямо с похода, будучи уверенный в победе, приказал войскам вступить в бой.

Но не тут-то было!

«Как гром с крутых вершин, грянула на римлян готская конница и понеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути... На римлян обрушился поток стрел, образующих стену, через которую не могла пробиться римская пехота. А когда варвары хлынули всей массой, римское войско было раздавлено и опрокинуто. Готы так стиснули римлян, что они были не в состоянии пустить в дело свои короткие мечи... Готы приканчивали поверженных своими длинными копьями, сокрушая всякое сопротивление и не давая пощады сдававшимся... Повсюду громоздились горы

Опрокинутое и раздавленное римское войско

трупов, и ноги живых топтали мертвых», — так описывает ту битву римский военачальник и историк античности **Аммиан Марцеллин.**

Пешим римлянам казалось, что в кровавом мареве на них надвигаются кентаврообразные чудища. Наконец, под напором варваров боевая линия римлян распалась, и римляне побежали.

Император Валент потерял управление войсками. Он обезумел от ужаса и бежал, но, говорят, был убит случайной стрелой. Однако тело его так и не нашли среди мертвых.

«Были слухи, что раненого Валента приближенные отнесли в какой-то дом, но готы окружили этот дом и подожгли его, и все, находившиеся в доме, погибли», — сообщает

Марцеллин. Впрочем, разве важна судьба императора, если в этой битве была предрешена судьба всей империи!

Лишь с наступлением ночи завершилась трагическая для римлян битва. Говорят, в ту ночь на небе не было ни луны, ни звездного проблеска. Будто сама природа накрыла поле битвы покрывалом мрака и скорби.

Что ж, может быть, эта черная ночь в самом деле стала символом прощания с эпохой.

ВЕРНЫЙ ВАНДАЛ

Стилихон (резьба по слоновой кости)

После Адрианополя ничто уже не могло остановить варваров. Падение Рима было делом времени, и никто не мог его спасти. Нет, был один человек — некто **Флавий Стилихон**, сам варвар, родом из германского племени вандалов, благодаря незаурядному уму и полководческому дару возвысившийся при императоре **Феодосии Великом.** После смерти Феодосия он стал опекуном малолетнего наследника **Гонория** (395–423 гг.) и практически правителем

Западной Империи. Тогда уже великая Империя раскололась на западную ее часть — во главе с Римом, и на восточную — во главе с Константинополем.

Так вот Стилихону какими-то невероятными усилиями все-таки удавалось сдерживать натиск варваров.

В 396 году войска готов под предводительством прославленного воина **Алариха** прошли победным и разрушительным маршем по Македонии и Греции. Стилихон кинулся в погоню за готами, настиг их на юге Греции и разгромил наголову! Правда, Алариху удалось спастись. В 401 году Стилихон отразил нападение на Рим своих соплеменников вандалов. В 402 году римские войска во главе со Стилихоном вновь встретились с полчищами Алариха и вновь их разбили, хотя для победы Стилихону пришлось отозвать из Британии последние римские легионы. А через год еще одна битва с тем же Аларихом — и новая победа над ним! В 405 году 200 000 кельтов вождя **Радагайса**, теснимые гуннами, вторглись в Италию и пошли прямиком на Рим. Поражение казалось неизбежным, но и в этом критическом положении неутомимый Стилихон проявил потрясающие качества настоящего правителя: он призвал на защиту отечества даже рабов, пообещав им свободу. Но и при такой крайней мере ему удалось собрать армию всего в тридцать тысяч, и этими силами в битве под Флоренцией Стилихон разбил превосходящие по

численности, но неорганизованные варварские полчища Радагайса!

Еще одна победа!.. Рим ликовал!

Но, кажется, только Стилихон знал, какой ценой даются эти победы, и, кажется, только он понимал, что следующей победы может не быть. Он видел, как истощена империя и как слаба ее армия. Поэтому, будучи умным и дальновидным политиком, он решил заключить мир с самым мощным противником римлян: с побежденным, но сильным Аларихом.

Аларих принял предложение о мире благосклонно, однако потребовал выплатить ему четыре тысячи фунтов золота. Один из сенаторов, узнав об этом, воскликнул: «Это договор не о мире, а о рабстве!»

И все-таки Стилихон сумел убедить сенаторов в необходимости унизительного союза с варваром. Алариху даже была обещана одна из западных провинций. Для Рима в создавшейся ситуации это был единственный выход.

Давно уже императорский двор стал местом бесконечных доносов, интриг, заговоров, убийств из-за угла. Давно уже римская знать негодовала по поводу того, что варвары захватили лучшие должности. А уж имя вандала Стилихона, при скудоумном императоре Гонории, сосредоточившего в своих руках практически всю власть, у именитых патрициев вызывало откровенную ярость. Они по-прежнему считали, что лучший варвар — это мертвый варвар. И даже Стилихона, так много сделав-

Стилихон и сенаторы

шего для Рима, доказавшего свою преданность престолу, называли «волком в овечьей шкуре, которому нельзя доверять овчарню». К тому же они не могли ему простить того, что он, вандал, оказался умнее, мужественнее и талантливее многих из римлян!

Однако, завидуя и ненавидя, римляне понимали, что им трудно в чем-либо упрекнуть полководца. А вот переговоры с могучим готом дали повод противникам Стилихона обвинить его в... измене. При дворе начали распускать слухи, будто Стилихон с помощью готов хочет свергнуть Гонория и сделать императором своего сына. Вряд ли трусливый и ничтожный Гонорий поверил этому — скорее всего, жизнью Стилихона он решил расплатиться с

влиятельными аристократами. Или сам завидовал его славе? Так или иначе, Гонорий приказал казнить своего опекуна, который не раз спасал ему жизнь.

И Стилихон, последний защитник Рима, был подло убит.

Но на этом безумства римлян не закончились! По всей Италии началось избиение варваров, состоявших на римской службе, хотя именно разноплеменные варвары и составляли теперь основу римской армии. Возмущенные дикой и несправедливой расправой, тридцать тысяч воинов явились к Алариху и потребовали, чтобы он вел их на Рим.

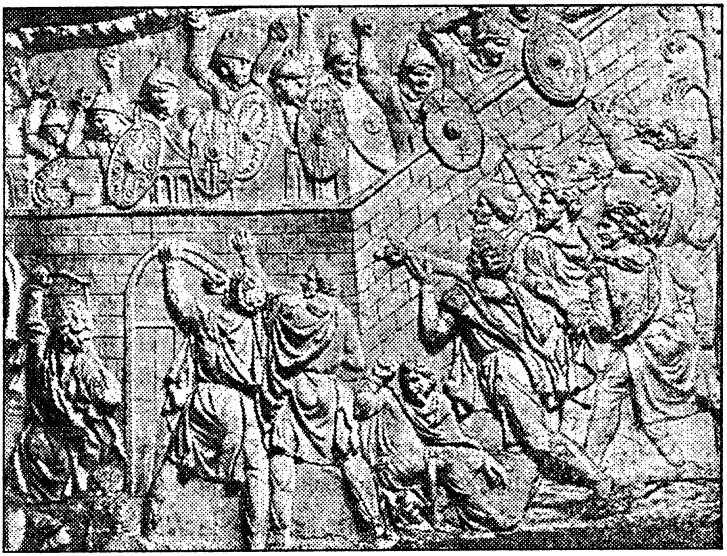
Очевидно, что смерть Стилихона развязала руки Алариху, теперь он оказался свободен от обязательств мирного договора.

Путь на Рим был открыт.

ПАДЕНИЕ РИМА

В 409 году Аларих возобновил войну. Не встретив достойного сопротивления, он захватывал и грабил города на севере и в центре Италии и, наконец, подступил к стенам Вечного города.

Хотя период его расцвета миновал, это был прекраснейший город с многочисленным населением, прекрасными жилыми домами, великолепными мраморными дворцами и храмами. В то время только дворцов в Риме насчи-



Германцы штурмуют римское укрепление (рельеф на колонне императора Траяна)

тывалось почти две тысячи! Площади украшали бесчисленные колонны, статуи, арки...

Аларих осадил Рим по всем правилам военной науки. Он захватил гавань Остию со всеми продовольственными припасами. Вскоре среди миллионного населения города вспыхнул голод, затем началась эпидемия чумы. Улицы были усеяны трупами. Страх и уныние овладели римлянами. Сенат отправил к Алариху парламентариев с мирными предложениями. За снятие осады гот потребовал огромный выкуп — римляне должны были отдать все имевшееся у них золото и рабов. «Что же останется жителям?» — спросили послы. «Жизнь!» — невозмутимо ответил Аларих.

Тогда парламентеры попробовали воздействовать на вождя готов угрозами:

— Мы будем сражаться! — заявили они. — У нас еще много воинов!

— Что ж, — согласился Аларих, — тем лучше! Чем гуще трава, тем легче косить!..

Делать было нечего. После долгого торга Аларих согласился снизить цену до пяти тысяч фунтов золота (две тысячи килограммов!), не считая серебра, шелка, кож и трех тысяч фунтов заморского перца, любимого готами!

Но и этот выкуп трудно было собрать. Пришлось переплавлять в драгоценные слитки золотые статуи богов, в том числе аллегорическую статую Римской Доблести. И это оказалось символичным — очень скоро понятие «римская доблесть» перестало существовать.

Алариху надоело ждать, когда римляне выполнят свои обещания. К тому же он потребовал от Гонория, который отсиживался в это время в неприступной Равенне, чтобы тот предоставил ему титул полководца императорских войск и платил ежегодную дань. Гонорий с презрением отверг притязания варвара.

Тогда Аларих решил взять богатства римлян и сам город силой, и это ему удалось: 24 августа 410 года Вечный город пал! На современников это произвело тяжелое впечатление, но, как ни странно, история не сохранила достоверного и обстоятельного описания этого события.

Остается загадкой, как варварам, не владевшим техникой штурма, удалось завладеть хорошо укрепленным городом. А если не было штурма, значит, кто-то открыл готам ворота. По одной версии, Аларих прибег к хитрости. После безуспешной осады он выбрал несколько десятков молодых воинов и под видом рабов отправил их в подарок знатным римлянам, объявив, что, пораженный мужеством защитников города, снимает осаду. И сделал вид, что действительно отступает. Переодетые воины в заранее назначенный день перебили охрану и открыли Салариевы, то есть Соляные, ворота для готской конницы. Не очень-то верится, что римляне оказались столь простодушны.

По другой версии, Алариха впустила в город некая женщина по имени Проба. Сделала она это из жалости к римлянам, которые гибли от голода и чумы. По третьей версии, ворота Алариху открыли рабы...

Как бы там ни было, в грозовую августовскую ночь 410 года при блеске молний и раскатах грома готы, одетые в медные панцири и звериные шкуры, ворвались на улицы Рима. Три дня бесчинствовали косматые воины Алариха — грабили, жгли, убивали... Правда, надо отметить, что Аларих запретил трогать тех, кто успел спрятаться в христианских церквях. Более того, к некоторым жителям готы проявляли снисхождение и позволяли им укрыться за стенами церквей...

Готы в Риме

А через три дня, насытившись кровью, готы, нагруженные огромной добычей, покинули полуразрушенный город...

Рассказывают, будто, когда слуга, выполнявший обязанности птичника, сообщил Гонорию, что Рим пал, Гонорий огорченно воскликнул:

— Да я только что кормил его собственными руками! — У Гонория был огромный петух по кличке Рим.

Слуга, поняв ошибку императора, пояснил, что город Рим пал от меча Алариха.

— Как ты меня напугал, — облегченно вздохнул Гонорий, — а я подумал, что околел мой любимый петух...

Таков был император Гонорий!

А Аларих пошел на юг Италии, откуда намеревался сначала переправиться в Сицилию, а потом в Африку. Но внезапная смерть не позволила ему осуществить свои планы... Власть над готами перешла к его племяннику **Атаульфу**. Вернувшись в Рим, Атаульф, «наподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось», и увел готов в Галлию.

Однако и это еще не было окончательным крушением Вечного города. Последний удар по Риму нанесли вандалы короля **Гейзериха**, которому, видимо, не давали покоя победные лавры Алариха.

Союз племен, возглавляемый **вандалами**, поначалу располагался на Пиренейском полуострове, но в 439 году вандалы, теснимые все теми же готами, покинули Испанию и поселились в плодородной римской провинции Африка (современный Тунис) — там, неподалеку от Карфагена, образовалось королевство вандалов. И вот, в 455 году, уже из Африки, они совершили стремительный морской рейд на Италию. Вандалы — единственные из варваров, имевшие флот.

На этот раз никто даже не попытался обороняться. Гейзерих беспрепятственно вступил в Вечный город. И начался свирепый грабеж, навеки закрепивший за вандалами славу отъявленных дикарей. С тех пор слово «вандализм» стало нарицательным. До сих пор мы называем вандалами тех, кто бессмысленно уничтожает созданное другими.

Чтобы закрепить за собой эту «вечную славу», вандалам понадобилось всего четырнадцать дней! Как завистливые сороки, они выцарапывали все, что блестело, и тащили на свои корабли, а то, что нельзя было утащить, — разрушали. Гейзерих не оставил в императорском дворце ни одного металлического предмета. Даже с храма Юпитера Капитолийского велел снять медную крышу. Словом, было уничтожено все, что осталось от прежних набегов. Варвары не тронули лишь самих зданий Рима — видимо, потому, что у них не было на это ни сил, ни времени.

«Но в других отношениях Рим был опустошен сверх всякой меры... немногие оставшиеся жители двигались по огромному мертвому городу, как привидения... И повсюду воцарилась могильная тишина...»

Так пал Вечный город.

РОМАНТИЧНЫЙ АТТИЛА

А что же в это время делали гунны? Подмяв под себя славян, кинув на Рим готов, подвинув на запад франков, сами гунны обосновались в Паннонии, что на территории современной Венгрии.

Новый отсчет их завоеваниям начинается с 435 года. Предание рассказывает, что в тот год некий **Аттила** из рода гуннских вождей получил найденный пастухом меч бога Марса —

именно этот меч должен был помочь ему сделаться властелином мира. Для начала Аттила убил своего старшего брата и стал властелином гуннов.

Аттила

Столица державы Аттилы находилась на берегах Тисы. А границ владыка гуннов вовсе не признавал. Во всяком случае, кровавые и опустошительные рейды он совершал и в Малой Азии и в Армении, на Балканах и даже в Месопотамии. Не говоря уж о том, что всей Европе имя Аттилы внушало трепет. Говорили, что там, где пронесся конь Аттилы, траве уже не расти! Не зря его прозвали «бичом Божиим».

«Он был мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран... — так отзывался о нем современник. — Низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, приплюснутым носом и отвратительным цветом кожи...»

Однако, несмотря на такие «данные», сестра императора Валентиниана III (425–455гг.) **Юста Грата Гонория** влюбилась в свирепого гунна. (Женщина в Риме личного имени не имела, а носила родовое имя: Юлия — в роде

Юлиев, Клавдия — в роде Клавдиев. Гонория была из рода того самого **Гонория**, что печалился о петухе, когда надо было плакать о Риме. Она приходилась ему племянницей.)

С помощью верных людей Гонория тайно вступила в переговоры с Аттилой и первой предложила ему свою руку. А вместе с рукой и право на часть Римской империи. В знак любви и серьезности своих намерений Гонория послала избраннику золотое кольцо. Трудно сказать, что заставило ее это сделать. Может, таким образом она хотела досадить брату и отнять у него власть? А может, могучий гунн действительно овладел ее воображением?

Аттила заочно был восхищен невестой. Он уже прикидывал, какая часть империи достанется ему в качестве приданого. До сих пор по отношению к империи свирепый, но хитрый гунн вел себя двулично: то грозил, то миловал, выжидая момента, чтобы разом покончить с имперским владычеством. Теперь же ему представился вполне законный повод предъявить свои права Риму.

Он потребовал от императора немедленно выдать ему невесту, а вместе с ней и то, что причитается в данном случае жениху. Перепуганный Валентиниан в ярости готов был скормить хищникам легкомысленную сестру. Но умные люди подсказали: такие действия еще больше разозлят «влюбленного» гунна. А потому Гонорию спешно отослали в неприступную Равенну, где и повенчали с каким-то

придворным. Объявили, будто она сама предпочла того предводителю гуннов.

Разумеется, вынести такого унижения гордый Аттила не мог и, оскорбленный в самых высоких чувствах, в 450 году двинул свое войско на запад. Переправившись через Рейн, гунны вторглись в Галлию. Десятки городов были повержены в прах, и главное, Аттила

осадил Орлеан, — важный стратегический пункт, взятие которого открывало путь на Италию.

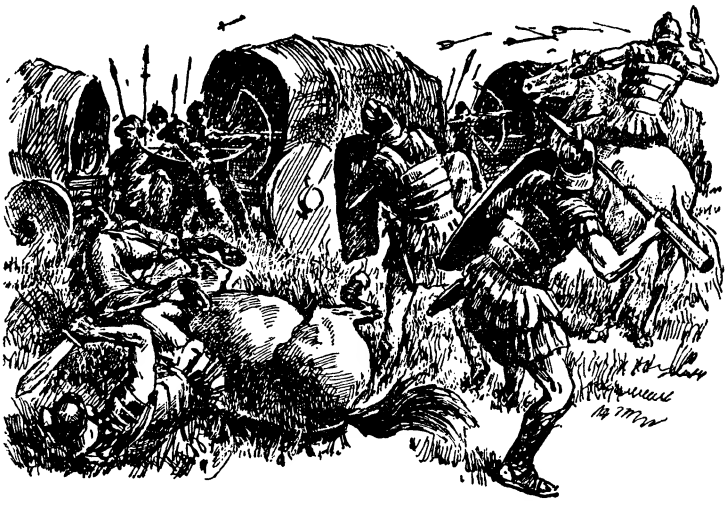
Рим проклинал Гонориев и готовился к самому худшему. Однако на счастье Риму, а может, и всей Европе, рядом с императором Валентинианом оказался полководец **Аэций** (390– 454 гг.) — выдающийся стратег и политик, один из «последних римлян», как называют его. Неимоверными усилиями он сумел

сплотить на борьбу с Аттилой вестготов и галлов, бургундов и франков — весь варварский мир! Впервые европейские племена, объединенные Римом, выступили в едином союзе против общего врага. У Аттилы, как утверждают, было пятьсот тысяч войска. Наверное, не меньше воинов выставил и Аэций. Если мы сумеем представить две огромные разноплеменные армии, что столкнулись в беспощадной схватке, то станет ясно, почему эта грандиозная битва получила название «Битва народов».

Итак, Аттила осадил Орлеан, но Аэций вынудил его снять осаду города. И 15 июня 451 года произошло кровопролитнейшее сражение на Каталаунских полях.

К сожалению, почти не сохранилось свидетельств о том, как проходило это сражение. Историки даже не могут определить точное место, потому что давно уж не существует и самих Каталаунских полей. Но битва была грандиозная! Не на жизнь, а на смерть! Более двухсот тысяч воинов пало с обеих сторон! Говорили, что даже окрестные ручьи стали красными от крови. А еще говорили, что три дня и три ночи над местом побоища сражались души погибших. Они и после смерти не могли прекратить бой, и с небес доносились их крики. А может быть, это раненые, оказавшиеся под грудой мертвых тел, взывали о помощи?..

В тот день никто не мог победить! И все же к вечеру Аттила отступил и укрылся в своем стане, окруженном кибитками. Оттуда гунны,



Римляне отступают

как из крепости, пускали сотни стрел в тех, кто осмеливался приблизиться, поэтому взять их лагерь штурмом было невозможно. А ночью гунны ушли, и Аэций не рискнул их преследовать, потому что на это не было сил...

Однако спустя год Аттила вновь заявил свое право на Гонорию и напал на Италию. На этот раз он сразу подступил к Риму. И здесь случилось нежданное — навстречу свирепому гунну вышел с дарами и Божиим словом папа Лев Первый!

О чем говорил папа Лев с Аттилой, не знает никто. Увещевал ли он дикого гунна, уговаривая не проливать христианскую кровь, пугал ли небесной карой или чумой, что разразилась в Риме, или советовал забыть слишком ветреную, к тому же замужнюю Гонорию?..

Так или иначе, свершилось то, что римляне сочли чудом: Аттила потребовал за свое «милосердие» ежегодную дань в тысячу килограммов золота и гордо удалился в придунайские степи.

А еще через год Аттила отпраздновал свадьбу — его невестой была юная безвестная германка, которая и убила его в первую брачную ночь. Без Аттилы его наспех и грубо сколоченная держава вскоре распалась.

Победитель Аттилы великий Аэций пережил его ненадолго. В 454 году он был предательски убит во время аудиенции у императора Валентиниана, вероятно, позавидовавшего славе последнего римского полководца.

БЕДНЫЙ АВГУСТУЛ, ИЛИ КТО ТАКОЙ КАРАБАС БАРАБАС

На фоне грандиозных битв и кровавых нашествий никто, кажется, и не заметил чрезвычайно важных событий: Римская империя, вернее, западная ее часть, со всеми институтами и атрибутами власти прекратила существование.

Паннонский римлянин по имени **Орест**, служивший ранее писцом у Аттилы, после смерти своего господина собрал осколки его армии и привел их на императорскую службу. В Западной империи правил тогда император

Юлий Непот. Он принял Ореста ласково и назначил его начальником войск. Орест вроде бы с благодарностью принял назначение, однако (так уж осквернился характер римлян!) получив власть над армией, тут же поднял мятеж против императора. Юлий Непот все же спасся бегством, но осторожный Орест не стал занимать освободившийся престол, а возвел на него своего малолетнего сына.

По иронии судьбы новый император носил имя основателя Рима — **Ромула** и основателя империи — **Августа**. Римляне прозвали малолетнего императора Августулом, то есть несмышленым «Августёнком». Во всяком случае, нигде не сказано, что он отличался какими-либо достоинствами.

В это время в армии обрел влияние некий **Одоакр**. Он был молод, отважен и честолюбив, а в то время этих качеств было вполне достаточно, чтобы захватить власть. Для начала Одоакр потребовал, чтобы его воинам была отдана на поселение третья часть территории Италии. Орест, управлявший страной от имени сына, отказал Одоакру. И вот, в 476 году Одоакр поднял бунт. Рим в который раз был захвачен, Орест убит, а юный император низложен.

Случилось это 23 августа 476 года. Этот день и принято считать последним днем Западной Римской империи. Да что империи — целой эпохи. Конец печальный, но закономерный...

Несчастного Августула, который лишь тем и прославился, что стал последним римским императором, Одоакр сослал в Неаполь, где он скоро скончался. А потерявшие всякое значение и достоинство знаки императорской власти — пурпурную мантию и корону — Одоакр отослал в Константинополь: нам, мол, они больше не надобны!

Чтобы поставить точку в этой истории, добавим, что и Одоакр — «патриций римлян» — правил не долго. Вскоре (193 г.) остготы короля **Теодориха**, подбиваемые Византией, напали на Одоакра. Тот отчаянно защищался и заперся в неприступной Равенне. Но Теодорих заверил, что сохранит жизнь «патрицию римлян», и даже предложил править Италией вместе. Одоакр расчувствовался и сдал город.

По случаю примирения Теодорих пригласил «патриция римлян» и его главных сторонников на пир, где и расправился со всеми. Причем Одоакра Теодорих заколол собственноручно...

Теодорих, безусловно, был выдающимся варваром во всех отношениях: в коварстве, вероломстве, в политической дальновидности, за что и заслужил прозвание Великий. К тому же он преклонялся перед римской образованностью, окружал себя философами и учеными, и даже сам учился писать, что вызывало почтение у других королей варваров.

Правил Теодорих для того времени необычайно долго — целых тридцать семь лет. Но по-

сле его смерти начались новые смуты. Византия опять попыталась подчинить себе Италию. И после кровопролитной двадцатилетней войны ей это почти удалось!

Однако в это время с севера на истерзанный «сапожок» (так выглядит на карте Апеннинский полуостров, где расположена Италия) двинулось доселе неведомое дикое племя, называемое **лангобардами**, то есть длиннобородыми. В Италии они зверствовали так, что римляне, кажется, уже привыкшие ко всему, пришли в ужас и охарактеризовали лангобардов-завоевателей кратко: «Они дикие более страшной дикостью, чем обычно бывает дикость германцев».

А Великое переселение народов продолжалось! И еще долго эхо ударов гуннского бича гнало людей из края в край по Европе!

Однако впереди уже брезжил свет! На востоке поднялась Византия, в Галлии образовалось королевство франков, в Испании — королевство вестготов, скандинавы, юты и саксы после ряда нападений захватили Британию, часть побежденных бриттов пересекла море и основалась в Арморике, нынешней Бретани...

Так постепенно, именно в результате **Великого переселения народов**, сформировалась карта современной Европы: Британия стала Англией, Галлия — Францией, в Испании появилась Андалузия (Вандалусия), названная в честь вандалов, а в Италии — Ломбардия, сохранившая имя ненавистных лангобардов...

За четыре столетия на Западе образовался совершенно новый мир, многонаселенный, разделенный новыми границами.

Средневековье обрело свое лицо.

ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН

По праву первым в славной когорте «последних римлян» стоит имя **Северина Боэция** (480–525 гг.). Он не был выдающимся стратегом, знаменитым полководцем или отважным воином, чей подвиг остался в веках. Он был философом. В то время действительно «темных веков», в котором ему выпало жить, он смел утверждать, что человек не должен жить войной, что он создан не для разрушения, а для познания мира и созидания.

Когда Боэцию, воспитаннику истинного римского патриция, исполнилось тринадцать лет, к власти в Италии пришел король остготов **Теодорих**.

Теодорих стремился прослыть просвещенным государем. И потому вначале он действительно поставил перед собой грандиозную задачу: объединить под своим правлением завоеванных и завоевателей, римлян и варваров. К германцам он обращался с таким призывом: «Римляне — соседи вам по владениям, так пусть их с вами объединяет любовь!»

Знатных и образованных римлян он привлекал к управлению государством, надеясь

вернуть былую славу Римской империи. Разумеется, все это осталось лишь благими намерениями. Величие замыслов в Теодорихе сочеталось с жестокостью, подозрительностью и коварством.

В двадцать лет юный Северин прибыл в Равенну, столицу остготского королевства, и был представлен королю. Теодорих, пораженный обширными знаниями юноши, сделал его своим министром.

Двадцать лет верой и правдой Боэций служил королю. Принимал участие в решении самых важнейших вопросов войны и мира, распределял деньги, принимал посольства, составлял для безграмотного Теодориха указы — словом, делал все для того, чтобы король выглядел мудрым.

Боэций был превосходным государственным деятелем, но настоящий смысл его жизни заключался в поиске Истины, он хотел раскрыть и донести до людей смысл учений великих древних философов, о которых уже начали забывать. Что говорить, к тому времени во всей Европе не так много осталось людей, владевших греческим языком. Так вот Боэций задумал перевести на латынь сочинения величайших мыслителей Греции. Начал он с Аристотеля... Но слишком много времени отнимала королевская служба. Кроме того, Боэций занимался практическим просвещением: он составлял учебники по арифметике, геометрии, астрономии и даже по музыке!

В его учебниках нет привычных нам задач, но зато в них с доступной простотой излагаются философские учения о числе, ибо философ Пифагор утверждал, что число лежит в основе мироздания.

По его учебнику музыки нельзя научиться играть на каком-либо инструменте, но зато он помогает понять, что весь мир связан едиными законами мировой гармонии. В средние века по учебникам Боэция учились в школах и университетах. Не знать, не читать Боэция считалось позором!

Теодорих в высшей степени был доволен своим необыкновенным министром, одним лишь присутствием при его дворе возвышавшим самого короля. «Разум твой преисполнен знания!» — в восторге восклицал он.

Слава Боэция росла, и королевские милости сыпались на него, как из рога изобилия. Но однажды Боэций произнес во дворце страстную речь в защиту римской свободы и справедливости. С жаром он высказал все, о чем размышлял многие годы. Он говорил о несправедливости, о жестоком произволе победителей и взывал к королевскому милосердию!.. Король слушал философа мрачно.

Вскоре во дворце появились анонимные письма, в которых Боэция обвиняли во всех смертных грехах. Отношение к Боэцию резко изменилось.

Теодорих не стал выяснять, правда ли то, что сообщали анонимы, а просто обвинил сво-

Северин Боэций произносит речь

его министра в государственной измене. Боэций был осужден, причем в числе тяжких обвинений (вот она, жестокость средних веков!) были и его занятия философией.

Свободомыслие и поиск Истины король счел преступлением, заслуживающим смертной казни. Но разве можно заковать в цепи душу и мысли?

Уже в темнице, зная, что дни его сочтены, Боэций написал удивительную книгу, ставшую одной из самых читаемых на многие века. В ней люди искали и находили «живительный источник оптимизма и стойкости», целительную силу веры в справедливость и человеческий разум.

Сочинение Северина Боэция, написанное накануне казни, называется «Утешение философией».

«Ныне же, храбрые, вперед стремитесь!
Не бессильны вы, пример вас учит.
Поборов все горести земные,
Звезд достигнете!..» —

так написал Боэций, «последний римлянин».

РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИЙ

Франки и их «косматые короли»
Суассонская чаша
Хитрый Хлодвиг,
или самое популярное королевское имя
«Правда» Хлодвига
Кровавые наследники Хлодвига
Неожиданное продолжение
Отважный молот,
или битва при Пуатье
«Почти король»
От Пипина Короткого
к Карлу Великому
Карл воин
Последний бой Роланда
Карл император
Триумф и крах Каролингов

ФРАНКИ И ИХ «КОСМАТЫЕ КОРОЛИ»

Франки — древнегерманское племя, жившее между Рейном и Эльбой, было воинственным и грозным.

Воины этого племени искусно владели боевыми топорами — они точно поражали цель сильными и метками бросками. Франки во многом отличались от других варваров (может быть, потому, что жили по соседству с римской Галлией).

Во-первых, они носили одежду не из звериных шкур, а из ткани. А еще они брились и стриглись. Для варваров того времени это было прогрессивным качеством. Только вождям дозволялось отпускать длинные волосы, и чем длиннее они были, тем большего почета удостаивался вождь. За это франков называли племенем «косматых королей».

СУАССОНСКАЯ ЧАША

«По смерти Хильдерика наследовать ему был призван Хлодвиг», — так начинается жизнеописание первого франкского короля, составленное **Григорием Турским**. Если на старофранкском языке Хильд-Рик означает «мощный воин», то Хлод-Виг — «прославленный в боях». Не правда ли, имя сына достойно имени отца, кстати, участника знаменитой

Перстень-печать короля Хильдерика, отца Хлодвига

«Битвы народов». А вот **Хлодвигу** только предстояло прославить себя в боях и оправдать данное ему имя.

Для начала юный **Хлодвиг** напал на римского консула в Галлии **Сиагрия**. Впрочем, к тому времени Римская империя уже не обладала прежней мощью и славой. Поэтому Хлодвиг и решился на войну с римским наместником. Перед тем как отправиться в поход, Хлодвиг постарался заручиться поддержкой своих родичей, других франкских вождей. Кто-то согласился ему помочь, кто-то увильнул от похода — следует упомянуть об этом, потому что это важно для нашего рассказа.

Сиагрий принял вызов Хлодвига, вышел ему навстречу со своим войском из Парижа и сам определил место битвы — неподалеку от города **Суассон**. Он видел в этом свое преимущество, но даже удачное расположение место битвы не смогло ему помочь. Молниеносные удары топоров франков решили исход сражения. Правда, Сиагрию удалось бежать с поля боя. Он попросил защиты у вестготского короля **Алариха**.

Но не таков был Хлодвиг, чтобы не довершить начатого! Угрожая Алариху войной, он потребовал выдать ему Сиагрия и добился своего. Сиагрий был обезглавлен.

Воины времен короля Хлодвига

Тогда же в Суассоне произошла еще одна история, о которой следует рассказать, чтобы лучше понять характер первого франкского короля.

Когда франки после победы учинили в Суассоне традиционный грабеж, в христианском храме была захвачена драгоценная чаша. По обычаю, военную добычу собирали в одно место, а потом распределяли между воинами. По просьбе епископа Хлодвиг, нарушая обычай,

решил вернуть вазу храму. Никто из воинов не решился ему перечить, кроме одного солдата. «Хоть ты и вождь, Хлодвиг, но никто не давал тебе право нарушать древние обычаи! Вот тебе твоя чаша!» — воскликнул он и с этими словами рассек секирой злополучную чашу.

Хлодвиг, по словам Григория Турского, перенес это оскорбление «с терпением и кротостью», однако обиды не забыл и уже следующей весной, во время военного смотра, проходя по рядам выстроившихся перед ним воинов, вроде бы случайно остановился напротив того молодого франка, что разрубил суассонскую чашу. Он внимательно оглядел его вооружение и вдруг, вырвав из его рук секиру, бросил ее на землю: «Что это за секира! Она никуда не годится!»

Удивленный воин нагнулся, чтобы поднять секиру, которая была не хуже, чем у других, и в этот миг Хлодвиг мечом отрубил ему голову. «Ты разбил *мою* чашу», — усмехнувшись, пояснил он. Правда, воин этих слов уже не услышал...

Так утверждал Хлодвиг свою власть, свое право казнить и миловать. Впрочем, миловал он немногих...

Как только Хлодвиг почувствовал, что обрел достаточно сил, то вступил в борьбу с другими франкскими вождями. Если в начале правления он довольствовался тем, что заставлял их стричь длинные шевелюры — знак франкского достоинства, то теперь перешел к

Хлодвиг во время военного смотра

планомерному и расчетливому уничтожению всех, кто мог оспорить его верховную власть. И здесь в полной мере проявились его злопамятность и коварство.

ХИТРЫЙ ХЛОДВИГ, ИЛИ САМОЕ ПОПУЛЯРНОЕ КОРОЛЕВСКОЕ ИМЯ

Помните, мы говорили о том, что перед походом на Сиагрия Хлодвиг попросил помощи у других франкских вождей? Так вот, скорее всего, он не просто заранее искал повод, чтобы их уничтожить...

Сначала он убил **Алариха**, отказавшего ему в поддержке. Потом его сына — потому

что это был сын Алариха, и от него можно было ждать мести. Но и это был лишь предлог для начала беспощадной кровавой расправы. Следом за Аларихом Хлодвиг убил Рагнарха, потом расправился со своими братьями Рихаром и Ригномером — потому что видел в них соперников. Так же он поступил с вождем рейнских франков своим союзником Сигебером, — он погубил его руками собственного сына Клодерика; ну а затем добрался и до Клодерика...

Хлодвиг истребил всех своих родственников, стоявших во главе соседних племен. И вот еще примечательная деталь! Когда Хлодвиг завершил все эти кровавые «подвиги», то собрал к себе уцелевших родственников и возопил, разрывая на груди одежду: «О горе мне, ибо я остался один, как странник среди чужих, и некому помочь, если случится несчастье!..» При этом коварный и лицемерный правитель следил за реакцией окруживших его: нет ли среди них сочувствующих казненным, которых также следовало бы лишить жизни. На всякий случай...

Позже Хлодвиг принял христианскую веру. «Склони свою выю, гордый сикамбр! Сожги то, чему поклонялся, и поклонись тому, что сжигал!» — потребовал от Хлодвига реймский епископ. И «гордый сикамбр», непобедимый и вероломный Хлодвиг, покорно склонил голову, снял с шеи многочисленные ожерелья, амулеты, прочие знаки варварского

Хлодвиг принимает христианскую веру

верования и спустился по ступеням к крестильной купели. Возможно в душе Хлодвиг и оставался язычником, но, как мудрый и дальновидный вождь, он понимал, что будущее за христианством.

И многие из франков были крещены вместе с ним в тот день Рождества Христова 498 года в Реймском соборе Святой Марии.

Это было знаменательное событие для всей последующей истории христианизации варваров. К тому же оно положило начало традиции — с тех пор все коронации французских королей проходили именно в Реймском соборе. Хотя сам титул «король» появился позднее.

В Римской империи предводителей варваров называли *рексами*, что означало «вождь». Ради справедливости стоит отметить, что франкский рекс Хлодвиг в Реймском соборе был не коронован, а крещен. Однако крещение «лохматого короля» франков Хлодвига было куда важнее присвоения громкого титула, поскольку стало первым шагом от язычества к христианству всей «лохматой» Европы.

Еще тринадцать лет неутомимый Хлодвиг воевал, расширяя границы своих владений, столицей которых уже при нем стал городок Париж.

Наконец, объединив под своей властью огромные земли, простиравшиеся от Рейна до Пиренеев, по древнему ритуалу посвящения в воинское королевское достоинство, Хлодвиг был торжественно «поднят на щит». Он добился того, чего хотел! Ложью, коварством, воинской доблестью, хитростью, мудростью и вероломством он обрел признание франков. Правда, скоро — в 510 году — основатель первой королевской династии Хлодвиг из рода Меровингов умер.

Ритуал посвящения Хлодвига
в воинское королевское достоинство

Спустя пять веков после его смерти, отдавая должное великому предку, Карл Великий назвал в честь него одного из своих сыновей — Людовиком. На древнем франкском оно звучит

как Хлодвиг. Именно это имя стало символом законности обладания королевской короной, потому-то и было так популярно среди французских монархов.

В самом деле, много Людовиков волею судьбы оказались на французском престоле...

«ПРАВДА» ХЛОДВИГА

То, что мы узнали о первом короле франков, характеризует его вполне определенно и четко: властолюбивый, безжалостный, вероломный человек, ради достижения своих целей готовый на любое преступление, вплоть до убийства. Впрочем, вероятно, в то время только так и можно было возвыситься. В конце концов, у Хлодвига не было выбора, он понимал: если не убьет он, то убьют его. Он лишь опережал соперников.

Но вот что примечательно: именно при Хлодвиге, казалось бы, своей жизнью отрицавшем и ниспровергавшем любые законы, в средневековой Европе появляется первое законодательство. Став полновластным вождем целого народа, Хлодвиг понял, что без законов не обойтись. Для разрешения и регулирования различных конфликтов ему понадобился свод правовых установлений.

Варвары в силу своего разумения пытались взять от империи все лучшее. Казалось бы, Хлодвигу проще всего было обратиться к рим-

скому праву, составленному учеными юристами. Но в том-то и дело, что Хлодвиг не нуждался ни в римских, ни в новых законах: он решил возвести в закон древние франкские обычаи.

Сила обычая состоит в неукоснительном следовании ему, в верности данному слову или действию, ставшему символическим. Если человек, например, ломал пучок веток «мерою в локоть» — обязательно «мерою в локоть»! — а затем разбрасывал поломанные ветви на четыре стороны, это значило, что он разрывает родственные связи. И никакой суд был не нужен! А покупатель дома или земельного участка шел на встречу с продавцом с двенадцатью взрослыми свидетелями и с двенадцатью мальчиками. После передачи денег покупатель давал пощечины и как следует надирал уши мальчикам,

Древний франкский обычай: покупатель дает пощечины и надирает уши мальчикам

чтобы они получше запомнили это событие и позже, когда подрастут, смогли бы освидетельствовать покупки.

Вот на основе этих древних обычаев и было создано первое законодательство Средних веков, получившее название **«Салическая правда»**. Выбор названия объясняется просто: часть франков, которые жили у моря, назывались «салическими», то есть — «приморскими» франками.

Особенность этого удивительного законодательства заключается в том, что в нем отсутствуют законы в современном понимании. Ведь закон — это норма для всех, но в варварском средневековом королевстве вообще не мог существовать единый закон! Каждого судили по обычаю того народа, к которому он принадлежал. Поэтому за одно и то же преступление римлянин платил жизнью, а бургунд, например, мог отделаться легким штрафом.

И в «Салической правде» нет общих норм, нет статей, в которых четко определялось бы наказание за то или иное преступление. В ней лишь самым подробным образом описаны сами преступления. Наказание же определял суд. Причем для суда важны были такие мелочи, которые, казалось бы, вовсе не имели отношения к делу.

Какая разница, увели у тебя козу с лужайки, где она паслась, или из хлева, — все равно украли! Но для суда в том огромная разница! Суд обязан учитывать все, даже возраст укра-

денной козы, удойность и прочие ее достоинства и недостатки. За хорошую козу кара одна, за плохую — другая! Из ста пятидесяти дотошно расписанных в «Салической правде» возможных краж, семьдесят четыре касаются краж домашних животных! При этом заметим, что воровство наказывалось сурово!

А вот за убийство вполне можно было откупиться, стоило лишь заплатить **вергельд** — это так называемая «цена человека» или «возмещение за жизнь». «Возмещение» платили родственникам убитого. Но «цена человека» была различной. За убитого галла платили гораздо меньше, чем за убитого франка. «Цена» взрослого мужчины была выше, чем ребенка, старика или женщины...

«Стоимость жизни» убитого определял суд. Например, убийство епископа оценивалось так: по размеру тела покойного отливалась свинцовая рубашка, и убийца должен был выплатить родственникам или королю столько золота, сколько весила эта рубашка. Одну треть вергельда — «цену мира» — удерживал судья, из этой доли еще одну треть он оставлял себе, а остальная сумма шла в казну короля. Убийств было много, а потому казна пополнялась.

Но для того чтобы получить вергельд, нужно было доказать вину убийцы. Для этого в суд приглашались свидетели. Если свидетелей не было и доказать вину не представлялось возможным, применялось физическое

испытание: руку обвиняемого опускали в кипящую воду или жгли раскаленным железом. Если рука оказывалась после этого невредимой (что вряд ли могло быть), то обвиняемого оправдывали.

Если же вина была очевидной, но убийца не мог заплатить вергельд, он должен был, взяв в руку горсть земли, не глядя, бросить эту землю через плечо в своих родичей, стоявших у него за спиной. Теперь оплата вергельда возлагалась на тех из них, в кого он попал.

Надо заметить, что даже выплаченный вергельд вовсе не гарантировал спасения от возмездия. Люди больше придерживались известного обычая «око за око и зуб за зуб». Одно убийство порождало другое, и враги долго еще сводили счеты друг с другом по обычаю кровной мести.

А еще, к примеру, в «Салической правде» были скрупулезно расписаны «цены»: кто, кому и сколько должен за нанесенное увечье или ранение. Например: «Кто вырвет другому руку, ногу, глаз или нос, тот платит 100 солидов; но если рука еще висит, то лишь 63 солида. Оторвавший большой палец платит 50 солидов, но если палец остается висящим, то только 30. Кто оторвет указательный палец (этот палец особо важен, потому что необходим для стрельбы из лука. — *Прим. авт.*), платит 35 солидов; за другой палец — 30 солидов; если оторвет два пальца вместе — 35 солидов, а три пальца — 50 солидов...»

Что делать, каковы правители, таковы и законы! Хотя за что их укорять? Просто время было такое...

КРОВАВЫЕ НАСЛЕДНИКИ ХЛОДВИГА

Хлодвиг-законодатель стремился разорвать порочный круг **кровной мести**, то, что сейчас мы называем вендеттой. После убийств, совершенных им самим, он мог опасаться, что дети или внуки убитых им франкских вождей начнут мстить его детям. Но вряд ли он мог представить, что его собственные дети и внуки в борьбе за власть будут хладнокровно уничтожать друг друга.

Это приводило в ужас и замешательство простых франков. Как же так, скажете вы, ведь франки почитали кровную месть святой обязанностью? Так-то оно так, но *кровная месть* потому и назвалась таковой, что требовала непременного исполнения только по отношению к *чужим*, к людям из другого рода, из другой семьи.

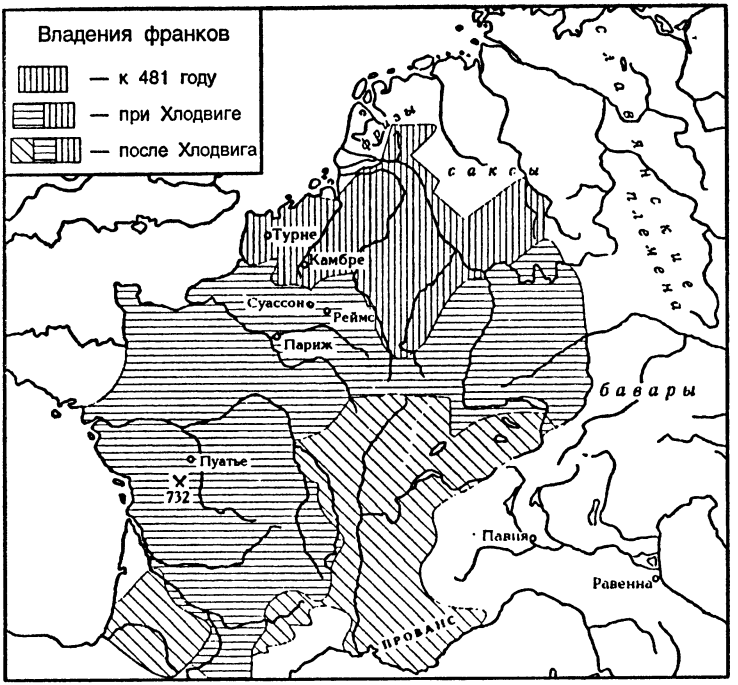
Когда совершалось убийство, то семья убитого должна была смыть именно *чужой* кровью нанесенную ей обиду. При этом мстили не только самому убийце, но и всем его родственникам.

Так в водоворот насилия втягивались целые семейства, многие поколения которых

враждовали веками. Помните вражду Монтекки и Капулетти в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»? А помните, из-за чего она началась? Верно, нередко сами враждовавшие уже и не помнили, с чего все началось, а кровь лилась и лилась, и одно убийство неумолимо порождало другое! Иногда для того, чтобы прекратить войны семейных кланов, требовалось вмешательство королей!

Но и они безжалостно расправлялись с собственными детьми, братьями, женами и даже матерями! Порой сами правители являлись главными зачинщиками кровавых распрей. Один из них приказал сжечь своего сына, восставшего против него, вместе с женой и детьми! Таких примеров десятки в истории династии **Меровингов**...

А началось все с того, что после смерти **Хлодвига** галльские земли, отошедшие франкам, были распределены между его четырьмя сыновьями. Тьери получил надел со столицей в Реймсе, Лотарь обосновался в Суассоне, Хлодомир — в Орлеане, а Хильдебер — в Париже. Но когда орлеанский владетель Хлодомир погиб в одном из походов против бургундов, Хильдебер и Лотарь, сговорившись, убили своих племянников, сыновей Хлодомира, и поделили между собой их наследство. Тьери, оставшийся в стороне от устроенной братьями резни, возмутился, — не тем, что убили племянников, — что его не взяли в долю. Пришлось и с ним делиться.



Держава Меровингов

В конце концов, всех братьев перехитрил, а потому и пережил Лотарь. Умерев, он оставил четырех сыновей-наследников. Все завертелось заново. К тому же в дело вступили жены братьев!

Первая жена одного из братьев, Гортрана, подарила ему сына, которого он назвал Гундобадом, — имя это считалось королевским. Следовательно, он хотел его сделать своим наследником. Затем он женился на Марктруде. Она тоже родила сына, но, опасаясь, что ее ребенок в будущем останется без наследства,

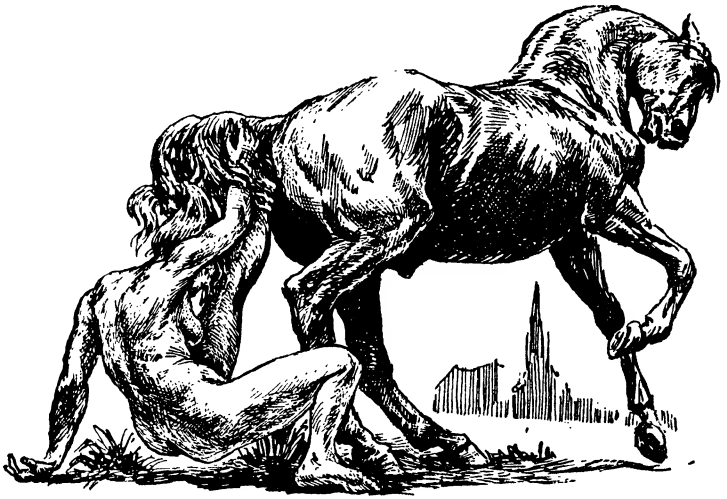
приказала убить Гундобада. Впрочем, это ей не помогло, потому что ее собственный сын тоже умер, а Гортран ее выгнал. Затем он женился в третий раз, и новая жена принесла ему несколько сыновей, что, однако, не помешало Гортрану предложить свою руку богатой вдове собственного брата Теодехильде. Обрадованная Теодехильда со всеми своими сокровищами поспешила к Гортрану. Тот сокровища принял, а саму Теодехильду приказал заточить в монастырь...

Но жены Гортрана в коварстве уступали женам его братьев. Сигибер женился на вестготской принцессе **Брунгильде.** Хильперик был женат на **Фредегонде.**

Между этими королевскими ветвями династии Хлодвига, а точнее, между королевскими женами, и развернулась настоящая битва. Мужья, дети, внуки, племянники погибали один за другим. Достаточно сказать, что «на совести» Брунгильды десять принцев королевского дома!

Не отставала от соперницы и Фредегонда! Как и Брунгильда, бестрепетной рукой она убирала со своего пути к единоличной власти всех, кто мог служить помехой: внебрачных детей своих супругов, самих мужей...

Почти сорок лет тянулась цепь кровной мести, пока, наконец, чудом оставшийся в живых сын Хильперика и Фредегонды Лотарь II в 613 году не взял верх над престарелой «кровавой» королевой Брунгильдой.



Казнь «кровавой королевы» Брунгильды

«Три дня ее пытали самыми разными способами, затем посадили на верблюда и провезли через воинский строй, затем привязали к хвосту необъезженного коня за волосы, за одну руку и за одну ногу. Конь поскакал, волоча ее по земле и ломая ей кости...»

Не удивляйтесь жестокости казни. На каждом шагу человека тогда подстерегали насилие и жестокость. Причем, как отмечают хронисты, католики-франки заставляли своих врагов терпеть такие муки, каким даже язычники-римляне не подвергали мучеников христиан. «Отрубали кисти рук и ступни, вырывали ноздри и глаза, уродовали лицо раскаленным железом. Иногда нарочно приглашали врача, чтобы лечить несчастного, а потом мучить более долгой пыткой».

И развлекались соответственно установившимся жестоким нравам. Один знатный франк заставлял во время пира своих рабов держать факелы так близко к телу, что они обжигали себе кожу. А если раб начинал кричать или дергаться, господин поднимал над ним меч — и вскрикивал от удовольствия...

Дикость захватывала даже духовенство. Некий епископ велел спустить своего врага в могильный склеп и положить в гроб вместе с покойником.

«В те времена было совершенно множество преступлений. И каждый видел справедливость в собственной воле», — так бесстрастно констатировал **Григорий Турский** нравы своего века.

Кстати, сам Григорий, служивший епископом в городе Туре, при всех обстоятельствах оставался человеком необычайно честным и стойким. Даже короли ничего не могли с ним поделать. Он не поддавался ни на подкупы, ни на запугивания. Смело заступался за безвинных, и даже рискуя собственной жизнью, не позволял нарушать церковное убежище. Так, в стенах собора он спас от его собственного отца того самого Лотаря, который впоследствии казнил Брунгильду, а затем перебил и всех ее потомков.

Именно Григорий Турский оставил нам подробный рассказ о первом короле франков Хлодвиге, его наследниках и о том беспощадном времени.

НЕОЖИДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Юный, но уже прославленный многими подвигами принц **Зигфрид** узнает о необыкновенной красоте бургундской принцессы **Кримхильды** и отправляется свататься к прекрасной принцессе, — так идиллически начинается знаменитая средневековая поэма **«Песнь о нибелунгах»**. Давайте вместе проследим за приключениями Зигфрида, и тогда вы догадаетесь, почему «Песнь о нибелунгах» невольно приходит на ум, когда речь заходит о времени **Меровингов**...

Итак, Зигфрид является в Вормс, к брату Кримхильды королю **Гюнтеру**. Король в восторге от юного принца и от побед, которые тот совершил. А победы действительно впечатляют: Зигфрид убил дракона, отвоевал у хранителей

Зигфрид и поверженный дракон

Зигфрид и Гюнтер

золотого клада **нибелунгов** их сокровища, сорвал плащ-невидимку с карлика **Альбериха.** Зигфрида с почетом принимают в королевском дворце, король даже советует бургундским рыцарям вести себя с Зигфридом поосторож-

ной, чтобы ненароком не навлечь на себя его гнев. Дни проходят в дружеских пирах и рыцарских состязаниях...

Скромница Кримхильда наблюдает за прекрасным Зигфридом через решетчатое окно и влюбляется в него. Проходит год. Чувство крепнет. И наконец, на турнире, устроенном в честь очередной победы Зигфрида, славный рыцарь просит руки Кримхильды у ее брата. Гюнтер не против, однако прежде чем дать согласие, просит Зигфрида оказать небольшую услугу: помочь овладеть сердцем другой знаменитой красавицы, воинственной принцессы Брунгильды.

Конечно, завоевывать женскую любовь лучше самому, но беда в том, что Брунгильда обладает удивительной силой и поклялась, что выйдет замуж только за того, кто метнет копье, бросит огромный камень да еще и прыгнет дальше, чем она.

Зигфрид и Гюнтер отправляются в Исландию, где правит Брунгильда. Она встречает гостей неприветливо: для знакомства наносит такой сокрушительный удар в щит жениха, что если бы не Зигфрид, то вопрос о сватовстве отпал бы сам собой.

Вся хитрость в том, что на Зигфриде был плащ-невидимка! Именно с его помощью ему удалось отразить удар Брунгильды. Более того, Зигфрид делает ответный выпад, который та едва парирует. Могучая принцесса изумлена!

Она демонстрирует свою силу, бросая тяжеленный валун на огромное расстояние, а потом еще и прыгает дальше того места, куда упал этот валун. Гюнтер — разумеется, с помощью невидимки-Зигфрида, — легко перекрывает ее «спортивные достижения».

Делать нечего, Брунгильда вынуждена признать свое поражение. Все вместе они отправляются в Бургундию, где справляются сразу две свадьбы — Зигфрида с Кримхильдой и Гюнтера с Брунгильдой.

Но в первую брачную ночь Брунгильда, что-то заподозрив, вместо того чтобы разделить с мужем брачное ложе, связала Гюнтера своим поясом и подвесила на стену. Унижение для короля немыслимое! Однако он не смог без помощи Зигфрида справиться с женой, обладающей чудовищной силой.

В результате дальнейших хитросплетений сюжета у Зигфрида остаются на память золотое кольцо и пояс Брунгильды.

А через год, когда Зигфрид с Кримхильдой приезжают в Вормс погостить, Брунгильда вдруг затевает спор с женой Зигфрида, желая первой войти в храм. Она заявляет, что супруге вассала не пристало переступать порог храма впереди нее. Тогда разгневанная Кримхильда рассказывает Брунгильде, кто и как помог Гюнтеру завладеть ею, и в доказательство показывает кольцо и пояс, которые Зигфрид опрометчиво прихватил из королевской спальни.

Брунгильда и Гюнтер

Брунгильда приходит в бешенство и клянется отомстить. Но сделать это не так-то просто! Ведь Зигфрид, победивший дракона, стал неуязвимым, когда омылся его кровью. Однако

через двоюродного брата Гюнтера по имени Хаген Брунгильда хитростью выведывает у Кримхильды тайну Зигфрида: во время омовения дубовый лист прилип к его спине, и в этом месте кровь чудовища не коснулась тела.

Более того, хитрый Хаген убеждает Кримхильду вышить крест на одежде Зигфрида напротив того места, которого не коснулась драконья кровь. У Хагена свой интерес — он мечтает завладеть золотом нибелунгов.

И вот на королевской охоте, когда Зигфрид склонился к ручью, чтобы напиться, подлый Хаген убивает непобедимого рыцаря, вонзив ему копье меж лопаток. Добивается Хаген и другой цели: сокровища нибелунгов теперь в его руках.

Хаген убивает Зигфрида

Теперь уже Кримхильда вынашивает план мести за смерть любимого. Она выходит замуж за могучего короля Этцеля, чьи земли расположены на Дунае. Через некоторое время Кримхильда приглашает брата в гости. Ничего не подозревающий Гюнтер принимает приглашение. Здесь и разыгрывается кровавый финал.

Пока гости пируют в замке, Кримхильда приказывает перебить войско брата. Хаген в общей сумятице убивает сына Этцеля и Кримхильды. Кримхильда готова отпустить брата живым, если он отдаст ей убийцу Зигфрида и сына, но Гюнтер упрямится, и тогда Кримхильда приказывает отрубить ему голову. Затем она обещает пощадить Хагена, если тот скажет, где спрятано золото нибелунгов. Хаген тайны не выдает, и Кримхильда собственноручно сносит ему голову мечом Зигфрида. Этцель настолько ошеломлен происходящим, что пропускает момент, когда один из оставшихся в живых бургундов наносит смертельный удар Кримхильде...

«Песнь о нибелунгах» написана в двенадцатом веке. Однако в ней явно слышны отголоски событий времени вражды «кровавых королев» Брунгильды и Фредегонды. Разумеется, эти события преображены творческой фантазией неизвестного автора. Так, под именем венгерского короля Этцеля в поэме имеется в виду Аттила, в самом деле некогда устроивший в Бургундии жесточайшую резню.

Кримхильда и Гюнтер

Правда, Зигфрид совсем непохож на принцев из рода Меровингов, но он герой уже иного времени — времени высокого рыцарства.

ОТВАЖНЫЙ МОЛОТ, ИЛИ БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ

Если первых королей из династии **Меровингов** по справедливости называли «кровавыми», то последних — «ленивыми». Они еще носили титулы королей, но совершенно утратили авторитет и престиж вождей. За два века правления, полных смут и убийств, если что и осталось у наследников Хлодвига от прежнего достоинства, так только длинные волосы. Власть уходила от них, как вода сквозь песок. Дело в том, что основные источники могущества и богатства за время постоянных междоусобиц незаметно перешли от королей в руки церковной и светской знати, но главное — к **майордомам** — королевским слугам, в обязанности которых входило управление дворцовым хозяйством. Нечто среднее между современным секретарем и ключником. Они взяли в свои руки не только управление дворцовыми делами, но и делами всего королевства! Король существовал для парадов, а реальные решения принимали майордомы.

Случилось это, конечно, не сразу. Но к тому времени как в 714 году у австразийского майордома **Пипина Герстальского** родился сын **Карл**, во франкском королевстве сложилась парадоксальная ситуация: наследование должности майордома принимает королевские формы, а вот наследование королевства становится зависимым исключительно от доброй воли майордома.

Однако Карл был внебрачным сыном могущественного Пипина Герстальского, и потому после смерти отца родственники предусмотрительно упрятали Карла в тюрьму, чтобы он не мог претендовать на наследную должность. Но не зря же будущий основатель династии **Каролингов** был назван Карлом, что значит «отважный», и не зря же в скором времени он получит прозвище Мартелл, что означает «молот». Воспользовавшись очередной смутой, Карл бежал из тюрьмы. И вовремя! Потому что франкской державе, расползающейся как ветхий кафтан ее обедневших королей, нужен был именно такой вождь — отважный и мощный, как молот, падающий на головы врагов.

Теперь, чтобы понять события, происходившие в VII веке не только во Фракии, но и в мире, нам надо перевалить через Пиренеи и заглянуть в соседнюю Испанию, где обосновались вестготы.

По одной из легенд, некий король по имени Родриго как-то, набравшись мужества, вошел в древнюю сокровищницу в Толедо, над которой тяготело проклятие: кто войдет в нее, тот узреет народ, которому суждено завоевать Испанию. И Родриго увидел нарисованных на стене темнолицых людей...

В VII веке новая вера **ислам** сплотила народы Востока. Арабский **Халифат** очень скоро стал грозным и мощным государством. Уже к середине века арабами были завоеваны Сирия, Палестина, Египет, Северная Африка... Это

была новая сила, с которой предстояло столкнуться Европе!

И вот в 710 году первые корабли арабов от берегов Северо-Западной Африки взяли курс на Европу. Они пересекли пролив, который древние называли Столпы Геракла, и причалили возле скалы, которую в честь своего предводителя **Тарика** назвали Джебель-аль-Тарик, по-нынешнему — **Гибралтар**.

Как сражались с арабами вестготы, неизвестно, но как бы ожесточенно они ни сопротивлялись, пророчество сбылось. Уже в 714 году «темнолицые», или мавры (их еще тогда называли **сарацинами**, то есть «восточными»), почти полностью завоевали Испанию. А спустя еще несколько лет арабы перешли Пиренеи, захватили города на юго-западе Галлии и двинулись в глубь государства франков.

Переход арабов через Пиренеи

Но к тому времени при короле **Тьери IV** (724–737 гг.) состоял могущественный майордом Карл, уже оправдавший во многих схватках с саксами и баварами данное ему имя. Теперь ему предстояло добавить к этому имени грозное прозвище Молот.

Арабы уже не раз беспокоили Аквитанию, приграничную франкскую область. Впрочем, как правило, они ограничивались грабительскими набегами. На этот раз вали (мусульманский губернатор Испании) **Абд-аль-Рахман,** подавив сопротивление баскских горцев, повел свою армию по старой римской дороге на город Бордо. Возле Бордо Абд-аль-Рахман разгромил армию аквитанского правителя Эда, разграбил и опустошил Бордо и его богатейшие церкви, затем двинулся дальше. Возможно, главной его целью был захват древнего города Тур, где в пригородной церкви Святого Мартина хранились огромные богатства, копившиеся веками. Но сначала сарацины двинулись на Пуатье.

25 октября 732 года в битве при Пуатье войско арабов столкнулось с армией франков. И было разбито. Сам вали Абд-аль-Рахман был убит и затем причислен к сонму мучеников ислама, а возглавивший франков майордом после этой победы был прозван Молотом.

Одни говорят, что это была великая битва между исламом и христианством, что вся история европейской цивилизации зависела от ее исхода. Другие считают, что не стоит прида-

Битва арабов с армией франков

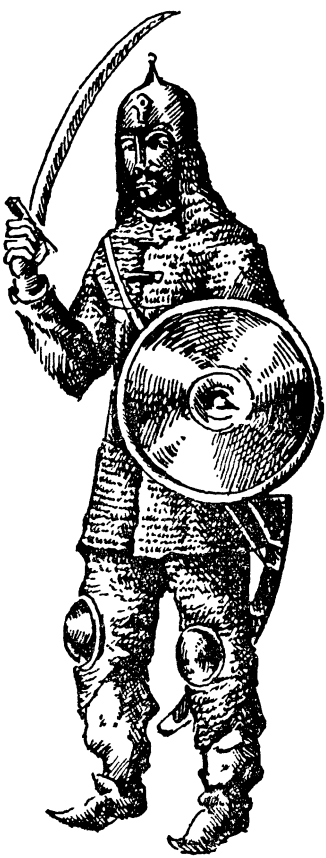
вать этому сражению особого значения, потому что поход арабов не преследовал далеко идущих целей, а был лишь обыкновенным грабительским рейдом... Так или иначе, **Карл Мартелл**, проявив необыкновенную решительность, в битве при Пуатье одержал самую главную свою победу.

«ПОЧТИ КОРОЛЬ»

Судя по тем энергичным действиям, которые Карл Мартелл предпринял после разгрома арабского войска, победа франкам далась нелегко. Карл воочию увидел, какая опасность надвигается с востока. Чтобы предотвратить ее, необходимо было готовиться к отражению.

Однако сил у франков после долгого и беспутного правления Меровингов было немного. А если они имелись, то их следовало собрать в единый грозный и боеспособный кулак.

Ударной мощью мавров была тяжелая кавалерия. Это была новая, неведомая доселе конница, появление которой стало возможным с изобретением стремени. А стремя придумали на востоке именно в VII веке. Использование хорошо вооруженных и защищенных конников против пеших солдат открывало новые стратегические возможности в ходе военных действий.



Сарацин

Столкнувшись в бою с арабскими всадниками, Карл Мартелл это хорошо понял. И решил создать франкскую кавалерию, причем, как сказали бы сегодня, на профессиональной основе. Но как это сделать в опустошенной раздорами стране? Где взять средства? Хоть майордом и распоряжался королевской казной, как своей соб-

ственной, но и королевская казна была тощей! В лучшем случае ее хватило бы на экипировку полутысячи конных воинов.

Снаряжение кавалериста стоило дорого! Латы, подбитые пластинами, шлем, щит, меч, копье, кинжал, да еще эти арабские стремена! Да еще хороший конь, который бы не рухнул под тяжестью всадника, закованного в железо! Все вместе это обходилось по сорок су на каждого! За эти деньги можно было купить 20 коров!

Тогда Карл Мартелл решил провести так называемую **бенефициальную реформу** (от латинского «бенефиция» — благодеяние). Суть ее довольно проста: раздать воинам земли с крестьянами, а на доход от этих земель воин должен был приобретать вооружение. Но все свободные земли прежние короли уже успели раздать либо монастырям, либо своим вассалам. Вассалов, ставших крупными землевладельцами, трогать было опасно, и Карл конфисковал часть земель у монастырей. Все эти земли он отдал своим сторонникам, чтобы вознаградить их за службу и дать возможность обзавестись хорошим вооружением. Карл справедливо посчитал, что и церковь перед общей угрозой исламской опасности должна поделиться с государством своими богатствами. Разумеется, на его голову обрушились проклятия церковников.

Но Карл понимал и то, что получив землю, новые владельцы станут независимыми, и в

нужный момент вполне могут отказаться встать под его полковые знамена. Тогда он решил отдавать землю не в полную собственность, но лишь на срок службы и при непременном условии: землевладелец будет являться на военную службу на коне и в полном вооружении по первому зову. При этом он должен был давать клятву. Если же клятва нарушалась, майордом вправе был отобрать имение и передать его другому, более верному человеку. Однако такие случаи были редки, — нарушить клятву считалось грехом и позором... Впрочем, в дальнейшем порядок смягчился: имение, полученное на срок службы, стало передаваться по наследству. Само же имение называлось **феодом**, а его владелец соответственно — **феодалом**.

Таким образом, бенефициальная реформа Карла Мартелла послужила основой совершенно нового общественного строя — **феодализма**. А создание конницы, появление особой касты всадников дало право считать франкского майордома Карла Мартелла еще и отцом европейского **рыцарства**.

«Ленивый» король Тьерри IV, оставшийся в памяти лишь потому, что считался королем во времена правления Карла Мартелла, умер в 737 году. Но и после его смерти Карл не завладел королевским титулом, ему было достаточно сознавать, что рычаги власти он крепко держит в своих руках, открыто и единолично управляя делами всего королевства.

Конный воин

Он был «почти-король», именно таким странным титулом после победы под Пуатье наградил своего «выдающегося сына» папа **Григорий III.**

Карл умер 22 сентября 741 года. Восьмой век в истории Западной Европы по праву называют «веком франков», и в этом огромная заслуга и Карла Мартелла.

ОТ ПИПИНА КОРОТКОГО К КАРЛУ ВЕЛИКОМУ

Пипин Короткий (ум. в 768 г.), сын Карла Мартелла, был знаменит не менее, чем его отец. У него были и успешные военные походы, и мудрое правление... Но главная заслуга Пипина в том, что он стал первым королем в династии Каролингов, которых иногда называют **Пипинидами**.

У Карла Мартелла осталось три сына — двое от законной жены и один от наложницы. После смерти отца родные братья **Карломан** и **Пипин** упрятали в крепость своего сводного брата **Грифона**, который претендовал на часть наследства. Однако судьба Грифона вызвала недовольство среди некоторой части аристократии. Кроме того, возвышение братьев напугало их. Тогда Карломан и Пипин разыскали одного из последних Меровингов, когда-то заточенного в монастырь, вызволили его оттуда и в 743 году провозгласили королем **Хильперико III**. Это был совершенно безропотный и безопасный король.

После этого, уже на законном основании, они предприняли ряд военных походов. На се-

вере потопили в крови восстание алеманов, а их герцогство включили в состав своего королевства. Впрочем, все это были обыденные дела. Но в 747 году Карломан неожиданно самоустраняется от власти и, оставив мирские заботы, сначала отправляется в Рим, где папа принимает его со всеми возможными почестями, а затем удаляется в глухое аббатство. Стал ли он действительно так религиозен или Пипин сумел убедить брата отказаться от власти — неизвестно. Но только Пипин с этого времени начинает править единолично.

Самое главное, после ухода Карломана Пипин решает изменить существующий порядок правления могущественных майордомов при «ленивых» и опустившихся королях. Каждый должен занимать в этом мире место, отвечающее его призванию, решает Пипин. Но как свергнуть хоть и бездарного, но законного правителя? Как занять его место, сохранив гражданский мир в государстве? Ведь франки верны обычаям!..

И Пипин делает совершенно неожиданный ход: он отправляет в Рим послов, чтобы они задали папе единственный вопрос: «Как папа относится к королям, которые не имеют власти, и одобряет ли он такое положение вещей?»

Папа ответил ясно и кратко: «Лучше всего назвать королем того, кто имеет власть, нежели того, кто ее не имеет».

Получив поддержку от папы, Пипин в 751 году собирает в Суассоне ассамблею «всех

франков», которые «своим выбором» возводят его на королевский трон. Таким образом, совершив государственный переворот без единой капли крови, Пипин Короткий становится королем. А Хильперик, последний из рода Меровингов, снова отправляется в монастырь, откуда его извлекли семь лет назад. Так тихо и незаметно угасла династия яростных, буйных, кровавых потомков Хлодвига!

Но и этого мало Пипину! Зимой 753 года в сопровождении почетного эскорта в королевский дворец Понтион, что располагался в верхнем течении реки Марна, прибыл римский папа **Этьен II**.

Переговоры папы и короля касались многих важных вопросов, продолжались долго и завершились к удовольствию обеих высоких сторон. Спустя некоторое время Пипин оказал папе очень важную поддержку в его борьбе с лангобардскими королями, притеснявшими Рим. Он совершил поход в Италию, заставил признать полную независимость пап от Византии и лангобардов, практически учредил Папское государство, где и светская власть принадлежала наместнику Святого Петра, — то есть нынешний **Ватикан**...

По завершении переговоров произошло событие огромной важности: не только Пипин Короткий, но и его сыновья «были помазаны святым елеем в качестве королей с Божьего благословения» рукой самого папы римского! Более того, папа присвоил Пипину и его сыно-

Переговоры папы и короля Пипина

вьям титул «римских патрициев»! Так состоялся союз папства и Запада! И засверкала звезда династии Каролингов!

Следует сказать, что одного из сыновей Пипина Короткого звали **Карлом.**

И еще важное добавление: через пару десятков лет этого Карла весь мир наречет **ВЕЛИКИМ...**

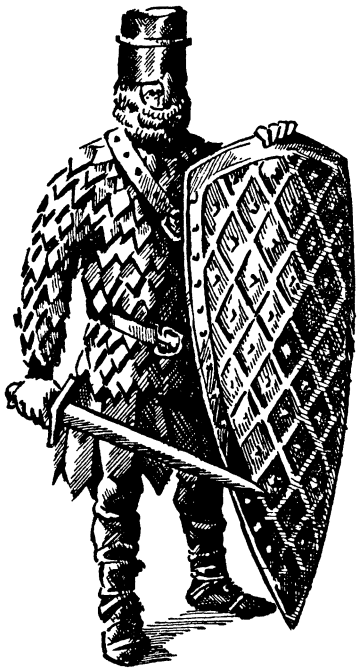
КАРЛ ВОИН

Перед смертью (в 768 г.) Пипин Короткий разделил наследство между сыновьями: Карлом (742–814 гг.) и Карломаном. Но братья не ладили между собой. Когда в Аквитании, завоеванной Пипином, вспыхнуло восстание гасконских басков, Карломан отказался поддержать Карла, и тот вынужден был один усмирять басков. Конфликт между братьями разгорелся нешуточный, и еще неизвестно, стал бы Карл истинно великим или же пальму первенства пришлось уступить упрямому братцу, но Карломан в 771 году внезапно умер. Смерть Карломана открыла перед Карлом необъятное поле деятельности, на котором у него не было равных соперников. Вся власть и мощь франкского государства сосредоточились в его руках! И он сумел ими успешно распорядиться.

За время правления Карла франки совершили 53 похода! По крайней мере, половину из них возглавлял сам король. Войны велись практически постоянно и на многих направлениях. Из-за частых восстаний в покоренных

землях широко задуманная операция на одном фронте должна была прерываться, и Карл то и дело перебрасывал свои войска из Испании в Саксонию, из Саксонии в Италию, из Италии на Дунай...

В Италии Карл достаточно легко, за два похода 773 и 774 годов, окончательно разделался с лангобардами. Их короля **Дезидерия** он заставил отречься от власти и уйти в монастырь. Но самыми долгими и тяжелыми (продолжались более тридцати лет!) стали саксонские войны.



Воин времен Карла Великого

Саксония — область между Рейном и Эльбой, которую населяли языческие племена. Карл — сначала подсознательно, а затем и вполне целеустремленно — стремился к созданию единого благоустроенного христианского государства. Завоевание и обращение варваров в **христианство** стало его главной идеей. Через войну он хотел прийти к миру!

Первые походы (772–778 гг.) на северо-восток, казалось бы, принесли успех. Саксония

была занята франками, христианские священники двинулись вслед за войсками — обращать в веру Христову язычников, и те даже обещали креститься. Однако не так-то просто оказалось переломить традиции язычества, изменить привычный уклад. А главное — для саксонцев франки были завоевателями. Поэтому саксы одной рукой крестились, а другой держались за рукоять меча, готовые в любой момент пустить его в ход. Жесточайшие мятежи вспыхивали один за другим. И Карл был беспощаден к восставшим.

Говорят, однажды, захватив мятежную крепость, Карл на площади воткнул в землю свой меч и приказал умертвить всех лиц мужского пола, кто был ростом выше его меча, то есть остались в живых лишь малые дети. Может быть, это и легенда, но очень похоже на правду.

Франки сгоняли язычников с привычных земель, чтобы разобщить и ослабить их, переселяли в другие районы, для устрашения остальных прилюдно пытали вождей, выкалывая им глаза, отрубали кисти рук и ступни. Известно, что в 782 году в ответ на восстание саксов под предводительством **Видукинда** Карл приказал в Вердене казнить четыре с половиной тысячи заложников! Месть Карла была ужасной! Но потребовалось еще три года ожесточенных боев, чтобы задушить партизанскую войну и заставить Видукинда капитулировать и принять крещение. Тогда и появился страшный капитулярий (указ) Карла

«Умертвить всех, кто выше меча»

для саксонцев, который наказывал смертью всякое инакомыслие, малейшее нарушение общественного порядка и даже возвращение к каким-либо языческим обычаям и обрядам! Вот как непросто начинались отношения двух великих народов — французов и немцев!

И все же после многолетней борьбы Карл вразумил язычников и добился от них клятвы верности. Франкское государство объяло всю Германию, а все старые королевства были упразднены.

Воевал Карл и на востоке. Осевшее в Паннонии, на развалинах империи гуннов, кочевое племя **аваров** (славяне называли их обрами) давно уже тревожило франков своими набегами. К тому же баварский герцог, явно переоценив свои возможности, объединился с аварами

в союз против Карла. Для баварского герцога, и особенно для аваров, это закончилось плачевно.

Баварское герцогство вошло в состав державы франков, а об обрах и памяти не осталось. В древнерусской «Повести временных лет» об этих обрах говорится как о врагах славян и жестоких притеснителях, но «Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина...» Надо полагать, древнерусский автор по незнанию приписал Господу то, что сделал с аварами Карл.

Таким образом, Карл раздвинул границы франков от датской Ютландии до славянских земель... Успех Карла во многом зависел от решительности и жесткости его действий, от уверенности в божественном характере его миссии, — он считал расширение границ своего королевства расширением и Царства Господня.

Стремясь соответствовать победительному духу своего деда Карла Мартелла, Карл помогал испанцам в борьбе с арабами. Ведя практически беспрерывную войну в Саксонии, он при каждом удобном случае атаковал мавров. Для противостояния арабской угрозе даже создал так называемую Испанскую марку — хорошо укрепленную пограничную область с центром в Тулузе. Однако по странному свойству человеческой памяти самым известным походом Карла против арабов стал самый неудачный.

В 778 году готские короли, начав **Реконкисту** (обратное отвоевание земель у арабов), попросили Карла о помощи. Карл пришел в Ис-

панию во главе огромной армии. Но его предали! Оставшись без союзников на чужой и незнакомой территории, войско Карла потерпело неудачу в битве с маврами под **Сарагосой**. Да еще на обратном пути через Пиренеи арьергард его армии попал в западню, устроенную басками в Ронсевальском ущелье...

В общем-то, баски ничего не имели против франков, их интересовал лишь франкский обоз. Но так уж сложился бой, что им удалось уничтожить весь арьергард, которым командовал, среди прочих, некий бретонский граф **Хроутланд**. И вот, благодаря поэтической фантазии, этот безвестный граф Хроутланд стал знаменитым рыцарем, неистовым **Роландом**, а мелкая стычка неожиданно превратилась в величайшее сражение христиан с мусульманами, воспетое в стихах.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РОЛАНДА

«Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни.
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит,
Но не уйдет он от Господней кары.
Аой!..»

Так начинается **«Песнь о Роланде»**, написанная примерно три века спустя после злополучного боя в Ронсевальском ущелье. Автором

Роланд

ее считается некий певец-сказитель по имени Турольд. Разумеется, не стоит искать в поэтическом произведении соответствия реальным событиям. Турольд не упоминает ни о каких басках: враги короля и его преданного пле-

мянника и отважного рыцаря Роланда — нехристи мавры, то есть арабы, поклоняющиеся Магомету и почему-то Аполлону. Не слишком разбирался в тонкостях мусульманской веры средневековый автор. Да и вообще не было ему никакого дела до того, насколько достоверно он передает события, главное для него в другом: показать величественное и кровавое побоище христиан с мусульманами, восславить непобедимый рыцарский дух!

Итак, семь лет воюет Карл в Испании, практически уже изгнал захватчиков, да только вот никак не может взять неприступную Сарагосу. Калиф Кордовы и защитник Сарагосы Марсилий собирает своих вельмож на совет. Один из них, Бланкандрен, предлагает коварный план: Марсилий должен поклясться Карлу, что готов перейти в его веру, но при условии, если Карл отведет свои войска. Марсилий одобряет план, и Бланкандрен отправляется к Карлу.

Роланд не верит в искренность предложения Марсилия. Однако отчим Роланда трусливый Ганелон убеждает Карла поверить мусульманину. Карл, седобородый мудрый правитель (хотя в год испанского похода настоящему Карлу было всего 33 года), принимает предложение и спрашивает, кого послать в Сарагосу, чтобы сообщить Марсилию об этом?

Как всегда, готовый к любым опасностям, первым вызывается Роланд. Но его кандидатуру Карл отверг: «Тебя посылать нельзя!

Уж слишком ты горяч!» «Тогда пусть едет Ганелон», — предлагает Роланд.

Трусливый Ганелон приходит в бешенство и грозит отомстить Роланду за это назначение. Однако делать нечего, вместе с Бланкандреном он отправляется в Сарагосу. Но по пути в его голове зреет ужасный, предательский замысел.

Ганелон знает, что Карл, отводя согласно уговору войска, непременно поставит во главе арьергарда непобедимого Роланда, и уговаривает Марсилия напасть на арьергард, устроив в горах засаду. Так все и происходит.

В мрачном Ронсевальском ущелье, когда основные силы франков во главе с Карлом оторвались далеко вперед, на небольшой отряд Роланда внезапно нападают несметные полчища сарацинов.

Друг Роланда Оливье просит его трубить в могучий рог из слоновой кости, чтобы призвать на помощь Карла. Но гордый Роланд отвечает:

— Нет, Оливье, не стану я звать на помощь короля. Не погублю своей чести. Пока в моей руке меч Дюрандаль, я буду разить им врага!

И начинается жуткая битва горстки геройских франков против тысяч арабов. Немало было пролито крови, немало тел порубленных сарацинов осталось в ущелье. Оливье лично уложил семьсот мавров. Скольких уничтожил неистовый Роланд, вовсе невозможно представить! Но слишком неравны силы! И франки

гибнут один за другим. Наконец, остается лишь Роланд...

Четыре сотни воинов приготовились напасть на израненного рыцаря, но, не посмев подойти близко, издали осыпают его дождем стрел и дротиков.

Чувствуя, что умирает, Роланд решил разбить свой меч Дюрандаль о камень, чтобы тот не достался врагу. Но камень разлетелся на мелкие куски, а меч остался невредим.

Тогда лег Роланд на землю, лицом к врагу и поднял руку в рыцарской перчатке. И тут слетелись к нему ангелы, приняли перчатку в знак того, что отныне будет сражаться Роланд в небесном воинстве.

Так и нашел его на поле битвы седобородый Карл. Он закрыл лицо руками — так велико было его горе. Не успел Карл прийти на помощь рыцарям, слишком поздно протрубил

Последний бой Роланда

в свой рог «неистовый», отважный и преданный милой Франции рыцарь Роланд...

Вот таким, спустя века, захват войскового обоза горцами стал восприниматься как величайшая победа, таким он предстает в эпической «Песне о Роланде» — шедевре средневекового литературного творчества.

КАРЛ ИМПЕРАТОР

Территория государства франков все увеличивалась. Сам Карл именовал себя «королем Галлии, Германии, Италии и сопредельных провинций». Под его скипетром находились многочисленные народности, объединенные одной христианской верой.

И неудивительно, что у Карла возникла идея создания новой христианской империи. Конечно, такая идея могла родиться только у Карла, о котором еще при жизни слагались легенды. К его имени уже тогда прибавляли эпитет «Великий».

Однако по прежним представлениям император мог быть один, а им до сих пор считался император Византии, к тому же возвышения Карла боялись папы. Впрочем, все эти препятствия вскоре исчезли. В Византии произошел переворот. В 797 году некая властолюбивая Ирина лишила престола своего сына Константина VI и стала претендовать на престол. Разумеется, престиж византийского трона рухнул.

К этому времени в Риме папой стал Лев III, человек малодушный, морально нечистоплотный, но при этом чрезвычайно хитрый. В 799 году противники Льва III, а их у него было достаточно, решили свергнуть его силой. Папа стал искать защиты у Карла. Не слишком разбираясь в выдвинутых против папы обвинениях, Карл восстановил его в папских правах и усмирил недовольных римлян.

Осенью 800 года Карл отправился в Италию. Согласно ритуалу, установленному для императоров, он был встречен Львом III в двенадцати километрах от Рима.

О чем они говорили при встрече, неизвестно, но вскоре король франков созвал Собор, который объявил, что, во-первых, папа может снять с себя все обвинения очистительной клятвой, а во-вторых, никто не вправе судить «Божьего викария». Хитрый Лев добился того, о чем и мечтать не мог: римский первосвященник стал абсолютно независимым главой католической церкви!

А на Рождество тот же Собор епископов принял еще одно решение: «Поскольку в настоящее время в стране греков нет носителя императорского титула, а империя захвачена местной женщиной, нам представляется... как и всему остальному христианскому народу, что титул императора должен получить король франков Карл, который держит в руках Рим, где все время имели обыкновение жить цезари...»

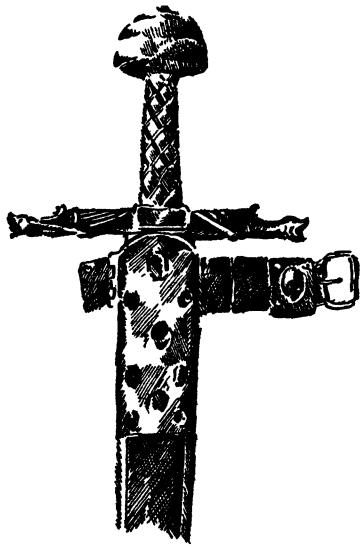
И папа Лев III торжественно возложил императорскую корону на голову Карла. Это было если не величайшее, то знаменательнейшее событие: Запад вновь обрел высшую светскую власть!

Говорят, что Карл дал свое согласие на это коронование без особой охоты. Он и так считал себя королем, получившим корону от Бога. К тому же ему, видимо, претило получать императорский титул от сомнительного «предстоятеля Господа» папы Льва III. Однако преимущества императорского сана были важнее. И, приняв на плечи груз императорской власти, он отнесся к событию со всей серьезностью. Даже на Византию напал, чтобы и Константинополь признал его титул равным титулу василев-

Коронация Карла

са — так назывались византийские правители. И Константинополь признал его императором!

Теперь в официальных документах он именовал себя «его августейшая светлость Карл, коронованный Богом, великий и миролюбивый император».



Фрагмент меча Карла Великого

Он немедленно приказал чеканить монеты со своим изображением в великолепном плаще и с лавровом венком на голове. А на документах появилась печать с гордой надписью: «Обновление Римской империи».

И все же надо сказать, что не Рим обновлялся, — прежнюю империю было невозможно воссоздать, — под напором Карла Великого стремительно изменялся сам мир.

ТРИУМФ И КРАХ КАРОЛИНГОВ

Расширение франкского королевства и воссоздание империи — таковы наиболее заметные итоги деятельности Карла. Но он

знаменит не только завоеваниями. Не случайно время правления Карла называют **Каролингским возрождением.** Именно он первым попытался соединить порванные звенья «золотой цепи» мировой культуры прошлого и настоящего. Карл не только стремился к возрождению былого величия Римской империи, но и возрождению античной культуры.

Ставкой императора стал город **Аахен**, находившийся между Мёзом и Рейном. Король был влюблен в это, как сказали бы теперь, курортное место. Повсюду били источники минеральных и целебных горячих вод, возле которых возводились термальные бани, окрестные леса были полны непуганой дичи.

Вот здесь и началось строительство огромного дворцового ансамбля, удивительного по совершенству архитектурных пропорций. Дворцовый зал и церковь были соединены галереей длиной 120 метров. Сооружение украшали мраморные колонны, доставленные из Равенны и Рима. Сюда, в глубину франкских земель, Карл хотел переместить столицу мира, здесь, а не в Византии, по его замыслу, должен был подняться второй Рим.

Ко двору Карла со всех концов света собирались просвещенные люди того времени: ученые, поэты, историки. С их помощью Карл организовал ряд епископских школ, прообраз будущих университетов, в которых готовились кадры духовенства и чиновничества. По приказанию Карла сюда свозили древние латин-

Карл Великий
(рисунок со средневековой скульптуры)

ские и греческие рукописи, благодаря этому были сохранены произведения многих античных авторов. Он же приказал составить грамматику французского языка. Само искусство

письма приобрело иное качество — каллиграфический закругленный почерк каролингских писцов стал образцом средневекового «чистописания».

Примечательно и то, что лишь при Карле впервые стали придавать значение распространению указов именно в письменной форме. Карл хотел, чтобы его указы (**капитулярии**) достигали самых отдаленных уголков королевства. При этом в капитуляриях и главным образом законодательных актах король мог касаться любых тем, в том числе и вопросов морали. «Старательно избегайте коварства, незаконных браков и лжесвидетельства», «будьте гостеприимны» — учил он подданных.

Ранее замкнутые монастыри открылись миру, Карл вовлекал духовенство в повседневную жизнь государства. Монахи начали собирать милостыню для обездоленных, открывать школы и больницы для бедных...

А при самом королевском дворе был создан ученый кружок, названный **Академией**. «Академики», избранные друзья императора из ученых людей, обсуждали философские вопросы, читали собственные стихи и поэтические сочинения древних авторов. Карл любил, когда ему читали вслух.

А вот теперь удивительный факт: этот человек, так много сделавший для просвещения, покровитель искусств, до зрелых лет сам оставался неграмотным! Впрочем, что же удиви-

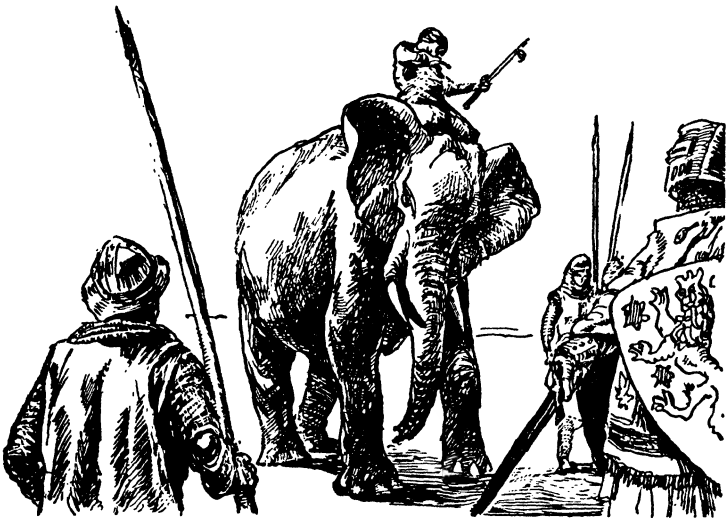
тельного? Ведь лишь во время его правления стала цениться грамотность, а не одно лишь владение мечом!

И все же поразительно, что, не получив в детстве элементарных знаний, Карл, став королем, сделал все возможное, чтобы подняться вровень с учеными мужами того времени. Не кичась своим императорским титулом, он учился у своих друзей-«академиков». Обучался латыни и греческому, риторике и астрономии... Только вот грамота ему никак не давалась!

Биограф Карла монах Эйнгард, отмечая достижения Карла в науках и «либеральных искусствах», с сожалением заметил: «Пытался он также писать и с этой целью постоянно держал под подушкой дощечки для письма, дабы в свободное время приучать руку выводить буквы; но труд его, слишком поздно начатый, имел мало успеха».

Но зато во всем остальном мало кто из монархов мог сравниться с ним! Разумеется, следует помнить о времени, когда ему довелось править.

Влияние Карла в конце VIII века было необычайно велико! Он стал самым почитаемым монархом. Патриарх Иерусалима в 800 году прислал ему ключи от храма Гроба Господня! А герой арабских сказок «Тысяча и одна ночь» легендарный багдадский халиф Гарун-ар-Рашид, говорят, подарил Карлу слона по имени Абулабаз, премного поразившего франков.



Подарок багдадского халифа Гаруна-ар-Рашида Карлу

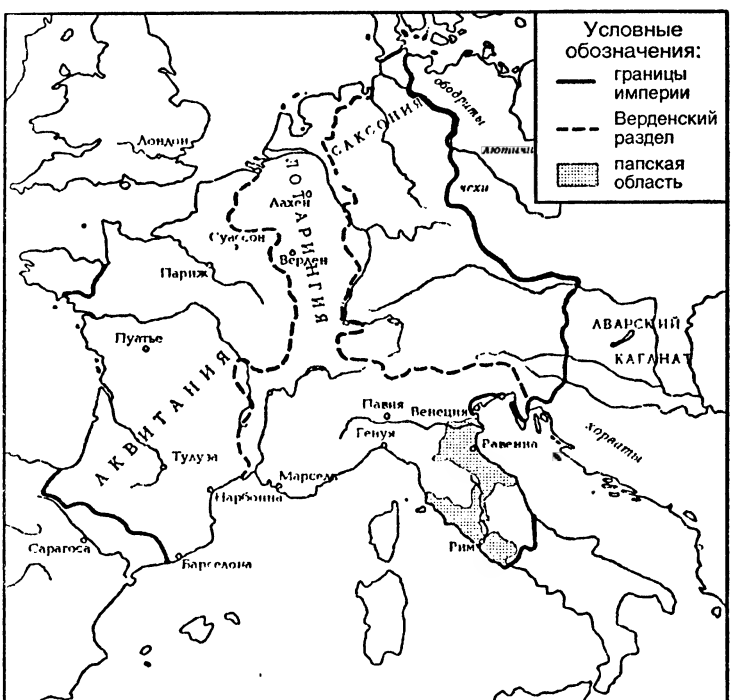
Карл Великий, сумевший подняться над своим временем, мечтал о едином христианском государстве, хотел вернуться к идеалам античности и создать мир, в котором царили бы порядок и равновесие. И если VIII век — век франков, то правление Карла — венец этого века.

Карл умер в возрасте семидесяти двух лет 28 января 814 года. И оказалось, что только его сила, блеск побед, его престиж обеспечивали преданность подданных королю и нерушимость границ.

Он оставил своим преемникам процветающую империю. Им предстояло сохранить ее, но они с этой непростой задачей не справи-

лись. **Людовик Благочестивый**, сын Карла, не сумел упрочить дело отца, а его сыновья, то есть внуки Карла, и вовсе растащили империю по частям.

В 843 году по Верденскому соглашению младший получил западную ее часть — современную Францию, среднему досталась восточная — нынешняя Германия, ну а старший внук, скупой Лотарь, взял себе самый лакомый край тогдашней Западной Европы —

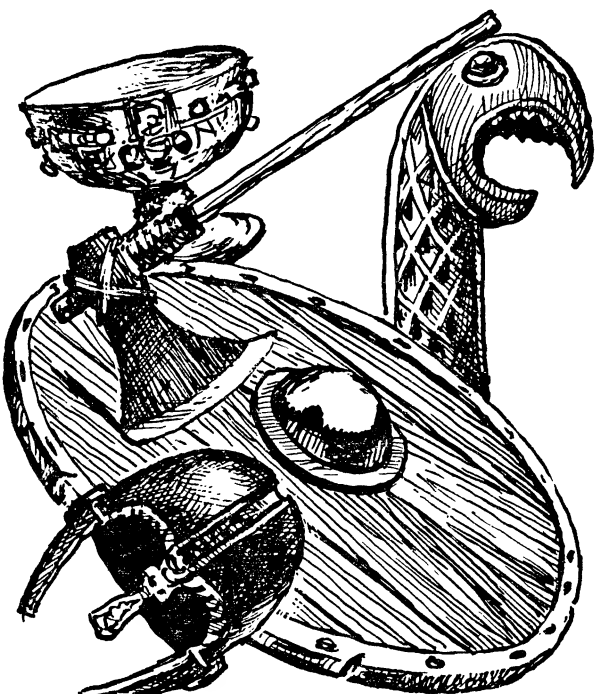


Держава Карла Великого и ее раздел в 843 г.

Италию. Да еще, пользуясь своим старшинством, присовокупил к ней длинную полосу, протянувшуюся от севера Италии до Аахена. Эта полоса земли получила название по имени своего первого владельца — Лотарингия. Впоследствии из-за нее частенько возникали споры между немцами и французами.

Ну это уж после...

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ



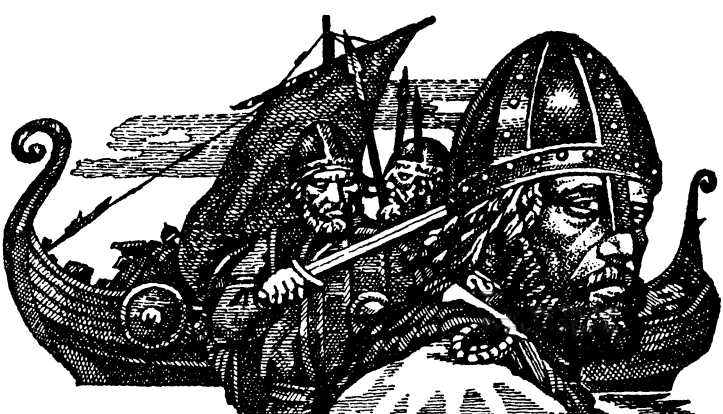
Викинги покидают «огороженный двор»
Эпоха викингов
Как англы и саксы «помогли» бриттам
и немного о короле Артуре
Из Британии — в Англию
Кто такая леди Годива
и как она «въехала в историю»
Вильгельм Бастард — завоеватель Англии

ВИКИНГИ ПОКИДАЮТ «ОГОРОЖЕННЫЙ ДВОР»

Так как же случилось, что империя Карла Великого распалась так быстро? И только ли в этом вина его наследников, оказавшихся неспособными правителями, или для этого были иные причины? Дело в том, что пока Каролинги устанавливали свое господство на континенте, моря ускользнули от них. Единственными хозяевами всех морей, омывавших Европейское побережье, стали люди, пришедшие с севера.

В конце VIII века на Европу обрушились новые язычники: «северные люди» — **норманны**, или **викинги**, или, как их еще называли у нас на Руси, **варяги**.

Если вы посмотрите на карту современной Европы, то увидите, что на Скандинавском по-



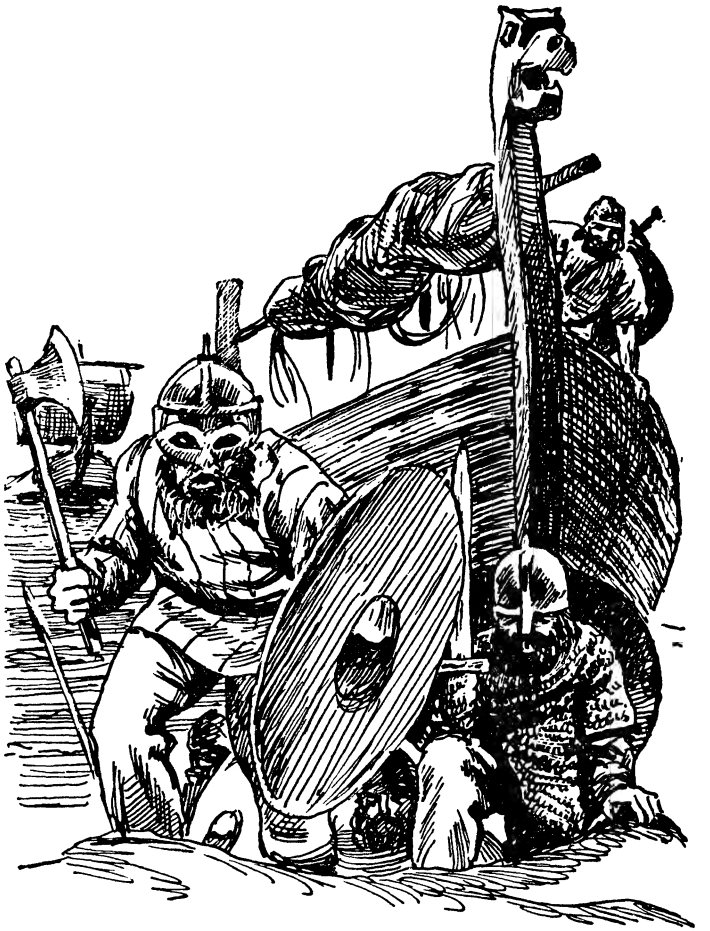
Викинги

луострове сейчас располагаются благополучные и вполне миролюбивые страны: Норвегия, Швеция, Дания. А в средневековой Европе на протяжении трех веков не было страшнее врагов, чем норманны.

«Боже, избавь нас от неистовства норманнов!» — заклинали люди в церквях от Британии до Сицилии. Ужас владел их сердцами! Со времени гуннов Европа не видела столь беспощадных воинов. Казалось, сам Господь насылает их, карая людей за грехи.

Викинги умели делать великолепные деревянные ладьи, легкие, с плоским дном, которые быстро плавали вверх и вниз по реке, по штормовому морю, могли также причаливать к берегу, так что викинги высаживались даже в тех местах, где не было бухт. Носовая часть кораблей была украшена головой дракона, поэтому эти корабли называли еще **драккарами**. В длину они достигали 30–40 метров, а то и 50 метров. А на борту могли размещаться до 150 воинов.

Завидя на горизонте полосатые паруса викингов, жители побережий уже заранее отказывались от борьбы, да и невозможно было сопротивляться дикому натиску этих людей. Среди этих воинов были и вовсе «звери» — даже обычные викинги относились к ним с опаской. Их называли *берсеркерами* (берсеркер по-скандинавски «медвежья шкура»). Один берсеркер приравнивался к двадцати воинам! Как правило, они сражались сразу двумя мечами,



Завидя на горизонте паруса викингов, жители побережий уже заранее отказывались от сопротивления

потому что превосходно владели в бою как правой, так и левой рукой. А щит берсеркеру был ни к чему! В пылу боя они не замечали ран, кажется, вовсе не чувствовали боли. Да и

обычные воины отличались мужеством и безразличием к смерти. Считалось, что смерть в бою — награда для викинга.

Скандинавы позднее всех в Европе приняли христианство. Согласно их языческой вере от бога Хеймдаля произошли три сына: Трель — раб, давший начало роду рабов, Карл — землепашец и Ярл, от которого пошел род воинов. Особенно викинги почитали Ярла, а военное дело считалось самым достойным занятием.

По представлению скандинавов, жили они в Мидгарде — «огороженном дворе». Это был мир людей. А вокруг Мидгарда простирался враждебный мир, населенный злобными чудовищами и великанами. Этот мир назывался Утгард, то есть «пространство, расположенное за оградой». Наиболее почитаемыми у скандинавов были боги-воины: **Один** и **Тор**, постоянно сражавшиеся с чудовищами и великанами, населявшими Утгард. Во время походов викингов сопровождали **валькирии,** воинственные девы, послушные Одину. Они решали исход сражения, отбирали сильнейших из павших воинов и уносили их в Вальхаллу...

А еще скандинавы веровали в неизбежность конца мира, когда силы зла, воплощенные в Великом волке Фенрире и Мировом змее Ёрмунганде, в последней битве столкнутся с Тором и Одином. И в той битве погибнут все боги, все герои, однако вместе с ними погибнут и силы Зла. И тогда возродится новая земля, и все начнется сначала.

Бог-воин Один

Поэтому викинг, умирая с оружием в руках, верил, что сражается со Злом, и если с честью погибнет на поле боя, то попадет в Вальхаллу — золоченую «палату павших в битве». Здесь самые доблестные воины, отмеченные Одином, в пирах и утехах будут ожидать последнюю битву богов. Вот почему викинги были столь непреклонны, яростны и бесстрашны даже перед лицом смерти. А об их жестокости ходили легенды, в которых вовсе не было преувеличений.

Бог-воин Тор

Нравы Средневековья вообще были жестокими, к тому же суровые условия северных, малоплодородных земель выковали у скандинавов особый характер, особое отношение к жизни и миру. Родовая кровная месть была здесь особенно беспощадной. Существовал даже такой дикий обычай: в голодные, неурожайные годы родившихся младенцев, прежде всего девочек, уносили в лес и оставляли там умирать.

Так что в лице викингов Европа, уже принявшая христианство и мало-помалу начавшая забывать ужасы недавних нашествий, столкнулась не только с грозным противником, но и совершенно иным миром. Разжалобить викинга было невозможно. Красота и молодость привлекала их только как товар, старость не вызывала почтения, а слабость и беззащитность рождали в их душах лишь презрение.

Итак, к началу IX века скудная природа каменистого Севера, которая уже никак не могла прокормить растущее население, заставила скандинавов выйти за «ограду» своего сурового мира и отправиться на завоевание ближних и дальних территорий. И Европа вновь погрузилась в кровавый хаос.

ЭПОХА ВИКИНГОВ

Если VIII век был веком франков, то три последующих столетия в истории Западной Европы справедливо называют эпохой **викингов.** Собственно, конец VIII века уже принадлежал норманнам.

В 793 году не более десятка кораблей под странными полосатыми парусами приблизились к одному из британских островов — Линдисфарн. Монахи из располагавшегося на этом острове монастыря с настороженным любопытством смотрели на хищные морды чудищ, украшавшие носы кораблей. Что за гости

пожаловали в их обитель? Чего от них ждать — добра или худа?

Ответ стал ясен еще до того, как монахи успели задать вопрос. Едва корабли ткнулись днищами в отмель, как из них посыпались в воду дико кричащие, одетые в звериные шкуры воины с мечами, копьями и топорами в руках. Кинулись монахи вооружаться, да поздно: викинги застали их врасплох. Через несколько часов некогда богатый Линдисфарнский монастырь был разорен, а от его стен осталось лишь пепелище...

А в 799 году банды норвежских грабителей стали появляться у западных берегов Франции. В начале века датчане, обосновавшись на берегах Фризии, обложили ее жителей непомерной данью в сто футов серебра. И никто тогда не мог дать достойный отпор скандинавам.

Но это было только начало! Возвращавшиеся домой из южных походов с богатой добычей викинги рассказывали соседям, как просто отбирать добро у беспомощных перепуганных жителей иных стран, и вся Скандинавия двинулась проторенной морской тропой в поисках легкой наживы. Уже не десятки, а сотни «морских коней» (так любовно викинги именовали свои корабли) бороздили пространства Атлантики, добираясь до самых дальних земель.

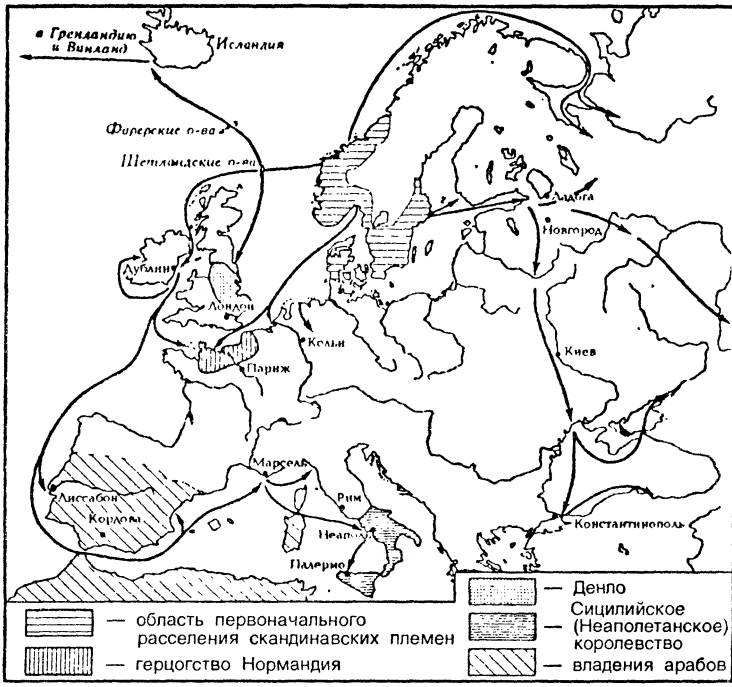
Да что говорить — до самой Америки! Вспомните знаменитое путешествие Эрика

Нападение викингов на монастырь на острове Линдисфарн

Рыжего, доплывшего до Гренландии в 982 году. Или путешествие его сына Эрика Удачливого, открывшего Новый Свет за пятьсот лет до Колумба! Впрочем, сейчас речь не о путешествиях, а о других подвигах...

Среди жертв отважных мореходов оказались практически все прибрежные города Атлантики и Средиземноморья; Лиссабон и Севилья... В Италии однажды они прорвались до сухопутного города Пизы, подходили и к Риму! Кстати, викинги не ограничивались полосой побережий, их легкие, маневренные драккары поднимались по рекам в глубь материка.

Дважды они осаждали Париж! В конце концов, король **Карл Простоватый** уступил им обширную область на севере Франции, в



Походы норманнов

устье Сены, где и было основано норманнское герцогство. По имени давних оккупантов до сих пор эта часть территории Франции называется Нормандией.

Как-то викинги добрались и до Гамбурга, а в 881 году взяли несостоявшуюся столицу мира город Аахен, где сожгли гробницу ее основателя Карла Великого. Сражались викинги и с Константинополем, выгнали византийцев из Неаполя, а арабов — с острова Сицилия. В покоренной Южной Италии они образовали так называемое королевство обеих Сицилий...

Постепенно разрозненные и немногочисленные дружины викингов стали объединяться в мощные армии и грозные флотилии. Власть от предводителей дружин — **ярлов** — стала переходить в руки **конунгов** — первых скандинавских королей, вставших во главе отдельных народов: норвежцев, датчан, шведов. В IX веке конунг Харальд Прекрасноволосый, которого поначалу называли просто Лохматым, подчинил себе большую часть Норвегии, а некий Харальд Синезубый стал королем Дании...

Вот когда в полной мере Европа почувствовала жесткую волю норманнов! Словом, как сказали бы сегодня, скандинавы держали под контролем всю Европу. А точнее, держали ее в непрестанном ужасе...

Нападали викинги и на Русь. Здесь, как мы уже говорили, их называли **варягами**. Хотя иногда варягам (так называли викингов на Руси) удавалось обложить данью северные славянские племена, но чаще на Руси они получали достойный отпор. Вероятно, поэтому варяги предпочли мирное соседство с не менее воинственными русичами, освоили торговый путь по Волге до Каспия и через Днепр к Черному морю, который с тех пор мы так и называем: «из варяг в греки».

А вот на кого действительно скандинавы оказали самое непосредственное влияние, так это на бриттов. Островная Британия в силу своего географического положения и по ряду

других причин оказалась наименее защищенной от нападений грозных северных соседей.

Уже в 839 году норманнский ярл основал королевство в Ирландии. А к концу IX века датчане короля Кнута Великого стали господствовать на Британских островах.

КАК АНГЛЫ И САКСЫ «ПОМОГЛИ» БРИТТАМ И НЕМНОГО О КОРОЛЕ АРТУРЕ

Издавна на Британских островах жили **кельтские племена: пикты, скотты и бритты,** по имени последних острова и получили свое название. Еще Гай Юлий Цезарь в I веке до нашей эры начал покорение Британии. Военные действия **римлян** были вполне успешны, они завоевали равнинные пространства, где жили в основном бритты. Римляне провели в Британии дороги, соединившие острова, и на месте лагерей римских легионеров выросли первые английские города. Лагерь по латыни «castra» — видоизмененное английское произношение слова «честер», вот почему в Англии до сих пор немало названий городов, имеющих такое окончание, — например, Манчестер.

Словом, колонизация Британии должна была закончиться безусловной победой римлян и установлением на острове их порядка. Но здесь, как мы помним, в самом Риме начались неурядицы, и Стилихон для борьбы с

Аларихом и прочими вандалами вынужден был отозвать из Британии последние римские легионы.

Вот здесь-то и начинается история **Англии.** После того как римляне покинули бриттов, скотты (будущие шотландцы), вероятно, позавидовав прекрасному устройству городов и дорог, начали нападать на бриттов. Вскоре мелкие стычки перешли в крупномасштабную войну. Видимо, бриттам не хватило сил самим справиться с врагами и они обратились за помощью к германцам — **ютам, англам и саксам.** В сочинении монаха Гильды (середина VI века) под названием «О разорении и завоевании Британии» об этом событии сказано так: «Советники вместе с гордым королем ввели в страну яростных саксов, ненавистных Богу и людям, для отпора северным племенам...»

Однако юты, англы и саксы сначала помогли бриттам загнать скоттов на север (современная **Шотландия**), а потом принялись и за бриттов. Германцы двинулись в глубь страны, истребляя местное население и разрушая все на своем пути. Бритты, разумеется, сопротивлялись, и между недавними союзниками разгорелась ожесточенное противостояние.

Итоги его известны: коварные чужеземцы стали полными хозяевами Британии. Малая часть бриттов переправилась на материк, где основалась на полуострове Арморика (нынешняя провинция **Бретань**), остальные погибли под мечами англосаксов.

Рыцари Круглого стола

Произошло это, конечно, не сразу. Борьба продолжалась на протяжении веков. Так в начале — середине VI века бриттам удалось нанести ряд поражений и эти победы связаны с именем **короля Артура** (на протяжении многих последующих веков его личность будила фантазию средневековых писателей).

Сказочный вымысел, легенда, воспевание рыцарства так тесно переплетены в романах о короле Артуре и благородных рыцарях Круглого стола, что настоящая биография Артура потеряла свои и без того призрачные очертания.

Современные ученые считают вероятным существование правителя бриттов, возглавившего борьбу с германцами. Правда, называют его потомком римлян **Амбросием Авре-**

лианом. Вот при нем-то, скорее всего, и был некий отважный военачальник Артур, нанесший саксам ряд поражений. На одном из кельтских языков слово «artu» означает «медведь». А «медведем» могли окрестить, безусловно, бесстрашного и могучего воина. Так или иначе, воин-король Артур стал национальным героем.

По преданию, хоть он и умер от смертельной раны, полученной в схватке с предателем Мордредом, душа его переселилась в вечного ворона, который вернется, чтобы защитить свой народ и свою родину, если им будет грозить опасность.

Но в VI веке, как ни был могуч Артур, англосаксы все же укрепили свое владычество в Британии.

Смерть короля Артура

ИЗ БРИТАНИИ — В АНГЛИЮ

Англосаксы, завоевав Британию, не очень дружно жили меж собой. Со временем там образовалось семь англосаксонских королевств. Этот период в истории Англии называется **Семидержавие.**

Такая раздробленность небольшого государства не могла привести ни к чему хорошему, и когда в IX веке норманны начали нашествие на Европу, Британия, оказавшаяся в самом центре их грабительских интересов, ничего не смогла им противопоставить.

Викинги, главным образом датчане (их еще называли **даны**), каждый год с постоянством морских приливов «опустошали грешную землю Англии от одного морского берега до другого и не щадили ни женщин, ни детей». В 842 году даны разграбили и сожгли Лондон. Однако поначалу викинги, вдоволь пограбив, на зиму возвращались к себе на родину. Но впоследствии решили обосноваться на покоренных землях.

Нападение новых врагов заставило англосаксов сплотиться для защиты страны. В борьбе с датчанами особая роль досталась королю **Альфреду,** названному **Великим** (871–900 гг.).

Это был выдающийся государь. В условиях раздробленности страны, когда независимым от власти данов осталось лишь королевство Уэссекс, что на юго-западе Британии, он сумел оказать сопротивление завоевателям. Потер-

пев первое поражение, Альфред бежал в пустынную местность, где построил замок. Сюда со всей Британии стекались его сторонники, мечтавшие отомстить датчанам. Альфред создал из них боеспособную армию. Однако сил для борьбы с датчанами было все-таки недостаточно, и после нескольких ожесточенных сражений Альфред понял: чтобы не потерять всю страну, надо идти с датчанами на переговоры.

В результате переговоров Британия была поделена на две части. Восточную получили датчане, западную — Альфред. Граница пролегла по старой римской дороге, что между Лондоном и Честером. Часть Британии, оставшаяся у норманнов, получила название Область датского права, или по-английски — Денло. Уступка, конечно, унизительная, но этой уступкой Альфред спас государство от окончательного подчинения.

Все свои силы король направил на внутреннее устройство страны. Он разделил Британию на графства. При нем появился первый английский судебник «Правда короля Альфреда». Как человек набожный, он строил церкви, а как человек образованный, по всей стране основывал школы. Главное же — он неустанно укреплял армию, возводил крепости, при нем появился первый английский флот...

Благодаря мудрой и дальновидной политике этого короля X век прошел для Британии относительно спокойно. Датчане постепенно

слились с англосаксами, и только тогда Британия стала называться так, как ныне — **Англия.**

Однако XI век открылся периодом новых датских нашествий. На английском престоле воцаряется датский король **Кнут Могучий** (1017–1035 гг.), объединивший под своей властью Данию, Англию и Норвегию. Впрочем, этот способный государь правил в Англии не как чужак-покоритель, а на основе уже сложившихся обычаев и законов, которые его вполне устраивали. Но со смертью Кнута Могучего умерло и его огромное государство, вновь распавшись на части: Данию, Норвегию и Англию.

Англичане тут же провозгласили своим королем потомка Альфреда Великого **Эдуарда Исповедника,** прозванного так за то, что он был очень набожным. «Король-монах» отличался на редкость тихим нравом и оставил о себе самую лучшую память. Долго еще англичане, особенно будучи недовольны правителями, вспоминали «о добрых временах и законах короля Эдуарда».

А вот после его смерти, случившейся в 1066 году, в Англии грянула буря...

КТО ТАКАЯ ЛЕДИ ГОДИВА И КАК ОНА «ВЪЕХАЛА В ИСТОРИЮ»

Влиятельный граф Мерсийский по имени Леофриг обложил своих подданных, жителей города Ковентри, непомерными, грабитель-

скими налогами. В чем они перед ним провинились, неизвестно. А может, и не провинились вовсе, просто графу нужны были деньги. Как ни просили горожане графа снизить разорительные налоги, все тщетно. Неминуемое и скорое обнищание грозило каждому.

И вот, после того как граф в очередной раз отказался пойти на уступки, в дело вмешалась его жена, по имени Годгифью, что означает «дар Божий». Сострадая бедным жителям, она попросила мужа отменить непомерные поборы. Причем с такой просьбой графиня обращалась к мужу уже не один раз. По-видимому, обозлившись на жену за столь назойливое доброхотство, Леофриг в гневе воскликнул: «Хорошо, я сделаю, как ты хочешь, но только при одном условии!..» «Каково же ваше условие?» — радостно спросила Годгифью. «Я понижу налоги, если ты проедешь из конца в конец по рыночной площади верхом на коне, когда там будет полно народа...» «И это все условие?» — удивилась Годгифью. «Нет, — улыбнулся Леофриг, — ты должна проехать по площади обнаженной!»

Граф был уверен, что уж теперь-то жена откажется от всякого заступничества... Но увы — она согласилась на унизительное условие.

На следующее утро, раздевшись и прикрыв наготу лишь густыми длинными волосами, леди Годива оседлала коня и проехала по рыночной площади из конца в конец, как и было условлено! Однако на площади не оказалось ни

Леди Годива оседлала коня и проехала по рыночной площади, как и было условлено...

одного человека! Заранее извещенные графиней жители Ковентри в то утро, чтобы не оскорблять любопытными взглядами свою заступницу, остались дома за крепко закрытыми ставнями.

Лишь молодой портной по имени Том ослушался приказания графини и, когда она проезжала мимо его дома, приник к щели в ставне. Успел он увидеть графиню или нет, но легенда о леди Годиве утверждает, что в тот же миг, как портной приник к ставне, он тотчас ослеп.

С тех пор людей, подобных этому соглядатаю, в Англии называют «любопытный Том».

Посрамленный Леофриг вынужден был сдержать свое обещание и отменить почти все налоги с жителей Ковентри. Утверждают, буд-

то почти до XVII века ковентринцы не платили в казну налогов!

Вряд ли это может служить доказательством необычного поступка леди Годивы, однако до сих пор на главной площади Ковентри стоит памятник, запечатлевший знаменитую сердобольную наездницу и английского «любопытного Тома».

Надо сказать, что благочестивая графиня Годгифью, или леди Годива, — лицо историческое. И известна она не только этой историей с налогами, но и благотворительностью. Графиня на свои средства основала в Ковентри монастырь с прекрасной церковью Девы Марии, в заступничество которой верила безгранично.

Существует и такая версия: когда леди Годива совершала свою знаменитую конную прогулку, рыночная площадь была полна народу. Однако наготы ее никто не заметил, потому что от глаз горожан ее скрыл чудесный покров, ниспосланный Девой Марией.

Но если принять эту версию, то из истории выпадает ослепший Том...

ВИЛЬГЕЛЬМ БАСТАРД — ЗАВОЕВАТЕЛЬ АНГЛИИ

После смерти короля Англии **Эдуарда** новым королем Англии был провозглашен сын знатного вельможи Годвина по имени **Гарольд.** Отважного и умного Гарольда любил

народ, да и сам Эдуард, умирая, именно его назначил своим преемником.

Все было бы хорошо, однако на английский престол стал претендовать герцог Нормандийский **Вильгельм.**

Возможно, у Вильгельма действительно были на это основания, поскольку он приходился дальним родственником королю Эдуарду. К тому же Вильгельм обладал отчаянной смелостью, огромной физической силой и диким нравом. Вероятно, все эти качества и позволили ему после смерти Эдуарда Исповедника объявить, что покойный король завещал ему английскую корону. Однако здесь нельзя обойти стороной еще одно обстоятельство. Незадолго до смерти Эдуарда, Гарольд потерпел кораблекрушение. Буря выбросила его на берег неподалеку от Руана, столицы Нормандского герцогства. Там он попал в руки своих противников, но был вызволен из плена Вильгельмом. Якобы в благодарность за это, он торжественно поклялся, что в случае смерти Эдуарда сделает все возможное, чтобы возвести на трон своего спасителя.

Впрочем, теперь никто точно не скажет: давал ли Гарольд такую клятву, и было ли вообще это кораблекрушение? Доподлинно известно лишь одно: когда Гарольд стал королем, Вильгельм объявил его клятвопреступником и стал готовиться к походу на Англию.

На сторону Вильгельма встал **и сам** папа римский, недовольный самостоятельностью английской церкви. Он признал законным ко-

ролем нормандского герцога, а Гарольда объявил самозванцем. Более того, из Рима Вильгельм получил папскую буллу (послание) и освященное знамя.

Со всех концов Европы ко двору Вильгельма сошлись рыцари, жаждавшие войны, наживы и приключений. Вскоре огромная флотилия из семисот судов отправилась от берегов Нормандии в сторону туманного Альбиона. Переплыв Ла-Манш, 28 сентября 1066 года войско Вильгельма вторглось на территорию Англии.

Но англичане, недавно избавившиеся от датского владычества, были готовы снова отстаивать свою независимость и сражаться за всенародно признанного короля Гарольда. Кровопролитное сражение между войсками Гарольда и Вильгельма произошло возле города Гастингса.

Если на стороне Вильгельма было почти 15 тысяч хорошо вооруженных воинов, то у Гарольда, хотя он и находился на своей территории, почти втрое меньше. Гарольд расположил свое войско на возвышенном месте и приказал соорудить укрепления. Вильгельм двинул своих рыцарей на штурм, но англичане сумели отбить их первые яростные атаки. Тогда Вильгельм применил обычную военную уловку. Он приказал своим рыцарям после очередного приступа сделать вид, будто они в панике отступают. Мнимое бегство противника обмануло горячего Гарольда. Уверенные в победе

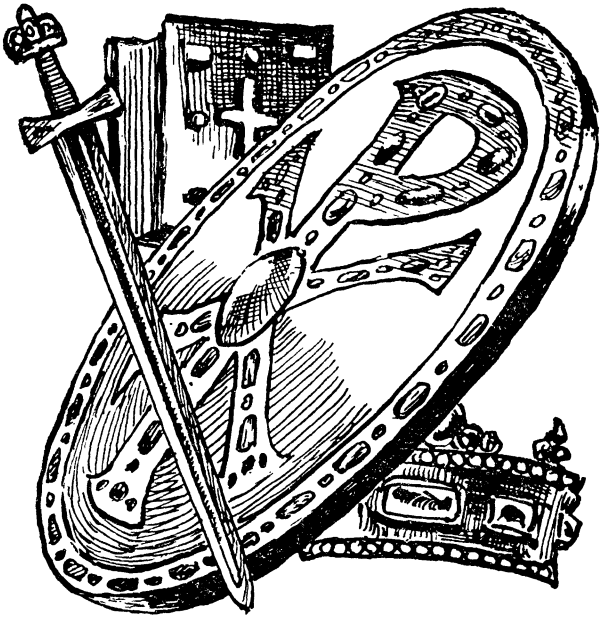
Окруженные англичане сопротивлялись отчаянно, но все они полегли в этой битве вместе с королем

англичане оставили укрепления и бросились вдогонку за якобы отступающими рыцарями Вильгельма. Вот здесь опытный и хитрый нормандец и замкнул англичан в кольцо! И началась резня! Англичане собрались вокруг своего короля. Сопротивлялись отчаянно, дрались до последнего вздоха. Тщетно! Все они полегли в этой битве вместе с королем.

Битва при Гастингсе стала знаменательной и поворотной для всей последующей истории Англии. Гарольд оказался последним англосаксонским королем.

Через два месяца нормандский герцог был коронован в Лондоне. Он стал первым единодержавным королем Англии и вошел в историю под именем Вильгельма Завоевателя.

«ЗОЛОТОЙ МОСТ»



Загадка Византии
Мечты славянина,
или как стать императором
«Симфония царства»
Из артистки — в императрицы,
или византийская золушка,
или история одной необыкновенной любви
«Или порфира — или ничего!»
Византия и Русь
«Иде Ольга в греки»

А что же все это время происходило в Восточной империи? Как вы, наверное, помните, мы прервали разговор о Византии, когда **Константин Великий**, желая возвести новый Рим, построил прекраснейший город, названный его именем.

Константинополь стал средоточием торговых путей, городом высочайшей мировой культуры, здесь возвысилась и определила свой отдельный путь от католического папского Рима православная вера. А сама Византия стала «золотым мостом» между Западом и Востоком, хотя и Восток, и Запад на протяжении тысячи лет постоянно пытались сокрушить этот «мост».

Раннюю **Византию** называли страной городов. Не считая крупных центров, таких как Константинополь, Александрия, Антиохия,

Византия

Дамаск, Бейрут, Никея, Фессалоники, в Византии были еще сотни городов. По уровню развития ремесел Восточная империя не имела равных среди европейских стран. Население здесь, как и везде, делилось на сословия.

Рабы, захваченные в войнах, составляли в то время изрядную часть общества, но церковь и государство поощряли мягкое отношение к ним — «все рабы Божьи». Были среди рабов и советчики, и воспитатели детей, и рабыни-наложницы, были рабы соратники и оруженосцы. «Смерть любимого раба может сокрушить сердце скорбью», — так говорили византийцы.

Часто хозяева отпускали рабов на волю, наделяли их имуществом. И это тоже поддерживалось законом: церковь обретала новых полноправных прихожан, а государство — воинов и налогоплательщиков. Хотя, конечно, и в просвещенной Византии положение раба было позорным, а участь тяжкой.

Сами византийцы называли себя «*ромеями*», то есть римлянами. Конечно, они имели в виду не национальную принадлежность, а то, что оставались последними «держателями» римских традиций и древней культуры. По национальному составу Византия преимущественно была *греко-славянским* государством.

На протяжении своей истории Восточная империя вела изнурительные войны с варварами, арабами, турками, с Западной Европой и ее крестоносцами и даже с Русью.

Довольно сложно складывались отношения Византии с южными соседями — мусульманами, могущество которых постоянно росло.

Так еще 717 году мусульманская армия окружила Константинополь. В Босфор вошел арабский флот из 1880 кораблей, вокруг города были установлены многочисленные осадные машины. И все-таки Константинополь выстоял! Византийцы сожгли арабский флот. Как же им удалось это сделать не выходя из города и не имея артиллерии? А все дело в том, что тогда они единственные владели тайной «греческого огня» — зажигательной смесью, воспламенявшейся от соединения с воздухом. Причем погасить бешеное пламя было уже невозможно, вода лишь усиливала горение! Эту смесь и специальную машину для метания

«Греческий огонь»

еще в IV веке изобрел некий механик Каллиникос. Говорят, рецептура ее изготовления долгое время оставалась главной государственной тайной византийских императоров. Вот при помощи этой смеси блокада с моря была тогда сорвана, а сухопутное войско арабов просто не выдержало необычайно суровой зимы. Говорят, что в тот год снег не таял сто дней! Это на южном берегу Черного моря!

Однако всех бед и напастей не перечислить! Из-за своего географического положения Византия принимала на себя удары азиатских завоевателей, она задерживала варварский поток, не давая ему поглотить слабые, не окрепшие западноевропейские страны. И что же получила от них в благодарность?

Жесточайший разгром (точнее, погром!) пережила империя, когда в 1204 году участники **крестового похода** против мусульман предательски изменили маршрут, захватили Константинополь и основали на месте Византии так называемую Латинскую империю. Лишь через 60 лет император **Михаил Палеолог** выгнал рыцарей из Константинополя, но Византия уже никогда не оправилась от этого потрясения.

И все-таки последний период империи, несмотря на ее бедственное политическое, военное и экономическое положение, стал временем расцвета философии, живописи, литературы и архитектуры. Кажется, вновь воцарился над миром могучий дух Византии. В центр православной религиозной жизни превратился зна-

Крестоносцы в Константинополе

менитый **Афонский монастырь.** Выросло и укрепилось значение константинопольского патриарха, под чьим благословением объединились церкви Сербии, Болгарии и Руси. Однако, как оказалось, это последнее недолгое возрождение лишь предшествовало окончательному крушению.

В 1453 году турки-османы штурмом взяли Константинополь. Султан Мехмед II перенес сюда столицу своей огромной империи. Это было неизбежно и предопределено.

Но вот что примечательно: Константинополь пал и был переименован в Стамбул лишь тогда, когда другие европейские государства поднялись до уровня Восточной империи, стали способны воспринять то лучшее, чего достигла и что сохранила для них Византия. На Западе

Турки-османы в Константинополе

укрепились новые государства, а на Востоке уже воздвигся «третий Рим» — наша Москва.

Удивительно не то, что «держава ромеев» погибла, но то, что она просуществовала так долго. Какая же в этой державе была заложена огромная жизненная мощь, если вопреки всем нашествиям, войнам и внутренним неурядицам она прошла свой тысячелетний путь сквозь темные, ранние века Средневековья, сохранив свет культуры и христианства!..

МЕЧТЫ СЛАВЯНИНА, ИЛИ КАК СТАТЬ ИМПЕРАТОРОМ

Византийская история весьма противоречива и самобытна. У царя, или **автократора**, что в буквальном переводе с греческого озна-

чает «самодержец», была абсолютная, деспотическая власть. При этом сама империя и ее законы были довольно демократичны. Так, например, чтобы стать **императором**, не требовалось быть представителем знатного рода. Более того, византийский император должен был избираться народом и сенатом. Хотя на деле, конечно, никаких выборов не было.

Предпочтение отдавалось «порфирородным» (или иначе — «багрянородным») государям. Что значит «порфирородный»? Тот, кто родился в **Порфире** — особом здании императорского дворца. (А еще «порфира» — это багряная императорская мантия.)

Василевс — помазанник Божий! (От василевса — имя Василий, что значит «Царственный».) Императора обожествляли как Божьего избранника, не было страшнее преступления, чем «оскорбление его величества»... Но если император оказывался недостойным трона, мятеж против него был вполне допустим и не осуждался. Разумеется, в том случае, когда побеждали мятежники. За 1122 года существования империи в ней сменилось почти 90 василевсов.

Но в принципе стать императором мог каждый свободный гражданин. И мечтали о троне многие...

Мечтал ли об этом юноша **Юстин** из бедной македонской деревеньки, сказать трудно. Известно лишь, что долгое время он пас в горах скот. Занятие это достаточно неторопливое, и

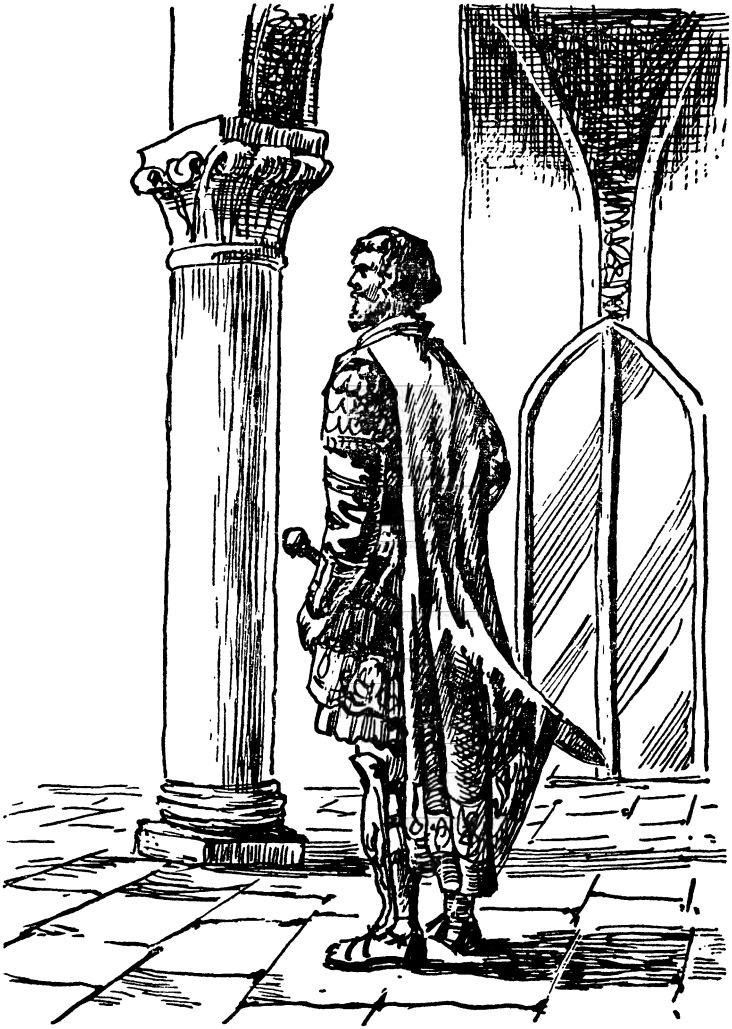
всякие мысли могут взбрести в голову, тем более если ты молод, полон надежд и отваги.

Так или иначе, в один прекрасный день Юстину надоело хлопать кнутом перед мордами овец и волов, и он отправился на поиски лучшей доли в славный город Константинополь. Там он поступил в армию. Страна воевала часто и нуждалась в солдатах.

Судя по всему, воин он был отменный, потому что вскоре оказался в императорской гвардии. Однако и в гвардии ему удалось отличиться — бывший пастух стал начальником императорской гвардии! Казалось, о большем нельзя было и мечтать!

Но когда в 518 году скончался император Анастасий, один из придворных дал начальнику гвардии денег на подкуп гвардейцев, чтобы те возвели на трон заранее избранного ставленника. Недолго думая, Юстин от своего имени раздал воинам деньги. Благодарные гвардейцы тут же провозгласили своего начальника императором.

Так совершился очередной и, по сути, заурядный византийский переворот. Известно, что жизнь византийского двора была полна заговоров и интриг. И об этом перевороте, может быть, не стоило и упоминать, если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство. Каждый василевс, вступив на трон, прилагал все усилия к тому, чтобы утвердить свое право передачи власти по наследству. Но у Юстина не было детей, а по причине преклонного возраста



Юстин

он уже не мог рассчитывать на то, что в заветной Порфире у его жены Евфимии родится «порфироносный» сын.

Однако у Юстина был племянник, выходец из той же бедной македонской деревни. Племянника звали Управда. И тогда Юстин придумал хитрый ход: он усыновил племянника, сделал его своим соправителем и дал ему новое, достойное императора имя.

Здесь следует упомянуть еще об одной примечательной особенности византийской императорской власти: царь имел право назначать себе преемника. А чтобы не возникало сомнений в законности преемственности власти, он мог при жизни назначить будущего преемника своим соправителем, как бы вторым императором или вице-царем. Таким образом, когда «первый» царь умирал, власть автоматически переходила в руки «второго».

Теперь следует сказать, какое новое имя дал дядя Юстин племяннику. Ну конечно же, **Юстиниан!**

«СИМФОНИЯ ЦАРСТВА»

Юстиниан (482–565 гг.) попал в Константинополь еще подростком, задолго до того, как Юстин взошел на императорский трон, а сам он обрел новое имя.

Будучи неграмотным, Юстин сделал все, чтобы племянник получил прекрасное образование. Да и Юстиниан тоже постарался. Его всегда отличало необыкновенное трудолюбие, впоследствии так изумлявшее подданных, за

что его называли «наш бессонный император». Действительно, он мог работать сутками!

А начал он свою карьеру в Константинополе с низкой чиновничьей должности, на которую его пристроил все тот же прозорливый дядя, — пусть племянник с самых азов постигает сложную систему управления огромной империей. Авось пригодится! И ведь пригодилось! К тому времени, когда Юстин сделал племянника своим соправителем, вряд ли во всей империи имелся человек, более подходящий на эту должность. Юстиниан уже прошел выучку властью и в мельчайших подробностях знал положение дел в государстве.

В 527 году, после смерти дяди, Юстиниан становится автократором Византии. Это было сложное время. От бывших римских владений осталась лишь восточная часть, да и она подвергалась постоянным нападениям варваров. Обострилась борьба с иранской державой Сасанидов. В самой Византии церковь увязла в бесконечных богословских спорах, произвол знати разорял простой народ, зависимые крестьяне бросали землю и разбегались, города сотрясали бунты...

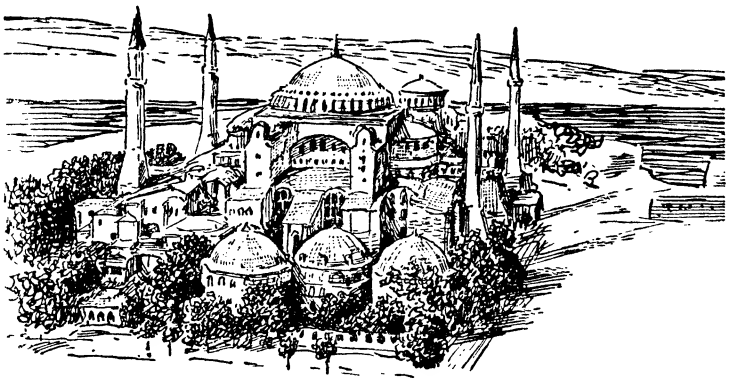
Юстиниан начал решительно: он укрепил позиции христианской церкви, снизил налоги, раздал землю бедным, объявил войну произволу аристократов и чиновничьим злоупотреблениям... Император понимал: чтобы навести порядок, нужны твердые законы, а не одни устрашающие акции. А чтобы законы

заработали, нужно их предельно ясно и четко сформулировать. На протяжении многих лет лучшие умы Византии под руководством самого императора разрабатывали единое законодательство, собрав все положительное, что когда-либо выработало человечество в области права. Это была гигантская работа! Именно тогда Юстиниана прозвали «бессонным императором».

Двенадцатитомный свод законов, получивший название **«Кодекс Юстиниана»**, пережил века и стал основой последующих правовых норм. Впервые в нем было провозглашено равенство всех граждан империи перед законом. Уже одно это основополагающее положение было грандиозным шагом вперед!

Хотя, конечно, сейчас «Кодекс Юстиниана» покажется нам во многом несправедливым и слишком жестоким. При равенстве граждан перед законом людям разных социальных слоев полагались все же разные наказания. Так, преступивших закон простолюдинов следовало сжигать, избивать до смерти розгами, отдавать на съедение диким зверям, четвертовать, распинать на кресте, а вот знатные люди подвергались только обезглавливанию. Суровый лик эпохи проглядывает со страниц «Кодекса Юстиниана»...

Юстиниан возвел в Константинополе собор Святой Софии, храм удивительной красоты и гармонии. Про храм Святой Софии говорили, что он парит над городом, как корабль над вол-



Собор Святой Софии в Константинополе

нами моря, «опущенный на золотой цепи с высоты небес». Попадая в него, человек оказывался под огромным куполом, который, казалось, висел в воздухе безо всякой опоры. Подлинное чудо архитектуры! Этот парящий купол с православным крестом символизировал Божественный покров над всей державой. В том была суть и главная идея государственных устремлений Юстиниана: он хотел воссоздать прежнюю Римскую империю, но уже под единым покровом христианства.

В 533 году Юстиниан отправил армию под командованием талантливого полководца **Велизария** к берегам Африки. Велизарий сокрушил королевство вандалов. Африка снова вошла в состав империи. Вслед за Африкой настал черед Италии. Здесь византийцы встретили жесточайшее сопротивление новых ее хозяев — остготов. В течение пяти лет продолжалась война. Наконец, осенью 539 года

Велизарий взял последний оплот остготского короля Витигиса — город Равенну.

Казалось бы, сбывается все, что задумано. Но тринадцатый год правления оказался для Юстиниана и для империи «черным».

Шах Сасанидской империи Хосров I нарушил договор о мире и вероломно вторгся в Сирию, византийскую провинцию. Персы разграбили цветущую Антиохию, увели в рабство тысячи жителей. Началась долгая и тяжкая война с персами. К тому же, воспользовавшись тем, что военные силы империи были сосредоточены на востоке, со стороны Дуная двинулись славянские племена. В Италии вновь оживились остготы под предводительством нового короля Тотилы...

Но самое страшное грянуло следом: на Византию обрушилась «черная смерть» — эпидемия чумы. За три года чума унесла почти половину населения империи!

Под напором этих немыслимых бедствий можно было прийти в отчаяние. Казалось, рушится невидимый небесный купол. Но император понимал: смерть и разруха даны Византии и ему, самодержцу, как испытание. И он нашел в себе силы и мужество, чтобы перед лицом опасности сплотить подданных. В вере он черпал мужество, в вере обретал стойкость. Именно тогда Юстиниану открылась Истина, которую он назвал «симфонией Царства и Священства», — сила христианской державы в союзе церкви и государства...

В конце концов, затянувшаяся на четверть века борьба с внешними врагами и последствиями страшной эпидемии закончилась полной победой Юстиниана. Мир и покой снизошли на империю.

Юстиниан не сомневался в Божественной природе собственной власти. В праздники он восседал на левой стороне трона, правую оставляя свободной, поскольку верил, что там незримо присутствует Христос.

Умер император в возрасте восьмидесяти четырех лет, преодолев все трудности, выпавшие на его царствование, сохранив оазис христианской цивилизации.

Поэтому и остался в истории под именем **Юстиниан Великий.**

ИЗ АРТИСТКИ — В ИМПЕРАТРИЦЫ, ИЛИ ВИЗАНТИЙСКАЯ ЗОЛУШКА, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЛЮБВИ

В жизни Юстиниана был момент, когда император едва не проявил малодушие. Может быть, тогда он прославился бы не как Юстиниан Великий, а Юстиниан «малодушный», если бы...

В начале VI века весь Константинополь говорил об актрисе и танцовщице **Феодоре** (ок. 500–548 гг.). На сцене она решалась на самые нескромные и скандальные выходки. Но дело

было не только в ее профессии, «не требующей добродетели», но в том отчаянном и даже вызывающем легкомыслии, с каким Феодора вела себя в обществе. Она прославилась своей расточительностью, дерзостью речей и множеством поклонников. И уже к двадцати годам успела заслужить самую дурную репутацию.

И вдруг Феодора исчезла из Константинополя. Говорили, что она сбежала в Александрию с правителем одной из африканских провинций. Но в Александрии ее судьба круто изменилась. Что случилось, какая драма произошла — доподлинно неизвестно. Однако вскоре Феодора оказалась без покровителя и в самом бедственном положении.

Александрия в то время была одним из центров христианства, в предместье города было немало монастырей, в Ливийской пустыне скрывалось столько отшельников, что ее называли «пустыней святых». Вероятно, там Феодора приобщилась к религии, может быть, повстречала мудрого наставника. Так или иначе, но спустя несколько лет, когда, устав от скитаний и приключений, Феодора вернулась в Константинополь, это была совсем другая женщина. Она сняла маленький домик, стала вести тихую, уединенную и целомудренную жизнь...

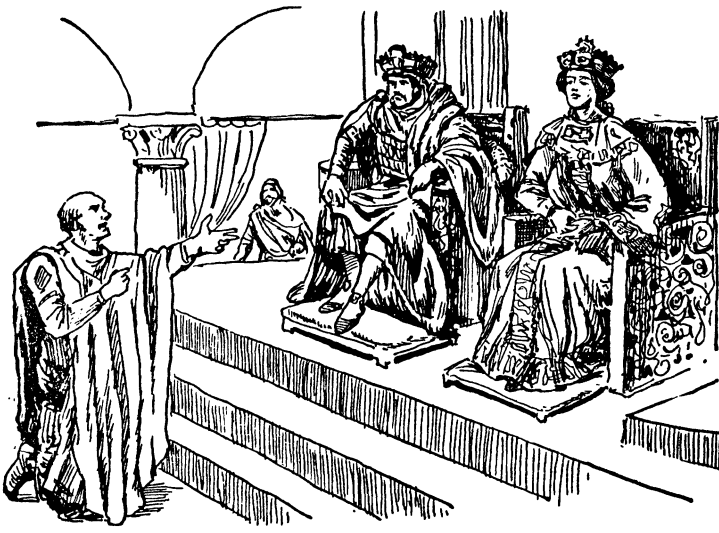
И вот тут кончается история и начинается сказка. Как сказал один мудрый человек: «Не выдумывают таких невероятных вещей — значит, это правда!»

Вряд ли девочка, родившаяся в нищей семье смотрителя зверинца, могла представить, какая воистину сказочная судьба ее ждет! Действительно, жизнь полна чудес!

Юстиниану было сорок, когда он повстречал Феодору. Безусловно, она была хороша собой: небольшого роста, чрезвычайно грациозная, с прекрасными черными глазами... Но помимо красоты Феодора обладала и другими качествами: она была умна, дерзка, насмешлива, сцена научила ее бороться за успех. И вот — недавняя танцовщица, актриска и куртизанка овладела сердцем высокого государственного мужа! Никто не знает, как ей это удалось, но Юстиниан влюбился в Феодору без памяти! Так полюбил, что решил жениться на ней.

Добрый дядя Юстин не стал противиться желанию Юстиниана. Но вот его жена, императрица Евфимия, была возмущена выбором любимого племянника, — она и слышать не хотела о женитьбе. Юстиниан не мог пойти против воли тетки. Дело со свадьбой застопорилось. Однако в 523 году Евфимия неожиданно умерла.

Но была и другая преграда: закон, который запрещал высшим сановникам жениться на женщинах низкого происхождения, тем более на актрисах. Однако Юстиниан и Феодора так любили друг друга, что Юстин — он же был император! — отменил этот закон. И когда в 527 году Юстиниан унаследовал императорский трон, Феодора по праву жены



Юстиниан и Феодора

разделила его титул. Так «королева» византийского ипподрома стала настоящей императрицей!

И вскоре доказала, что достойна порфиры!

«ИЛИ ПОРФИРА — ИЛИ НИЧЕГО!»

Но стоило ли так подробно рассказывать о том, как император женился на танцовщице? Стоило, потому что история эта еще не закончилась...

Здесь надо сказать несколько слов о константинопольском **ипподроме**, который играл в жизни столицы огромную роль. Он был не только местом конных состязаний, но и цент-

ром политической и культурной жизни. На ипподроме народ мог открыто предъявить свои претензии правительству, высказать свое недовольство императору...

И вот, в 532 году, когда Юстиниан лишь начал проводить в жизнь свои реформы, в Константинополе вспыхнуло народное восстание. А началось все с обычной ссоры болельщиков.

Болельщики на ипподроме делились по цвету одежды возничих колесниц на «голубых» и «зеленых». То есть одни болели за команду «зеленых», другие — за команду «голубых». Но соперничали и враждовали они не только из-за спортивных пристрастий — «зеленые» и «голубые» враждовали в политике, при дворе, даже в церкви. «Зеленые», например, утверждали, что правительство покровительствует «голубым». А те, в свою очередь, считали наоборот. К тому же Юстиниан вступил на трон в сложное время, «низы» были недовольны тяжкой жизнью, а «верхи» считали Юстиниана выскочкой, недостойным звания императора.

И вот однажды после окончания соревнований «зеленые» в очень резкой форме предъявили Юстиниану невыполнимые требования. Юстиниан их отверг. Тогда «зеленые» назвали его убийцей и покинули ипподром. Императору было нанесено неслыханное оскорбление.

В тот же день арестовали зачинщиков беспорядков из обеих партий и приговорили к

смерти. Но двое из осужденных сорвались с виселицы. Толпа потребовала их отпустить, как «помилованных Богом». Палачи же довели казнь до конца. Тогда «голубые» и «зеленые» объединились. С криком «Ника!» (цирковой клич «Побеждай!») тысячная толпа устремилась к императорскому дворцу. Ничто не могло их остановить, да еще знать начала раздавать простым людям оружие и деньги, подстрекая к восстанию. В разных концах города вспыхнули пожары...

Юстиниан вышел к бушующей толпе. Ему пришлось согласиться на некоторые уступки, он отправил в отставку наиболее ненавистных народу министров, более того — с Евангелием в руках Юстиниан покаялся в совершенных ошибках...

Но это еще больше разожгло бунтовщиков. Если император уступает, значит, он слаб! Раздались крики: «Долой императора! Долой убийцу!»

Теперь от Юстиниана требовали уже не уступок, а отречения!

Тут же новым императором был провозглашен племянник умершего Анастасия сенатор Ипатий, который, надо сказать, вовсе не жаждал императорской власти, но не решился пойти против воли народа...

Тогда Юстиниан решил применить силу. Он двинул против восставших гвардию и наемников-готов. Но опытные солдаты в условиях города оказались беспомощны. На узких ули-

цах они не могли применить свое умение: с крыш в них летели камни, из окон сыпались стрелы, удары наносились спереди, сзади, из-за угла...

На третий день ситуация вышла из-под контроля, вокруг бушевали пожары, а восставшие готовились к штурму дворца. Казалось, Юстиниан погиб. Ему оставался единственный путь к спасению — бегство! Советники убеждали Юстиниана: войско ненадежно, ты проиграл, спасайся!.. И в этой критической ситуации Юстиниан сдал.

Но на сановном совете присутствовала Феодора. Единственная женщина, она одна сохранила присутствие духа и самообладание. Когда мужчины высказались и наступила тишина, императрица неожиданно поднялась:

— Если не осталось другого исхода, кроме бегства, я не хочу бежать. Кто носит царский венец, не должен переживать его потерю. Цари должны умирать царями. Если ты хочешь бежать, царь, это твое дело. У тебя есть деньги, суда готовы, море еще открыто. Что касается меня, я остаюсь. Смерть лучше бегства, а пурпур императора — прекрасный саван. Порфира — или ничего!..

Вот что сказала Феодора Юстиниану в тот день, когда империя находилась на грани краха. Своей спокойной храбростью, твердостью воли она одна поддержала Юстиниана. И Юстиниан, казалось бы, в безнадежном положении продолжил борьбу.

Расправа с восставшими на ипподроме

Верный императору отряд военачальника Велизария окружил ипподром, где шел очередной бурный митинг восставших, и учинил там жесточайшую бойню. Говорили, к ночи на арене ипподрома осталось более 35 тысяч трупов...

Престол устоял, и в этом немалая заслуга умной, властной, энергичной, женственной и пленительной Феодоры. В тот январский день 532 года, когда на карту было поставлено все — и жизнь, и порфира, — Феодора спасла Юстиниана. И далее, в течение двадцати одного года Феодора царствовала вместе с Юстинианом, оставаясь для него опорой в самые трудные дни.

Пусть не по крови, но по духу она оказалась настоящей императрицей.

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ

Отношения между Византией и ее северным соседом складывались непросто. Мы уже упоминали о том, что еще в 860 году русичи подошли к самому Царьграду, — так они называли Константинополь. По свидетельству константинопольского хрониста, они «едва не взяли его на копье».

А в 907 году состоялся легендарный поход князя **Олега** (ум. в 912 г.) И вновь, по свидетельству летописцев, константинопольские послы, пришедшие в стан Олега, вынуждены были просить пощады: «Не погубляй града, дадим тебе дань, яко же хощеши... И повеси щит свой на вратах в знак победы, и поиде от Царяграда».

Поход князя Олега на Царьград

Так что слова волхва из поэмы А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: «Победой прославлено имя твое; Твой щит на вратах Цареграда», — не поэтический вымысел, как считают некоторые. Еще у древних норманнов был обычай: победитель вешал свой щит на ворота города в знак примирения.

А в 941 году ходил на греков и князь **Игорь** (правил с 912 г., погиб в 945 г.). Если с Олегом под Константинополь пришло две тысячи людей, то Игорь привел десять тысяч судов. Правда, этот поход для руссов завершился плачевно. Византия сумела постоять за себя. Отовсюду были стянуты армии, и в ряде сражений на суше и на море русские потерпели поражение. На море греки атаковали русские суда, применив **«греческий огонь»**. Это «страшное чудо» так поразило русских воинов, что они бросались в воду, но пламя металось и по воде. Словом, разгром был полный.

Впрочем, исход этой битвы был закономерный. В X веке Русь была совсем молодым государством, а Восточная империя была преемницей многовековых традиций Эллады и Древнего Рима. При всех своих внутренних распрях, постоянных войнах с арабами, Византия оставалась могущественнейшей державой. Русские князья это прекрасно понимали. Поэтому цель первых русских походов против Византии, как это ни покажется странным, прежде всего заключалась в поиске не войны, но мира. Древней Руси важно было получить «дипло-

матическое признание». Ведь если для Рима, да и для всего Запада Византия была «высокомерным» восточным соседом, то для Руси уже тогда Восточная империя постепенно становилась эталоном государственности, наиболее выгодным торговым партнером, а главное — потенциальным военным союзником в борьбе с многочисленными врагами. И Русь медленно, но неуклонно шла на сближение с христианской Византией, — когда через войну и угрозы, когда путем переговоров. Уже после похода 860 года был составлен первый договор «мира и любви». Вряд ли он выполнялся согласно всем требованиям, и вряд ли устраивал Русь. Поэтому-то князь **Олег** вновь пришел с войной под стены Константинополя и прибил-таки щит к его вратам. Благодаря чему в 911 году был подписан новый договор, укреплявший и возвышавший престиж Руси.

Не станем перечислять всех пунктов («рядов») того договора (был там даже пункт, согласно которому руссам разрешалось мыться в греческих банях, сколько заблагорассудится: «да творят им мовь, елико хотят»), главное — русские купцы получили право беспошлинной торговли в Константинополе! Это была неслыханная и великая привилегия!

Олегов договор действовал в течение тридцати лет, и нарушение его (отмена выплаты дани Руси!) послужило причиной похода князя **Игоря**. Но вот что примечательно: несмотря на явную неудачу похода 941 года, в 944 году,

когда Игорь вновь двинул русское войско к византийским границам, в его стан на Дунае пришли греческие послы с предложением мира. Игорь согласился на мир, и был выработан новый, удивительный для того времени договор.

В этом договоре Русь выступала уже в роли военного союзника империи: обе стороны обязались помогать друг другу против общих врагов. Впервые не на словах, а на бумаге скреплялся военный союз двух государств! «...И оттоле узнают ины страны, каку любовь имеют греки с Русью», — так многообещающе и грозно заканчивалась статья о военном союзе.

Разумеется, и этот договор «мира и любви» был непрочен и часто нарушался обеими сторонами. Но важнее всех «рядов» и статей, что в нем содержались, было признание Руси как равноправного государства.

«ИДЕ ОЛЬГА В ГРЕКИ»

Когда князя Игоря убили древляне, овдовевшая княгиня **Ольга** (ум. в 969 г.) им отомстила: их город Искоростень в 946 году был сожжен, а на оставшихся древлян пала «дань тяжка».

Жесткой рукой наводя порядок внутри страны, мудрая правительница, княгиня Ольга, продолжала политику, начатую Олегом и Игорем, и обратила свой взор на Запад: договор 944 года оставался в силе, русские воины

исправно несли свою союзническую службу в составе императорских войск, их гарнизоны размещались в пограничных с Арабским халифатом областях... Многого достигли предшественники Ольги, но гордой, властной, удивительно умной и дальновидной княгине хотелось достичь еще большего.

В середине лета 957 года русская флотилия вошла в Константинопольскую бухту Золотой Рог — русские ее называли Суд. На кораблях прибыло около тысячи человек, включая охрану и челядь. Представительный состав посольства, а главное — участие в нем самой княгини, говорил об исключительной важности и самых высоких целях русской дипломатической миссии. В списке посольства, составленном греками, вторым после Ольги был указан некий человек — родственник княгини. Однако с приемом все шло не очень гладко. Византия свято оберегала свое исключительное политическое и религиозное положение в мире. Цель любой встречи императора с другими иностранными государями заключалась в том, чтобы четко установить статус гостя. От этого зависел характер самого приема и отражалось в титулах, знаках достоинства, которыми византийские цари наделяли иноземных правителей. Можно представить, сколько прошло предварительных дипломатических переговоров, пока корабли Ольги появились на рейде Константинополя, если первый ее прием у императора состоялся лишь в начале

сентября! Два месяца Ольга ждала, пока император соизволит ее принять! В чем здесь дело? Какие выявились недоговоренности?

А может быть, сама Ольга не желала являться во дворец, пока не будет изменен строгий и неизменный церемониал императорского приема? Уже иным, женским способом шла все та же борьба за престиж Руси...

Так или иначе, но княгиню принимали на самом высоком уровне, как не принимали до нее никого! Об этом есть письменное свидетельство самого императора Константина VII.

Русская княгиня не пала ниц к стопам императора, как этого требовал церемониал, а императрицу и вовсе приветствовала лишь легким кивком... Когда же после пышных торжеств княгиня осталась в кругу императорской семьи, сам Константин предложил ей сесть. А надо заметить, право сидеть в присутствии императора считалось привилегией и предоставлялось лишь коронованным лицам, да и то им ставили особые низкие стулья. Словом, много чего было нарушено в дворцовом церемониале при приеме русской княгини. Однако о чем же шла речь в узком кругу, ради чего Ольга прибыла в Константинополь? Что хотела она получить взамен русских войск, которые нужны были императору в борьбе против арабов?

Догадка заключается в том, что тот, кто стоял в посольском списке на втором месте после княгини, был не кто иной, как юный

Княгиня Ольга на приеме
у императора Константина

княжич **Святослав Игоревич**, сын Ольги. Многого добилась Русь в отношениях с Византией, но не получила того, что связало бы две страны кровными узами родства. Династический брак с византийским императорским домом — вот какую цель преследовала Ольга! Она приехала в Константинополь, чтобы попросить, а может быть, и потребовать руки одной из дочерей Константина VII для Святослава!

К сожалению, сватовство провалилось, греки отказали русской княгине. Да и понятно почему: Русь еще не стала мировой державой. Более того, Русь тогда была страной языческих богов. Все это было не в пользу жениха.

Но можно представить, что пережил честолюбивый семнадцатилетний Святослав, когда узнал от матери о результатах переговоров. Ему, а в его лице всей Руси, этим отказом было нанесено смертельное оскорбление, которое можно было смыть только кровью. Может быть, тогда и завязался сложнейший узел в отношениях Святослава и Византии, который развязался лишь с его смертью?

Ведь вся последующая жизнь князя Святослава, по сути, была направлена на одно: на яростную, непримиримую борьбу с Византией. Вряд ли давняя личная обида руководила его действиями потом, когда *«единым сабельным ударом прочертив по Европе широкий полукруг»*, он чуть было не вытеснил византийцев в Малую Азию.

Нет, это был трезвый и расчетливый государственный муж! Однако столько в его борьбе было страсти, ярости, бескомпромиссного вызова, брошенного империи, что невольно задумаешься об истоках этой непримиримой вражды. Лишь собрав все силы, Византия сумела сокрушить непобедимого Святослава.

Да и то, если сказать честно, не сокрушила, а лукаво, нарушив слово, убила, как убивают из-за угла. Князь Святослав Игоревич погиб под ударами печенегов, подкупленных Византией, когда в 972 году с остатками дружины возвращался из своего знаменитого болгарского похода.

Нападение печенегов
на князя Святослава Игоревича

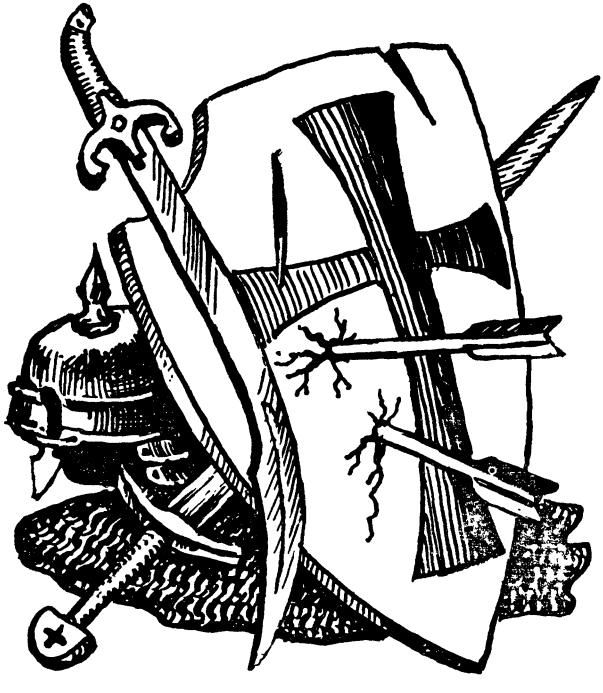
Конечно, версия об Ольгином плане женитьбы Святослава на византийской принцессе — всего лишь версия, выдвинутая известным ученым-историком Сахаровым.

А посольство, несмотря на видимые разногласия, закончилось крещением княгини Ольги. И уж здесь она настояла на том, чтобы все произошло по высшему чину: «Аз погана есмъ, — сказала она императору, — да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли то не крещуся». А еще Ольга попросила, чтобы дано ей было христианское имя Елена — в честь святой Елены, матери Константина Великого. И крестили княгиню Ольгу царь с патриархом в соборе Святой Софьи, и «наречено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина».

Возможно, у гордой Ольги и осталась горькая обида на императора. Когда следующей весной византийцы явились к киевским причалам, чтобы закрепить договор о военной помощи, Ольга велела передать главному послу: «Постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, тогда ти дам».

Кто знает, но если бы тогда в Константинополе восторжествовал действительно крепкий союз между Византией и Русью, то все уладилось бы по-другому, и по сей день сиял бы над куполом Святой Софии крест православный. Потому что не было в то время полководца достойнее Святослава и не было во всем мире воинов более умелых, чем греки, и более отважных, чем русские...

ВОСТОК — ЗАПАД



Явление ислама
Победное шествие
Гроб Господень, или о противостоянии
Европы нашествию ислама
Крестом и мечом
«Странствие по стезе Господней»
Разве хотел того Бог?

ЯВЛЕНИЕ ИСЛАМА

История Востока неразрывно связана с именем пророка Мухаммеда, который и провозгласил новую религию — **ислам.** («Ислам» в переводе с арабского означает «покорность Богу».) По-другому эта религия называется мусульманство (от арабского «муслим» — «правоверный»). Имя пророка Мухаммеда стоит в одном ряду с именами Будды, Моисея, Иисуса Христа. Причем основатель новой религии — совершенно реальное историческое лицо.

Мухаммед (ок. 570–632 гг.) родился в городе Мекке в знатной купеческой семье. Он рано осиротел. Сначала воспитывался у родственников, затем начал зарабатывать себе на хлеб, служа погонщиком верблюдов в караванах богатой купеческой вдовы. Уже тогда, будучи человеком чрезвычайно нервным, Мухаммед

часто уходил из города и, скитаясь целыми днями в одиночестве среди скал, предавался размышлениям. Уже тогда ему начали слышаться неясные голоса, призывавшие изменить мир. Но как? Не понимая, он в отчаянии иногда готов был броситься с высокой горы и погибнуть. Говорят, он страдал эпилепсией — «священной» болезнью. Считалось, что во время приступов человек общается с богами.

В 25 лет Мухаммед женился на той самой вдове по имени Айша, чьи торговые караваны он сопровождал. Положение его улучшилось, он даже достиг немалого влияния среди своих соплеменников. А когда ему исполнилось сорок лет, в месяце рамазане по лунному календарю свершилось событие, давшее толчок рождению новой религии.

Ночью на горе Хире, в окрестностях Мекки, где уединился Мухаммед, явлено ему было чудесное видение. Снизошел к нему *Некто* в сиянии лучей, развернул перед ним свиток и приказал:

— Читай!

— Я не умею, — признался Мухаммед. (В самом деле, до конца своих дней он оставался неграмотным.)

— Читай! — повторил Некто.

И Мухаммед начал читать. Тогда он не очень понял, что прочитал, и никому не сказал о том, что с ним произошло. Но спустя несколько месяцев тот же неведомый Некто вновь явился Мухаммеду и произнес:

— Мухаммед, ты — пророк Бога Аллаха, а я посланец его Джебраил! — И вновь Джебраил (то же, что и Гавриил) открыл перед ним Божественный свиток, велел повторять слова священной книги.

И тогда открылась Мухаммеду Истина, и уверовал он в нового Бога. А главное — осознал, что Бог посылает его к своему народу, дабы искоренить его пороки.

Спустившись с горы Хира, Мухаммед провозгласил:

— Нет Бога, кроме Аллаха, и я, Мухаммед, — пророк Его.

Первыми в пророческий дар Мухаммеда поверили его жена Айша и ее двоюродный брат Али Варака. Мухаммед начал проповедовать открывшиеся ему истины жителям Мекки. Свод этих истин Мухаммед назвал **Кораном** («знание»).

Коран — священная книга знаний — представляет собой устную проповедь Мухаммеда от имени Аллаха, набор пророчеств и откровений. В подтверждение изложенных в Коране истин приводятся поучительные рассказы. Некоторые из них повторяют библейские притчи.

Вообще, Мухаммед не отрицал истинности других религий, но утверждал, что иудеи и христиане не поняли смысла данного им Божьего откровения, посланного через Мусу или Ису. (Мусой мусульмане называли ветхозаветного иудейского пророка Моисея, а Исой —

Иисуса Христа.) Поэтому и послан был в мир последний и самый истинный пророк — Мухаммед!

Первый принцип ислама — признание единобожия и пророческой миссии Мухаммеда. Изречение «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его» — вот основополагающая истина учения Мухаммеда. Главным, точнее, единственным Богом провозглашается Аллах. Собственно, Аллах — это и есть Бог.

Основная заповедь мусульманина — беспрекословная покорность воле Аллаха, создавшего мир и правящего миром. Каждое действие человека заранее предопределено Аллахом...

В проповедях Мухаммед предвещал близость Страшного суда, после которого праведники обретут рай, где будут пребывать в прекрасных садах, изобилующих водой, в вечном веселье и обществе чудных женщин — гурий. Ну, а грешники, разумеется, сгинут в геенне огненной.

Ислам закреплял разделение общества на богатых и бедных, повиновение властям, утверждал власть мужчины над женщиной. Вообще, в исламе много различных запретов. Так, женщины должны закрывать лицо, а всем правоверным категорически воспрещается пить вино, есть свинину, играть в азартные игры, давать деньги в рост под проценты...

Мусульманин обязан пять раз в день совершать краткую молитву, соблюдать пост, хотя

бы раз в жизни совершить паломничество в Мекку и, конечно, участвовать в джихаде — священной войне с неверными.

Вокруг пророка стали собираться приверженцы. Однако не всем жителям Мекки пришлись по нраву проповеди Мухаммеда и его призыв подчиниться воле неведомого Аллаха.

16 июня 622 года Мухаммед с семьей и своими пока еще немногочисленными приверженцами вынужден был бежать в соседний и соперничающий с Меккой торговый город Ястриб, позднее названный Мединой, то есть городом пророка. Это событие — хиджара (от арабского «переселение») — считается в исламе началом новый эры, и от него идет мусульманское летосчисление.

В Медине новое учение быстро приобрело популярность. Вскоре в Аллаха уверовали многие кочевые племена Аравии. Способствовало этому и то, что Мухаммед вскоре стал во главе местной власти. Особенность ислама — в нем нет деления на духовную и светскую власть, поэтому Мухаммед практически стал и духовным лидером, и «царем» примкнувших к нему арабов. Теперь его главной целью было покорить не признавшую Аллаха Мекку.

После нескольких лет вражды в 630 году мусульмане Мухаммеда окончательно заняли Мекку. С тех пор этот город и древняя святыня арабов храм Кааба — точнее, не сам храм, а вделанный в его стену черный камень загадочного происхождения — стали священным

местом поклонения мусульман всего мира, куда ежегодно совершаются многотысячные паломничества.

С захвата Мекки начался стремительный рост влияния ислама на все соседние народы. И сам Мухаммед пришел к мысли, что его учение единственно верно, а потому должно владычествовать во всем мире. Планы пророка были грандиозны! Уже готовы были войска, чтобы начать победное мусульманское шествие по землям «неверных». Но в 632 году Мухаммед умер.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ

Согласно исламу, после смерти Мухаммеда уже не могло быть в мире других пророков. Но кто-то должен был стоять во главе новой веры и нового государства мусульман. Такими лидерами — светскими и духовными — стали **халифы**, то есть наместники пророка или его «заместители». Первыми халифами были родственники и ближайшие сподвижники Мухаммеда. Более всех из них прославился халиф **Омар** (634–644 гг.).

Вдохновленные идеей джихада (священной войны с «неверными»), мусульмане обрушились на соседние страны. Прежде всего на Византию, Иран и Йемен. Византийская армия была разгромлена в Сирии, иранские сасаниды потерпели сокрушительное поражение в битве на реке Евфрат, Йемен пал...

С поразительной легкостью арабы покоряли страны, сокрушали некогда великие династии и завоевывали народы. Они создали мощную и маневренную конную армию, первыми начали использовать тяжелую кавалерию, их лучники не знали себе равных. Вскоре они стали хозяевами не только на суше, но и на море. К тому же слухи о новом всемогущем боге Аллахе и его непобедимых воинах опережали даже быстроногих арабских скакунов. Многие из покоренных народов сами с радостью вливались в ряды мусульман. «И век настал великого Омара...» — так написал о том времени арабский поэт Фирдоуси.

«Ислам — или меч!» — это непреклонный девиз того времени. Разумеется, было много крови. Но надо заметить, что арабы не требовали от завоеванных народов немедленного перехода в мусульманство и признания воли Аллаха. Более того, хотя они и отрицали Божественную сущность Христа, считая его просто «праведным человеком», поначалу были вполне веротерпимы по отношению к христианству. А вот языческое многобожие искореняли со всей беспощадностью. Иногда эта беспощадность доходила до вандализма.

Так, завоевав Египет, под предлогом борьбы с язычеством, халиф Омар первым делом уничтожил бесценные сокровища Александрийской библиотеки. Говорят, отдавая приказ, халиф сказал: «Все, что в древних книгах соответствует Корану, есть и в самом Коране,

Арабы

а то, что Корану не соответствует, то не годится для мусульман. Так зачем же она существует?..»

Но вскоре в самом исламе начался раскол между двумя религиозными течениями: **суннитов и шиитов.** Основные законы мусульман содержатся в священной книге Коране. Но кроме Корана существуют еще изречения Мухаммеда, записанные его близкими и собранные в специальные книги — сунны. В сунна́х заключены объяснения и толкования неясных мест Корана. Те, кто признавал Коран и сунну, назывались суннитами, те же, кто признавал только Коран, — шиитами (от арабского ши'а — группа).

А началось все с того, что двоюродный брат жены Мухаммеда Али, начал борьбу за родственное право наследования пророку. Али заявил, что лишь родственники Мухаммеда обладают особой благодатью верного толкования Корана, а потому и правом на престол. По мнению других мусульман, такая узурпация власти в руках одного рода, даже если это род самого пророка, недопустима. Между двумя ветвями мусульманства разгорелась ожесточенная борьба, закончившаяся смертью Али (661 г.), — его предательски убил бывший приверженец.

Престол достался наместнику Сирии Муавию Омейи. Он перенес столицу халифата из Мекки в Дамаск, но это было не главное его свершение. Он основал династию **Омейядов,** которая успешно продолжила мусульманские завоевания на всех направлениях.

К середине VIII века арабы огнем и мечом подчинили себе Афганистан, часть Армении,

Восточную Грузию, Южный Азербайджан, на востоке дошли до нынешнего Казахстана, на севере —Дона. Омейядами полностью были захвачены африканские владения Византии, лежавшие к западу от Египта, — современные Тунис, Алжир, Ливия, Марокко. Все эти земли стали по-арабски называться **Магриб**, что значит «запад».

Как раз при Омейядах арабы двинулись на «настоящий» Запад, то есть на Западную Европу. Полководец Джебель-аль-Тарик, переправившись через Гибралтар, который тогда еще назывался проливом Геркулесовых Столпов, в 714 году покорил большую часть Испании...

К середине VIII века владения Арабского халифата простирались от Атлантики до Памира, от Сахары до Дербента и от Грузии до Пиренеев... Это поразительное государство существовало одновременно в Африке, Азии и Европе!

Но в 750 году Омейядов свергли потомки дяди Мухаммеда, Аббаса, названные в его честь Аббасидами. Аббассиды перенесли центр мусульманства в Ирак, где в 762 году на реке Тигр заложили новую столицу — Багдад, город сказочной Шахерезады и легендарного халифа Гаруна-ар-Рашида...

Менялись халифы, династии, столицы... В конце концов, и сам непомерно огромный Арабский халифат распался на части... Но неизменным осталось одно: на обширных территориях, объединяя разноплеменные народы,

владычествовал ислам! Мечты пророка Мухаммеда сбывались быстрее, чем он, вероятно, предполагал: никогда прежде ни одна религия столь стремительно и победоносно не покоряла мир.

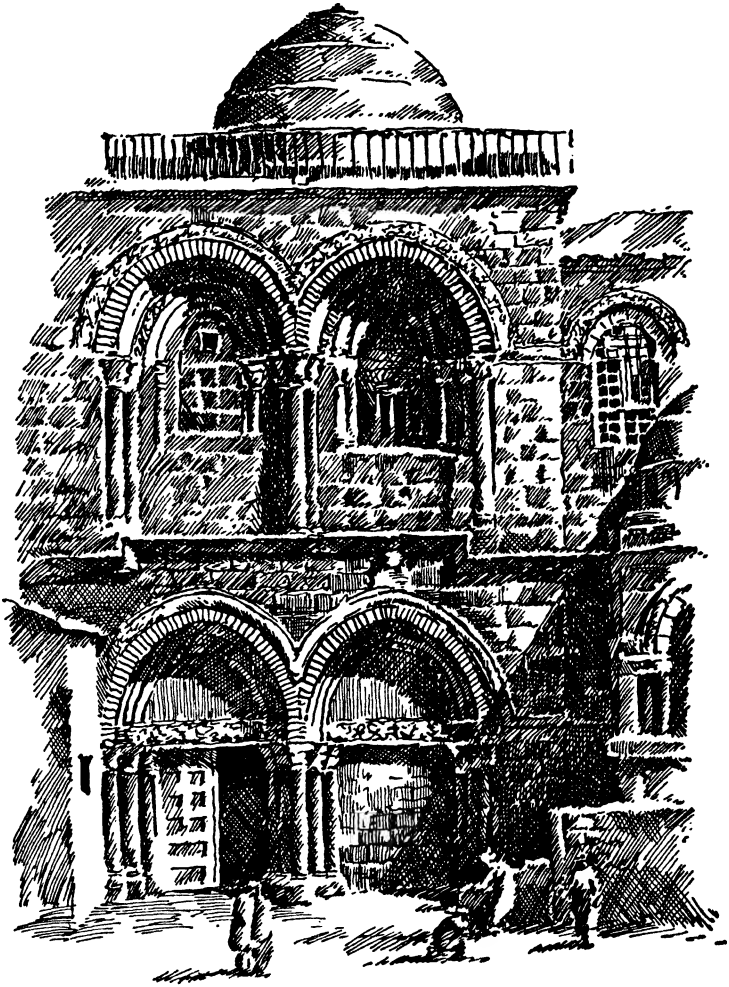
ГРОБ ГОСПОДЕНЬ, ИЛИ О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЕВРОПЫ НАШЕСТВИЮ ИСЛАМА

Славный христианскими святынями город **Иерусалим**, как известно, находится в Палестине. Кажется, что здесь и небо, и воздух, и жаркие камни под ногами помнят Спасителя. Здесь Он взошел на Голгофу и, умирая в страданиях, заповедовал людям любовь.

По преданию, **Елена**, мать Константина Великого, еще в 326 году совершила паломничество в Иерусалим. По ее воле был найден тот самый крест, на котором распяли Иисуса Христа. Крест этот медленно повернули на все четыре стороны света, как бы открывая всему миру святыню и посвящая весь мир **христианству**.

Если бы знала святая Елена, сколько копьев будет сломано, сколько крови прольется за право обладания этой святыней!

А на том месте, где найден был крест, по указанию императора **Константина Великого** был возведен в Иерусалиме **храм Гроба Господня**. С тех пор этот храм почитается верующими как величайшая святыня. Священники, купцы, простолюдины и даже короли,



Храм Гроба Господня

преодолевая многие трудности опасного пути, шли и шли в Иерусалим, чтобы вдохнуть сил и надежд у Гроба Господня, причаститься Божией милости. Как вифлеемская звезда

в небе, сияет Иерусалим над всем христианским миром.

Однако в 637 году священный оплот христианства перешел в руки арабов. Надо сказать, что ни храм Гроба Господня, ни другие многочисленные христианские храмы тогда не пострадали. Более того, составлен был договор,

Паломники в Иерусалиме

по которому паломники могли по-прежнему посещать святые места. Арабы уважали чужую веру.

Но ко второй половине XI века Арабский халифат практически потерял свое значение. Византия после затяжных войн с арабами и восточными соседями тоже была сильно ослаблена. И в это время из-за Каспия, с территории нынешней Средней Азии, на запад двинулась новая невиданная орда — тюркские кочевники, **турки-сельджуки**. Так они называли себя в честь одного из своих вождей Сельджука. Чем прославился Сельджук — неизвестно, но его потомки потрясли тогда мир своей отвагой и кровожадностью.

Подобно смерчу вторглись турки в Персию, Ирак, Сирию... Как и гунны, они опустошали все на своем пути, легко свергали правителей.

Турки-сельджуки

Снаряжение турков-сельджуков

Византийцы попробовали встать преградой на их пути, но в битве при Манцикерте (1071 г.) потерпели сокрушительное и даже позорное поражение, потому что сам император Роман Диоген был захвачен турками в плен. А турки двинулись дальше, без особого труда завоевали большую часть Малой Азии и уже навсегда основали там свой султанат. Для Византии, как оказалось, это имело роковые последствия...

А в 1078 году Иерусалим перешел из рук ослабевших арабов в безжалостные руки новых завоевателей.

Турки тоже были мусульманами. Однако и сами они, и их вера были грубее веры утонченных, любивших роскошь, знавших толк в письменности и науках арабов. Правда, и они не тронули христианских святынь, но отношение к паломникам все же изменилось. Для начала сельджуки ввели для них унизительную пошлину.

Дело было, конечно же, не в пошлине. Просто Европа осознала, как внезапно ослабла под ударами этих кочевников Византия, до сих пор служившая надежной преградой от нападения с Востока. Сам византийский император **Алексей Комнин**, в 1081 году начавший династию Комнинов-«западников», видя, что империя стоит на краю гибели, обратился с посланиями к европейским правителям и папскому Риму.

Европа давно с тревогой смотрела на то, что происходит в Палестине. Мысли об освобождении Святой земли от иноверцев давно будоражили многие умы. Но до сих пор не было особых оснований для провозглашения **Крестового похода** против Востока. Не было уверенности и в том, что призыв найдет отклик в сердцах людей. Теперь же стало очевидно, что общество только ждет призыва к свершению духовного подвига.

Сыграли свою роль и экономические причины. Европа переживала кризис. Не хватало земли, один за другим выпадали неурожайные годы, в некоторых местах дело доходило до людоедства, дороги были заполнены разным

сбродом, от простых разбойников до обнищавших рыцарей, старавшихся поправить свое положение обычным грабежом... Сам христианский мир погряз в непрестанной борьбе за власть, в бесконечных кровавых сражениях между единоверцами!

Необходимо было направить воинственную энергию в нужное русло, превратить феодальные войны в Европе в одну справедливую войну с иноверцами. Настало время указать людям великую цель, достижение которой должно было сплотить христиан в высоком едином порыве! Но чей голос мог быть услышан всей Европой? Разумеется, голос папы!

Папство давно уже вынашивало планы по освобождению Святой земли и Гроба Господня. Умные папы понимали: если они возьмут на себя руководство «священной войной», то их влияние и величие достигнут необычайной высоты.

А здесь еще очень кстати прозвучал призыв о помощи византийского императора! Это было чрезвычайно важно и примечательно! Дело в том, что незадолго до того, в 1054 году, произошел окончательный раскол между папским Римом и греко-православной Церковью. В случае успеха Крестового похода Рим рассчитывал сломить сопротивление независимых византийских патриархов и вновь вернуть их в лоно католицизма.

Словом, причин для объявления войны мусульманскому миру в конце XI века было более чем достаточно. Надо отметить, что война

Поединок крестоносца и воина-сельджука

между исламом и христианством, начавшись в VII веке, по сути, и не прекращалась. А теперь настало время раздуть и без того жаркие угли — и запылал пожар непримиримой «священной войны».

КРЕСТОМ И МЕЧОМ

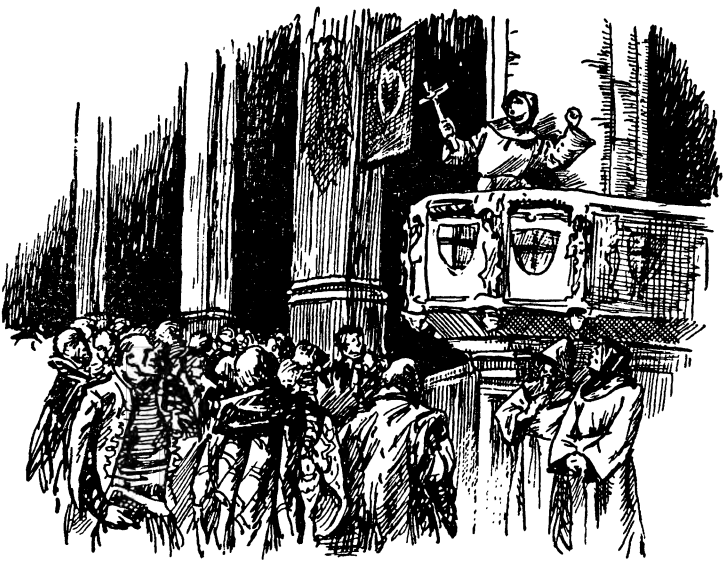
В 1095 году на очередной церковный Собор, объявленный папой **Урбаном II**, во французский город Клермон со всей Европы съеха-

лись самые высокие «князья церкви», сотни епископов, а простых аббатов-священников набралось чуть ли не до полутысячи! Отовсюду прибыли бароны и рыцари, а еще больше стеклось в Клермон простого люда: разве можно упустить случай увидеть собственными глазами «Божьего наместника» на Земле!

Уже одно то обстоятельство, что Собор проходил во Франции, а не в римской резиденции святейшего, говорило об его исключительной важности. Кроме того, пронесся слух, что папа выступит перед народом с чрезвычайно важным сообщением. И папа не обманул ожиданий!

26 ноября он появился перед многотысячной толпой, собравшейся на обширной равнине у городских ворот, так как в городе не нашлось площади, которая вместила бы всех желающих услышать папу. При его появлении толпа обнажила головы и рухнула на колени. Воцарилась звенящая, напряженная тишина. Взобравшись на специально сооруженный помост, папа осенил крестом коленопреклоненную паству и заговорил.

Речь его была пламенна. В самых мрачных красках папа обрисовал положение христиан в Святой земле среди «проклятого персидского племени турок». Он рассказал об унижении и всевозможных истязаниях, которым подвергаются христианские паломники. С болью поведал о том, что сами христианские храмы обращаются в молельни для «нечестивых». Со слезами на глазах говорил он о Гробе Господнем и



Выступление папы римского Урбана II

других иерусалимских святынях, оказавшихся во власти мусульман... Да разве можно такое терпеть?

А еще папа Урбан сказал, что Европа, «сдавленная отовсюду морем и горными хребтами, стала тесной при людской многочисленности. И богатствами земля не обильна, и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете... Теперь же прекратится ваша ненависть, смолкнет вражда и задремлет междоусобие. Идите ко Гробу Святому. Освободите ту землю из рук язычников и подчините ее себе. А земля та течет млеком и медом. Иерусалим — плодоноснейший пуп земли, второй

рай! Так опояшьтесь мечом и вступите в бой с иноверцами!..»

Он велел тем, кто отправится на Восток, воевать за правое дело, нашить себе на платье кресты из красной материи, чтобы Господь отличал своих воинов.

Разумеется, всем борцам за святое дело папа обещал полное отпущение грехов, ну а тем, кто падет за веру, вечное блаженство на небесах!

В заключение, чтобы снять сомнения, он воскликнул: «Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат!»

Можно представить, какой восторг вызвала эта речь. Сердца людей наполнились гневом, ненавистью и надеждой. «Так хочет Бог!» — в едином порыве выдохнула толпа.

Люди рвали на себе одежду, тут же нашивали на плащи и рубахи кресты из лоскутов, самые неистовые выжигали кресты на теле, готовые хоть сейчас отправиться в священный поход.

И началась эпоха Крестовых походов.

«СТРАНСТВИЕ ПО СТЕЗЕ ГОСПОДНЕЙ»

Почти двести лет продолжалось «странствие по стезе Господней» — так возвышенно назывались тогда походы **крестоносцев**. Сколько их было? Одни историки выделяют шесть главных походов, другие — восемь, а некоторые насчитывают и шестнадцать. Двести лет

Карта первых Крестовых походов

подряд многие тысячи, если не миллионы людей устремлялись в Святую землю, чтобы совершить духовный подвиг освобождения христианских святынь. Однако ненависть папы смогли разжечь, а вот объединения не вышло. Напротив, в этих походах выявились национальные противоречия самих христиан.

Так, во Втором походе (1148 г.) ненависть между немцами короля Конрада III и французами Людовика VII достигла такой степени, что впору было воевать друг с другом, а не с сарацинами! А чего стоит история английского короля-бродяги и поэта **Ричарда Львиное Сердце** (1157–1199 гг.), которого во время Третьего похода (1190 г.) сначала предал его заклятый враг французский король Филипп II,

Ричард Львиное Сердце

а затем, уже в Европе, упрятал в тюрьму недавний союзник австрийский герцог Леопольд!.. В 1099 году, спустя всего четыре года

Египетский султан

после клермонского призыва Урбана II, Иерусалим был отбит у турок **Готфридом Бульонским** (1060–1100 гг.) и его рыцарями, а в Палестине было создано государство крестоносцев под названием **Иерусалимское королевство.** Правда, просуществовало это королевство менее 90 лет. В 1187 году египетский султан **Саладин** вновь вошел в Иерусалим, сбросил кресты с храмов да еще велел окропить их розовой водой с благовониями, чтобы и духу христианского не осталось!

Во время же Шестого похода (1228 г.) императору Фридриху II Гогенштауфену (1194–1250 гг.) удалось путем дипломатических переговоров отобрать у «неверных» Святую землю и даже заключить мир с египетским султаном. Но этот поход был объявлен папой

«недействительным». Он назвал его пиратским предприятием, а освобождение Иерусалима — «нечестивой сделкой». Почему? Да лишь потому, что папа римский Григорий IX очень не любил императора Фридриха! Собственное честолюбие для него оказалось важнее освобождения Гроба Господня!

Постоянные неудачи крестоносцев породили в умах странную идею, которая могла появиться лишь в те века, когда вера в чудо была сильней веры в разум. Идея заключалась в том, что если взрослые, отягощенные многими грехами, не могут вернуть Иерусалим, то пусть эту задачу исполнят дети: они безгрешны, а значит Бог им поможет.

Во Франции вокруг пастушка по имени Стефан собралось 30 тысяч подростков двенадцати-

Саладин входит в Иерусалим

тринадцати лет. Сам папа римский благословил их поход: «Эти дети служат укором нам, взрослым. Пока мы спим, они с радостью выступают за Святую землю».

Юные крестоносцы пришли в портовый город Марсель, отсюда на семи кораблях они должны были добраться до Палестины. Два корабля погибли в пути от бури. Но, может быть, тем, кто утонул, «посчастливилось» больше, чем тем, кто добрался до Земли обетованной, поскольку поход детей закончился еще трагичней, чем можно было предполагать: многих из них корабельщики продали в рабство тем самым мусульманам, которых они с Божьей помощью собирались изгнать со Святой земли.

Многие участники детского похода были проданы в рабство

Король Людовик IX в плену у сарацин

Были еще походы благочестивого французского короля Людовика IX, прозванного Святым. Пожалуй, его с большим основанием, чем кого-либо другого можно назвать крестоносцем-идеалистом. Он сражался не за славу, не за богатство — за веру! Уже на исходе эпохи крестовых походов, в первый раз он сумел увлечь за собой крестоносцев в 1248 году. Предприятие закончилось крайне неудачно: окруженное мусульманами, его войско было почти поголовно уничтожено, а сам Людовик попал в плен к сарацинам, из которого был освобожден за огромный выкуп. Но в 1270 году Людовик вновь нашил крест на знамя и отправился воевать с мусульманами, на сей раз в Тунис. Этот поход оказался еще более неудачным: войско и сам Людовик пали не в сражении с мусульманами, а от африканской чумы, косившей крестоносцев.

Восток, забирая тысячи жизней, не отступал ни на шаг. Но чем безнадежней становилось положение христиан на востоке, тем яростнее призывали менявшиеся на престоле папы продолжить священную войну за освобождение Гроба Господня.

Вдохновителем — да, по сути, и тайным руководителем — Четвертого похода стал папа **Иннокентий III** (1198–1216 гг.). Это был хитрый политик и двуличный человек.

Другим главным деятелем похода стал девяносточетырехлетний венецианский дож (правитель) **Генрих Дандоло.** Несмотря на преклонный возраст, это был отчаянно смелый человек, который очень хорошо знал, к чему стремится. Вряд ли старого пирата когда-либо волновали проблемы веры, более всего он заботился о могуществе Венецианской республики, которая, кстати, расцвела благодаря торговле с Востоком.

Венеция обладала прекрасным флотом. Когда войско было собрано, Дандоло предложил крестоносцам свои услуги, он обещал переправить воинство в Египет на венецианских судах.

Крестоносцы сошлись в Венеции, но здесь выяснилось, что у них не хватает денег, чтобы заплатить Дандоло за фрахт кораблей. Судя по всему, Дандоло специально назначил цену, заплатить которую было трудно.

Крестоносцы на венецианских судах

Зачем ему это понадобилось? Ловкий венецианец предложил крестоносцам в счет недостающей суммы помочь ему расправиться с торговым конкурентом — городом Задар, что находился на побережье Средиземного моря. Пикантность ситуации заключалась в том, что Задар был городом христианским и тоже откликнулся на призыв папы Иннокентия участвовать в походе против Египта. Но разве это имело значение, если приключение обещало прибыль? И крестоносцы охотно обнажили мечи против единоверцев.

Задар был разграблен, причем, как пишет свидетель, когда сопротивление задарцев было сломлено, «много людей было убито и ранено». Иначе говоря, рыцари передрались между собой из-за добычи. «Это было самое великое

бедствие, когда-либо постигшее войско, и здесь чуть не произошла гибель всей армии...» Но дож Дандоло ликовал — конкурент был повержен!..

А что же папа? Иннокентий очень строго пожурил крестоносцев, но в то же время милостиво принял их смиренное объяснение: мы, мол, не могли поступить иначе. «Что ж, — согласился папа, — не могли так не могли. Ради святой цели можно многое принести в жертву, чего уж там переживать о Задаре...»

А в это время в лагерь крестоносцев прибыл бежавший из Константинополя царевич **Алексей Ангел.** Византия переживала смутные времена. Император Исаак Ангел был свергнут, ослеплен и заточен в тюрьму своим братом, который и воцарился на троне под именем **Алексей III.**

Алексей Ангел, сын ослепленного Исаака, прибыл к Генриху Дандоло и другим князьям крестоносцев, объяснил им свое бедственное положение и предложил, ради «восстановления справедливости», прежде чем отправиться в дальний Египет, идти на Константинополь.

Дандоло, давний враг Константинополя, был в восторге от предложения царевича. Да и остальных уговаривать не пришлось, слишком уж велика была обещанная Алексеем награда.

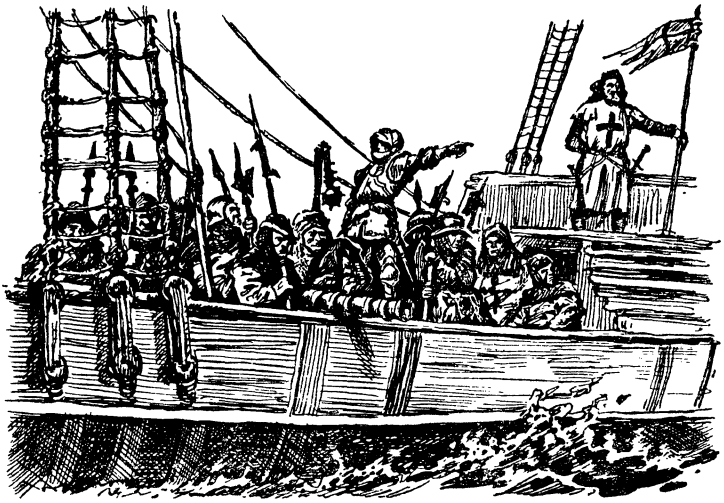
Но как отважиться на такое изменение маршрута без соизволения папы? Алексей отправился в Рим, припал к стопам святейшего и пообещал неслыханное: если власть в Византии перейдет к нему, Алексею, то он сделает

все, чтобы вернуть отколовшуюся византийскую церковь во власть Рима. Да какой же папа не мечтал о том, чтобы подчинить греко-православную церковь римско-католической?!

Впрочем, как человек хитрый, он повел себя осторожно: с одной стороны, он как бы предостерегал крестоносцев от нападения на Константинополь, с другой — настойчиво указывал им, что греки сильно виноваты перед Богом и римской церковью. Еретики!

Крестоносцы поняли его правильно, и через несколько месяцев венецианский флот Генриха Дандоло с объединенной западноевропейской армией на борту вошел в константинопольскую бухту.

Было два штурма Константинополя. После первого, прихватив несколько центнеров



Крестоносцы в Константинополе

золота, бежал бездарный узурпатор Алексей III. На престол был вновь возведен слепой Исаак и коронован его сын Алексей. Крестоносцы остались у города, ожидая выплаты обещанной царской награды. Однако Алексею легко было давать обещания, но выполнять тяжело — казна-то оказалась пуста. Раздражение крестоносцев росло с каждым днем. Да и греки отнеслись к непрошеным спасителям без особенной благодарности.

В конце концов, в Константинополе победила партия, восставшая против каких-либо уступок рыцарям. Свершился переворот. Слепого Исаака вновь отстранили от власти. Второй раз он этого не пережил и скончался. А юного Алексея, который и заварил всю эту кашу с крестоносцами, задушили. Императором был провозглашен Дука Мурзуфл, что значит Дука Насупленный. Впрочем, это уже не важно, потому что терпение крестоносцев лопнуло, и они во второй раз осадили Константинополь.

На этот раз греки защищались отчаянно. Несколько дней рыцари безуспешно и с большими потерями атаковали город. Однако 13 апреля 1204 года Константинополь пал.

Три дня в городе стоял и вопль и стон. Смертельная ненависть, которую Запад испытывал к Восточной империи, проявилась в полную силу. «Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди», — с горечью написал очевидец.

Тысячи людей были убиты. Не щадили никого — ни детей, ни женщин. Греки пытались найти убежище в церквях, но и там их настигали «единоверцы». Прежде чем зарубить, заставляли раздеться догола — вдруг под одеждой припрятаны драгоценности! Ничто не укрылось от воровских рук, вскрыты были даже гробницы византийских императоров!

Не пощадили они и главной константинопольской святыни — собора Святой Софии.

Крестоносцы в соборе Святой Софии

Все было разрушено и осквернено — старинные иконы, драгоценные реликвии, предметы церковной утвари необычайной редкости и красоты. Войдя в раж, «христовы воины» даже ввели в храм лошадей, чтобы было сподручней навьючивать на них драгоценную ношу...

Крестоносцы сжигают рукописи

Участник того похода некто маршал Шампанский потом с восторгом напишет: «Константинопольский грабеж несравним ни с чем подобным, когда-либо совершавшимся на земле от сотворения мира».

То, что оказалось недоступно огню, уничтожалось в бешеной и бессмысленной жажде разрушения. Сокровища искусства, которые за тысячелетие накопились в этом несравненном городе, пылали в огне пожаров. Древние рукописи богатейших библиотек летели в костры...

Так пала гордая империя, которая тысячу лет охраняла Европу от вторжения азиатских народов, а над ее развалинами вознеслось крестоносное знамя славного рыцарства.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГАЛЕРЕЯ

«Бейте их всех, Господь узнает своих!»,
или папа Иннокентий
не оставляет усердий
Великий инквизитор
Аутодафе
«Говорящая азбука»
Сколько стоил учебник?
Скромный гений
«Замкнутый круг» короля
Папы в плену!
Партия с гроссмейстером
Несколько слов о самой долгой войне
«Францию спасет Дева!»
Героиня...
Еретичка, колдунья?..
Как папа недооценил одного монаха
и что из этого получилось
Как поссорились Йорки с Ланкастерами
Бедный Уорик, или «делатель королей»
Как примирились розы
Королева «с сердцем короля»

«БЕЙТЕ ИХ ВСЕХ, ГОСПОДЬ УЗНАЕТ СВОИХ!», ИЛИ ПАПА ИННОКЕНТИЙ НЕ ОСТАВЛЯЕТ УСЕРДИЙ

Что такое **ересь** и **еретики**? Если говорить коротко, ересь — это любое отклонение от истинной веры, как ее понимает сама церковь. А еретики — прежде всего изменники истинной веры, то есть люди, совершившие непростительный грех перед Богом. Но только папская церковь могла решать, какие верования и какие высказывания о Боге правильные, а какие ложные, следовательно, еретические.

На церковных Соборах вырабатывались основы (неопровержимые догмы) христианства. То, что не укладывалось в эти основы или не соответствовало им, осуждалось соборами, а религиозные деятели, отстаивавшие свое мнение, отлучались от церкви и проклинались как еретики.

Еретиков ненавидели даже сильнее, чем людей другой веры, сильнее, чем мусульман, потому что еретики, считая себя истинными христианами, были особенно опасными внутренними врагами церкви, они как бы подрывали ее устои и авторитет изнутри. Вот почему многие века в Западной Европе пылали костры **инквизиции** — организации, созданной для борьбы с тайными врагами католицизма. Само слово «инквизиция» означает «розыск, сыск». Сейчас бы мы это назвали тайной полицией.

Однако инквизиция, пожалуй, была пострашнее любой государственной тайной полиции, потому что ее сила и влияние распространялись не на одно государство, а практически на всю Европу.

Слава первого инквизитора по праву может принадлежать все тому же папе **Иннокентию III**. Хотя само понятие инквизиции определилось уже после его смерти.

Вступив на папский престол в 1198 году, Иннокентий развил кипучую деятельность по искоренению всяческих ересей. Он считал себя вершителем судеб всего христианского мира. Да так оно и было! Не случайно Иннокентий III именовал себя «царем царей — владыкой владык, священником во веки веков» и даже «наместником Иисуса Христа на земле». Именно его авторству принадлежит этот титул.

Он был инициатором похода на христианскую Византию, он благословил орден меченосцев на завоевание Ливонии, призвал крестоносцев к походу на пруссов, соседей Руси. Известно, чем закончились эти походы для меченосцев и прочих рыцарей, когда им пришлось встретиться с полками **Александра Невского** в 1242 году на льду Чудского озера.

Но все это было потом, а сейчас, только став папой, Иннокентий отдал приказ о немедленном крестовом походе против альбигойцев, тем самым положив начало массовому и систематическому истреблению христиан, чьи взгля-

Битва на Чудском озере

ды так или иначе расходились со взглядами официальной католической церкви. Потому-то его и считают основателем инквизиции.

Кто такие **альбигойцы** и чем же они так не понравились папе? Учение альбигойцев получило название от города Альби, что находится на юге Франции. Альбигойцы считали, что все зло на земле происходит от дьявола, да и весь земной мир — есть не Божие творение, а порождение дьявола. Они утверждали, что человек должен порвать с греховным миром, лишь тогда он спасет бессмертную душу, дарованную ему Богом.

В сущности, ничего вредного они не делали, лишь молились о спасении своих душ, а наиболее ярые из них даже приближали свою

смерть усиленным постом, так как верили, что лишь после смерти попадут из земного царства дьявола в настоящее Божие царство. Вот на борьбу с этими вероотступниками и призвал Иннокентий крестоносцев. Чтобы возбудить их религиозный пыл, он посулил не только отпущение грехов, но и освобождение от уплаты процентов по долгам!

И вот под руководством **Симона де Монфора** собралась целая армия всевозможных авантюристов, охочих до крови и чужого добра.

За своих подданных вступился правитель провинции Лангедок Тулузский **граф Раймонд**. Отлученный Иннокентием от церкви, Раймонд не решился на войну с Монфором. Он без боя сдал ему семь важнейших крепостей, проявив полнейшее послушание, и впредь обещал выполнять все требования папы, лишь бы тот проявил милость к заблудшим, но безвинным альбигойцам. Для начала Монфор устроил публичную порку самому графу. В городе Сен-Жиль его заставили при большом стечении народа предстать обнаженным по пояс перед папским легатом, который встретил его в окружении епископов. Затем легат надел на шею Раймонду петлю и ввел его в местный собор, в то время как епископы стегали его розгами по спине и плечам. А затем началось избиение простых людей.

Сея по дороге смерть, не встречая сопротивления (альбигойцам было запрещено убивать), папские воины захватывали один город

Публичное наказание

за другим. В городе Безье они вырезали всех жителей — 60 тысяч человек!

Когда крестоносцы спрашивали папского легата, как отличить еретика от правоверного католика, тот отвечал: «Бейте их всех, Господь узнает своих!»

Казнили даже тех, кто готов был раскаяться. Симон де Монфор сказал по этому поводу так: «Если его раскаяние лживо, это ему послужит наказанием за обман, а если говорит правду, то он искупит этой казнью свой прежний грех».

Двадцать лет продолжалась кровопролитная бойня на юге Франции, города и селения превратились в руины и пепелища, более миллиона мирных жителей, повинных лишь в

том, что иначе представляли себе Царство Божие на земле, были убиты.

Так началась кровавая эра костров инквизиции.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Общепризнанной датой зарождения инквизиции является 1229 год, когда церковные иерархи объявили о создании **трибунала** — высшего органа инквизиции, предназначенного для сыска, суда и наказания еретиков. Теперь инквизиция вполне законно раскинула свои сети по всей Европе. Но наибольшей жестокостью прославилась испанская инквизиция.

В Испании, от страха онемелой,
Царили Фердинанд и Изабелла,
Но властвовал железною рукой
Великий инквизитор над страной...
Он был жесток, как повелитель ада,
Великий инквизитор Торквемада...

Г. Лонгфелло.

Если Иннокентий III был идейным вдохновителем борьбы с еретиками, то подлинным творцом системы уничтожения еретиков и инакомыслящих стал **Томмазо Торквемада** (1420–1498 гг.)

В школьные годы это был послушный и тихий мальчик. Затем, став монахом ордена доминиканцев, Томмазо отличался безупречным поведением, уважением к традициям ордена и монашескому уставу.

Орден доминиканцев был учрежден в 1216 году неким Доменико де Гусманом, безжалостным религиозным фанатиком. Спустя тринадцать лет после смерти за кровавые подвиги на поприще борьбы с еретиками Доменик был возведен в ранг святых, а его имя присвоили созданному им ордену. В переводе с латыни имя Доменик созвучно выражению «господня собака». Поэтому эмблемой ордена стал пес с пылающим факелом в зубах. А сами братья-доминиканцы стали называть себя «псами господними». Было среди тех «псов» много вкусивших человеческой крови, но самым «кусачим» из всех оказался Томмазо Торквемада. Впрочем, начинал он исподтишка. Будучи настоятелем монастыря, отличался такой строгой набожностью, что слух о нем дошел до испанской королевы, пожелавшей стать его духовной дочерью. Так он появился при испанском дворе, где вскоре стал не только духовным наставником, но и главным советником королевы **Изабеллы** (1451–1504 гг.).

Благодаря Изабелле Томмазо Торквемада был назначен на должность генерального инквизитора Испании. И вот здесь «гений зла» проявил себя в полную меру! Разумеется, и до него трибуналы инквизиции не сидели сложа руки, и до него полыхали костры, а в застенках монастырей допрашивали еретиков, изуверскими пытками выбивая признания. Но лишь с приходом Торквемады испанская инквизиция достигла «высшей» степени

Сожжение на костре

развития, став общеевропейским «эталоном жестокости».

В то время главными жертвами испанской инквизиции были так называемые «новые

христиане» — **марраны и мориски.** Марраны — это евреи, отказавшиеся от иудейства, а мориски — мавры, согласившиеся с тем, что Мухаммед «лжепророк». Вот на них-то в первую очередь и устроили охоту «псы-инквизиторы». Предательство стало главной добродетелью в Испании. Фискалы-доносчики выискивали, на кого бы донести. Один испанец попал на костер по доносу проигравшего ему в карты партнера. Тот сообщил, что во время игры он сказал: «Все, голубчик, даже если Бог будет тебе помогать, ты все равно проиграешь...» Оказывается, при помощи инквизиции можно было выиграть самую безнадежную партию.

Но особенно поощряла инквизиция доносы на самых ближайших родственников!

А морискам и марранам было и того хуже — любого из них и без доноса можно было обвинить, что он, мол, «неискренний христианин»! А как доказать искренность или неискренность веры?

Вот Торквемада и задался целью создать такую систему, которая выворачивала бы наизнанку душу! Система была проста: пытать до тех пор, пока человек не сознается, что собирался убить папу римского! Под пытками люди признавались в совершении чудовищных преступлений...

Можно долго перечислять зверские пытки, придуманные изобретателями-садистами. Но достаточно напомнить про «испанский сапожок», пытку на колесе и каленым железом...

Пытки инквизиции

Сам Торквемада, видевший основную цель своей жизни в истреблении вероотступников, отличался дьявольской жестокостью и коварством. Перед ним трепетали не только жерт-

вы, но и его сторонники. Он мог заподозрить в ереси любого! А уж выбить признание в какомнибудь тайном умысле было, что называется, «делом техники».

Необузданное честолюбие, жажда славы, стремление к неограниченной власти, — вот что вело по жизни «тихого мальчика» Томмазо Торквемаду. И конечно, необъяснимая, патологическая жестокость! И неизменный страх. Когда он передвигался по стране, его сопровождали 50 всадников и 200 отборных пехотинцев, а на его рабочем столе всегда под рукой был носорожий рог — тогда верили, что с его помощью можно обнаружить яд. Так он и жил, убивая других и трясясь за собственную жизнь...

«Безупречный во всех отношениях» «великий инквизитор» Томмазо Торквемада имел одну «слабость»: более всего ему нравилось смотреть, как в огненном пламени сгорают заживо люди.

АУТОДАФЕ

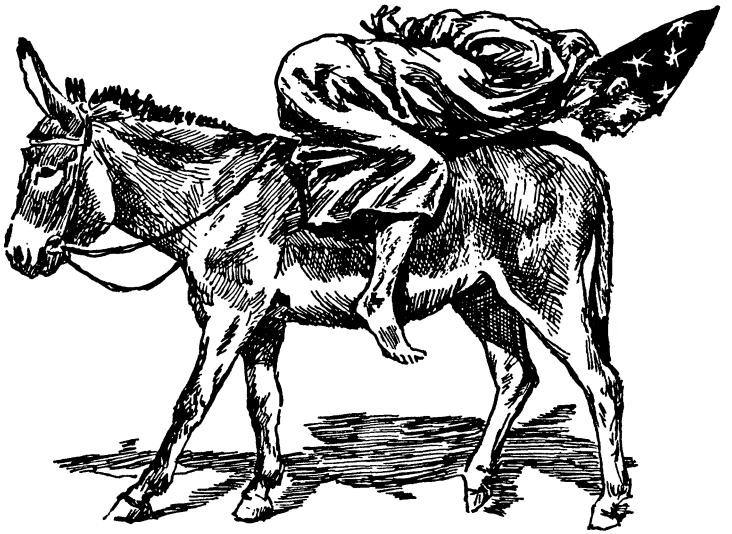
О том, как совершалась казнь еретика, сохранилось немало свидетельств современников. Ритуал **аутодафе** был строг и одновременно пышен и театрален. Аутодафе — одновременно религиозная церемония, и казнь, и зрелище. Обычно аутодафе приурочивалось к церковным праздникам или восхождению на престол нового монарха...

Так, в 1680 году состоялось аутодафе в честь женитьбы Карла II на французской принцессе Марии-Луизе Бурбон. Чтобы угодить новой королеве, в день бракосочетания было устроено грандиозное аутодафе ста восемнадцати еретиков, «значительное число коих должно было погибнуть в огне и осветить последние моменты этих торжеств».

Аутодафе устраивалось несколько раз в году по праздникам. Подготовка начиналась за месяц. Священники приглашали участвовать в нем всех верующих и даже обещали за то отпущение грехов. Уклонение от такого приглашения могло навлечь подозрение в ереси или же в жалости к обвиняемому, что было одинаково преступно. Обязательным было присутствие на «празднике» женщин и детей. Вероятно, в воспитательных целях...

Накануне «торжеств» город украшали гирляндами цветов. На главной площади строился помост с ложами для короля или местного правителя и почетных гостей. Возле помоста устраивались общественные уборные, так как зачастую «церемония» длилась с утра до позднего вечера.

С зарей тюрьма уже гудела, как потревоженный улей. Заключенных стригли, одевали в чистое, напоследок обильно кормили, а иногда для храбрости даже давали стакан вина. Затем, накинув петлю на шею, вкладывали в связанные руки зеленые свечи (зеленый — цвет инквизиции) и выводили на улицу. Некоторых



еретиков сажали задом наперед на ослов, некоторым затыкали рот кляпом, чтобы они не совратили кого-нибудь своей ересью по дороге.

Процессия медленно шла по улицам города под пение псалмов. Тем временем на главной площади собирались почетные гости и обыватели. Любопытных поглазеть на чужие мучения всегда оказывалось более чем достаточно!

По прибытии на место казни еретиков усаживали на специальные «скамьи позора». Затем главный инквизитор читал устрашающе-грозную проповедь, и начиналось оглашение приговоров. Их бывало так много, что на оглашение уходило несколько часов. Так как приговор чаще всего предусматривал «смертельную кару», то и само слово «аутодафе» стало ассоциироваться с сожжением на костре.

После того как зачитывались все приговоры, начинался «праздник»! Отрекшихся от заблуждений наказывали штрафами, других приговаривали к «опозоренью», надевали на них нелепые одежды и колпаки, третьих били плетьми, — но то были «счастливцы»! А вот особо «злостных» и «непримиримых» еретиков стражники волокли на «жаровню».

«Жаровня» располагалась неподалеку. Это был эшафот со столбом в центре, возле которого заранее были приготовлены дрова и хворост. По дороге к эшафоту монахи продолжали увещевать обреченных, призывая раскаяться. Но и те, и другие знали, что приговор обжалованию не подлежит.

На таких ритуальных кострах сжигали не только живых людей, но и покойников, чья вина перед церковью обнаруживалась уже после их смерти. Не гнушались даже выкапывать трупы из могил! Еще на кострах сжигали чучела, олицетворявшие людей, которых инквизиция хотела бы сжечь живьем, но пока не могла поймать.

Впрочем, укрыться от инквизиции было почти невозможно. Если «псы» брали след «лисицы» — так еще называли еретиков, — то когда-нибудь непременно ее настигали...

«Праздник» заканчивался глубокой ночью, а иногда и под утро следующего дня. Утомленные горожане расходились по домам, уверенные, что они-то, «правоверные католики», никогда не попадут в огонь инквизиции.

На счету «гения зла» Томмазо Торквемады более десяти тысяч сожженных живьем. А еще замученные пытками, изгнанные из страны, сожженные «заочно»...

Нужно сказать, что не только вопрос веры заботил «нищенствующих» монахов. Дело в том, что имущество казненных еретиков отходило в пользу папской и королевской казны. За счет конфискованных средств кормилась бесчисленная армия доносчиков, провокаторов, «заплечных дел мастеров», словом, всех «псов» и «шакалов» священного трибунала. Говорят, от ограбления одних «новых христиан» королева Изабелла выручила баснословную по тем временам сумму в 10 миллионов золотых дукатов! Так что чем богаче был человек, тем ближе был его путь к костру. Отлаженная дьявольская машина сыска и уничтожения Томмазо Торквемады и после его смерти

продолжала исправно работать почти три с половиной столетия! Последнее аутодафе состоялась в Валенсии в 1826 году!

Более семи веков горели в Европе костры мракобесов!..

«ГОВОРЯЩАЯ АЗБУКА»

Знаменитые братья **Кирилл** и **Мефодий**, которых иногда называют «солунскими братьями», родились в византийском городе Фессалоники (на территории современной Греции) в первой половине IX века. Кирилл до пострижения в монахи в 865 году носил имя Константина. «Солунские братья» происходили из семьи знатного военного, помощника наместника провинции. С раннего детства они одинаково хорошо владели как греческим языком, так и славянским. Да иначе и быть не могло, потому что основное население Византийской империи составляли славяне и греки.

Оба брата получили превосходное образование. Но особенную тягу к знаниям проявил Кирилл. Слухи о его необыкновенных способностях дошли до самого императора, который и призвал его учиться в столицу. Прибыв в Константинополь, он стал изучать различные науки у выдающихся ученых того времени — Льва Математика и Фотия, ставшего потом патриархом. Вскоре он достиг такого совершенства в знаниях, что его начали называть Философом.

Кирилл и Мефодий

А в искусстве вести публичные диспуты ему вообще не было равных. Именно потому Кирилла часто привлекали к дипломатической

деятельности. Научные достижения старшего брата Мефодия были скромнее, но зато в молодости он сделал блестящую карьеру, дослужившись до высокого чина. Затем, осознав суету мирской жизни, ушел в монастырь. В этот же монастырь на горе Олимп пришел и его младший брат. Вероятно, тогда братья и задумались над созданием славянской азбуки.

Дело в том, что в IX веке среди славян стало стремительно распространяться христианство, пришедшее из Византии. Восточная империя всегда была заинтересована в приобретении новых духовных союзников. Кирилл и Мефодий решили перевести на славянский язык важнейшие церковные книги, без которых невозможно было совершать богослужения на родном языке славян. А потом, вероятно, подумали братья: если славяне имеют свой особый язык, так негоже им не иметь и своей письменности.

И закипела работа! Сначала братья выделили из живой славянской речи все звуки. Затем попытались найти для каждого звука букву. Это сейчас для нас просто: буквица «Б» — она и есть буквица «Б» и соответствует именно тому звуку, который мы произносим. Но придумали-то эту букву «солунские братья». Например, звук «А» обозначался крестом.

Часть букв они заимствовали из греческого алфавита, придав им несколько иную, замысловатую форму. Где же им было взять буквы для тех звуков славянской речи, которые не

Глаголица

имели буквенного обозначения ни в латинском, ни в греческом алфавите? Попытайтесь сейчас, просто для интереса назвать звуки, которых нет в иных алфавитах...

Сколько у вас получилось? Все правильно — много! Ж, З, Ц, Ч, Ш, Щ, Ю, Я, а еще ведь есть и твердый знак, и мягкие окончания...

Первая славянская азбука была названа главным ее создателем Кириллом **глаголицей**, — от слова «глаголить», то есть «говорить». Создавая глаголицу, Кирилл даже усложнил задачу: он хотел сделать все славянские буквы совершенно непохожими на другие. Позже Мефодий и его ученики упростили «говорящую азбуку», назвав ее в честь основателя славянской письменности **кириллицей**.

Кирилл и Мефодий первыми перевели на славянский язык Библию, записав перевод славянским письмом.

Глаголица наряду с кириллицей применялись почти до XVIII века. Да и потом использовалась, правда, уже в качестве тайнописи. Представляете, как она была сложна! Если вдруг вы захотите создать шифр, обратитесь к глаголице!

Сначала славянская азбука получила распространение в Велико-Моравском княжестве (на территории нынешней Чехии). Моравский князь попросил императора Византии прислать ему проповедников христианства. Выбор императора пал на «солунских братьев». Осенью 863 года Кирилл и Мефодий с группой учеников отправились в Моравию. Здесь они основали школу славянской письменности. Их миссия проходила успешно. Но через четыре года бра-

тья со своими учениками перебрались в Константинополь, чтобы посвятить их в духовный сан. По дороге они также проповедовали и, где возможно, оставляли духовные ростки славянской грамоты. Число их учеников росло.

Когда братья добрались до Константинополя, с патриаршего престола был свергнут мудрый Фотий, покровительствовавший их деятельности. И тут из Рима пришло приглашение от папы, чрезвычайно заинтересованного в усилении своего влияния в славянских землях.

В Риме Константин тяжело заболел и, приняв монашеский сан под именем Кирилла, в возрасте сорока двух лет умер в феврале 869 года.

Мефодий стал архиепископом Велико-Моравского и Паннонского княжеств. Уже в ранге архиепископа он прибыл в Моравию, где встретил яростное сопротивление немецкого духовенства, которое добивалось запрета богослужения на славянском языке. Папа не дал Мефодию поддержки и защиты. По пути в свою резиденцию Мефодий был схвачен и два с половиной года провел как узник в монастыре.

Он умер в 885 году, оставив сотни учеников, которые, несмотря на гонения, понесли свет письменности во все славянские страны. И через века донесли этот свет до нас. Ведь и сегодня мы пишем, пользуясь той же кириллицей. Правда, иные буквы выглядят несколько иначе, некоторые вовсе исчезли из алфавита. Но все же кириллица сохранила главное — живой дух великого языка.

СКОЛЬКО СТОИЛ УЧЕБНИК?

В период средневековья подавляющее большинство людей не умели ни читать, ни писать, а книги, которых насчитывались единицы, были рукописными. Но по мере развития общества, христианской и светской культуры грамотность приобретала все большее значение, следовательно, росла потребность в размножении текстов.

В средние века рукописи создавались в монастырях и хранились в монастырских библиотеках. Нам трудно вообразить, сколько усилий прилагали монахи для создания одной рукописной книги! Одни наносили на листы линии строк, другие выводили аккуратнейшим почерком букву за буквой, стараясь не ошибиться. И все равно ошибались! Художни-

Создание рукописной книги

Китайцы первыми научились делать оттиски с деревянных досок

ки оформляли рукописи орнаментом, изящными миниатюрами. Обтянутые кожей деревянные переплеты украшали драгоценными камнями... Стоили такие книги дорого, так что купить их мог лишь очень состоятельный человек.

В Испании однажды монастырские переписчики получили за Библию 200 овец! Стоимость школьного учебника равнялась стоимости двух телят или одной взрослой коровы!

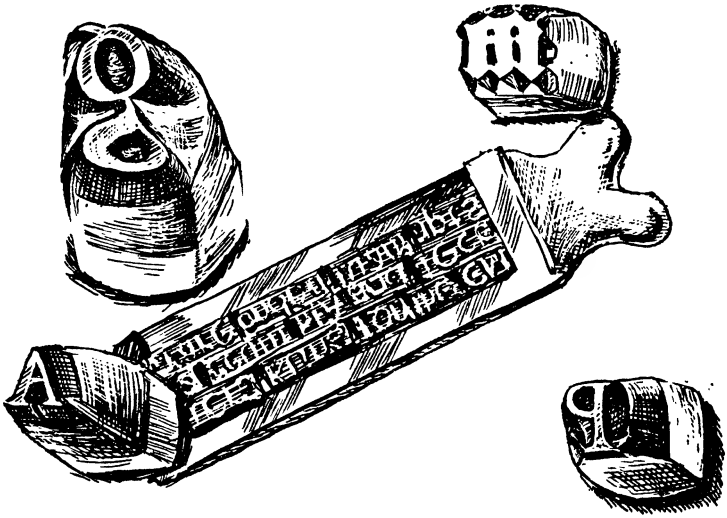
Люди пытались упростить процесс создания книг. Китайцы первыми научились делать оттиски с деревянных досок, на которых были вырезаны выпуклые крупные буквы, арабы довели этот способ до совершенства...

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ

Многие столетия разные люди думали о том, как сохранить слово, как донести его до других... Размышлял об этом и **Иоганн Гутенберг** (1400–1468 гг.). Поскольку именно ему пришла в голову гениальная идея сделать шрифт из отдельных отлитых металлических литер (букв). Это изобретение (наборный шрифт из литер, с которого можно было делать сколь угодно оттисков) на века определило принцип книгопечатания. Поэтому биография Иоганна Гутенберга заслуживает нашего внимания.

Иоганн Гутенберг родился в Германии, в городе Майнце. Юношей он перебрался в Страсбург. Здесь получил профессию ювелира-гравера, — ремесло чрезвычайно кропотливое, требующее фантазии и упорства. Конкуренция в богатом Страсбурге среди ювелиров была велика, и тогда Иоганн понял: драгоценные безделушки нужны лишь богатым, а книги — всем! Эта идея настолько увлекла мастера, что он забыл и о деньгах, и о славе.

Пробы, поиски, неудачи... Можно было впасть в отчаяние! Но Гутенберг верил в успех. Наконец, в какой-то счастливый день он нашел решение: отлил **буквы-литеры** из металла, а чтобы их хватило на самую большую книгу, создал **матрицу** для отливки литер. Так в форме отливают сахарные фигурки, только вместо растопленного сахара в матрицу с оттисками литер Гутенберг залил расплавленный



Буквы-литеры

свинец! В 1445 году Иоганн Гутенберг напечатал первую книгу. Этот год и считается началом эры книгопечатания.

К удивлению Гутенберга, это изобретение не принесло ему ни славы, ни денег. Более того, он вконец разорился! В чем же дело? Оставшись без средств, Гутенберг вернулся в родной Майнц, где обратился за помощью к одному из городских купцов по фамилии Фауст. Хитрый Фауст сразу оценил выгоды изобретения и обеими руками ухватился за Гутенберга. Фауст ссудил мастеру крупную сумму денег на открытие типографии. Правда, составлен был договор, по которому в случае успеха предприятия Фауст получал половину дохода, а в случае провала типография должна была перейти к купцу целиком. На то он и купец, чтобы

просчитывать ходы вперед: Фауст задумал отнять дело у простака Гутенберга и присвоить себе лавры первого книгоиздателя.

Гутенберг, ничего не подозревая, с радостью включился в работу. Создание нового дела требовало денег, и он все больше влезал в долги. Наконец, типография была создана. В 1452 году Гутенберг приступил к изданию Библии. Когда через семь лет (!) книга была отпечатана, Фауст обратился в суд с иском на неуплату долгов Гутенбергом. Все произошло так, как и было задумано: типография вместе с тиражом отпечатанной Библии отошли к предприимчивому купцу, да и авторство изобретения печатного станка именно Гутенбергом было поставлено под сомнение. Хотя, надо сказать, что в авторство Фауста никто не верил.

Типография Гутенберга

Спустя всего пятьдесят лет книги уже выпускали по всей Европе! В разных городах работало почти 2000 типографий, доходы от которых обогатили хозяев.

А вот Иоганн Гутенберг умер, как это часто бывает с гениями, в нищете.

«ЗАМКНУТЫЙ КРУГ» КОРОЛЯ

Король Франции **Филипп IV** (1285–1314 гг.) имел несколько прозвищ, чаще всего его называли Филиппом Красивым. Еще Филиппа IV когда с почтением, а когда и со страхом называли «железным королем». Он обладал твердой волей, при любых обстоятельствах оставался невозмутимым и всегда умел добиваться желаемого.

Для упрочения своей власти и расширения территории Франции, Филиппу необходимы были соседние земли. Но для того чтобы завоевать их, нужны были деньги.

Когда для войны с богатейшей Фландрией понадобились дополнительные средства, Филипп приказал чеканить обесцененную монету, уменьшив в ней объем золота, но одновременно заставив население принимать ее как полноценную. Людям это, разумеется, не понравилось. Тогда-то король и получил еще одно не слишком королевское прозвище «фальшивомонетчик». Но выиграть войну эта сомнительная денежная реформа ему не помогла...

В 1302 году войско Филиппа было разгромлено в битве при городке Куртрэ. Битва эта известна тем, что в ней впервые пешее ополчение наголову разбило рыцарскую кавалерию. Пешие фламандцы, используя длинные пики, выбивали из седел закованных в тяжелые латы рыцарей. Упав с коня, такой рыцарь становился совершенно безопасным, — ведь он не мог даже подняться-то без посторонней помощи, не то что сражаться! Свыше четырех тысяч самых знатных и знаменитых рыцарей полегли тогда под Куртрэ. Снятые после боя с убитых рыцарей шпоры были свалены на городской площади — их было семьсот пар! Потому это сражение и вошло в историю как «битва золотых шпор».

Но поражение отнюдь не обескуражило «железного короля». Через два года в новой битве французская армия взяла реванш. Но

дело не в военном реванше, а в умении Филиппа извлекать выгоду для своей страны. После этой победы он подписал с Фландрией такой хитрый договор о мире, по которому та обязалась выплатить Франции баснословную сумму в 400 тысяч ливров и снести укрепления ряда приграничных городов. Конечно, вскоре эти города как-то отошли к Франции...

Кроме того, Филипп усилил свое влияние в Бретани, а главное — присоединил к своему королевству прекрасную провинцию Шампань.

Но денег ему все равно не хватало! И тогда Филипп посягнул на священную собственность духовенства, справедливо посчитав, что не следует отдавать в Рим львиную долю церковных поборов. Можете представить, что из этого получилось!

Битва при Куртрэ

ПАПЫ В ПЛЕНУ!

В начале XIV века на папском престоле находился **Бонифаций VIII**. Узнав о том, что Филипп IV обложил французское духовенство податью, папа тут же издал буллу, в которой под угрозой отлучения от церкви запретил светским властям требовать от духовенства какие-либо денежные отчисления, а духовенству платить их без особого на то разрешения папы. Французские прелаты (высшие должностные лица церкви) не могли ослушаться папу. Тогда Филипп обвинил духовенство в том, что оно уклоняется от помощи своему народу, в сложный для страны момент, когда она испытывает тяжелейшие трудности. Это был серьезный довод! Французские священники оказались между папским молотом и королевской наковальней.

Филипп понимал, с какой могущественной силой он вступил в спор. Для всей Западной Европы римский папа был олицетворением высшей духовной власти. И тогда король решил опереться на народ. В 1302 году впервые во французской истории был созван общенациональный парламент, так называемые Генеральные штаты. Это было законосовещательное собрание представителей трех сословий: духовенства, дворянства и горожан. На первом собрании депутатов, съехавшихся в Париж со всей страны, король обратился к ним с речью. Филипп «просил как друг и требовал

как господин» помощи у народа в его борьбе против притязаний Рима...

И народ поддержал его! «Умрем за дело короля!» — провозгласило собрание. Даже духовенство сочло за благо хоть и осторожно, но поддержать Филиппа в его споре с римским начальником. Решение это чрезвычайно важно: народ Франции почувствовал себя сплоченным, действительно единым народом в едином государстве, у которого могут быть свои интересы, отдельные от римской власти. Вековая борьба между папами и монархами подходила к концу, и итог этой борьбы складывался не в пользу папского Рима.

Однако мог ли Бонифаций смириться с таким решением? В том же 1302 году папа созвал Собор для осуждения французского короля. Он заявил, что «римский первосвященник, наместник всемогущего Бога на земле, повелевает королям и королевствам и проявляет первенство надо всеми людьми». Там же была оглашена очередная папская булла, в которой было объявлено, что лишь полное подчинение папе во всех делах, как духовных, так и светских, является условием спасения души! Папа открыто предупредил Филиппа, что готов низложить его как короля, если он не смирится. Но угроза на «железного» Филиппа никак не подействовала. И тогда, спустя год, Бонифаций VIII пошел на крайний шаг — он отлучил Филиппа от церкви, а его подданных освободил от присяги!

В ответ Филипп созвал новое народное собрание, на котором канцлер французского королевства Гийом Ногаре обвинил самого папу в ереси и всевозможных злодействах!

Война была объявлена!

Во главе небольшого отряда Гийом Ногаре отправился в Италию. Бонифаций бежал из Рима и укрылся в городе Ананьи. Однако 7 сентября 1303 года отряд Ногаре вступил в этот небольшой городок и при поддержке местных жителей взял замок, в котором укрылся папа. Восьмидесятилетний Бонифаций проявил немалое мужество. На требование отказаться от сана он гордо ответил: «Я не откажусь — вот моя голова. Меня предали, как и Иисуса Христа. Если я должен умереть — то умру, но умру папой...»

Тогда Ногаре ударил папу по лицу железной перчаткой! Это было неслыханное оскорбление! Продержав упорного старца в замке в течение трех суток, французы были вынуждены отпустить его в Рим. Однако Бонифаций VIII не перенес пережитых потрясений. Он сошел с ума и вскоре умер от голода — боясь, что его отравят, Бонифаций наотрез отказался есть.

На его место заступил Бенедикт XI, но и он спустя десять месяцев внезапно скончался. Тогда сочли, что его отравили по приказу «железного короля». Эта смерть действительно была на руку Филиппу, но его причастность к отравлению так и не была доказана. Да и неизвестно, было ли отравление...

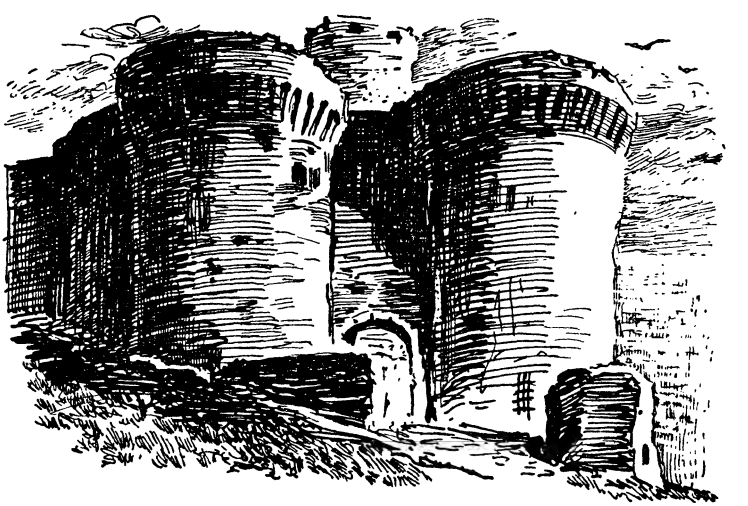
А в это время Филипп пошел еще дальше в борьбе с папским престолом: он нанес удар по священному трибуналу самой инквизиции, которой страшилась вся Европа. Правда, здесь Филипп действовал осторожно. Сначала издал указ об исследовании тюрем, об ускорении прохождения судебной процедуры, чтобы не держать в тюрьмах задержанных без вины. Потом запретил заключать под стражу тех, кого лишь подозревают в ереси, но чья вина еще не доказана...

Инквизиторы, как могли, сопротивлялись королевским указам. Борьба продолжалась не один год. Но, в конце концов, «железный король» проявил решимость: тюрьмы были открыты, многие получили свободу, и более того, — освободившиеся камеры заняли некоторые ярые члены инквизиционных судилищ! Разумеется, народ был в восторге от своего короля!

Упрочив свое положение в стране, Филипп сумел продиктовать собственную волю и Риму, где после скоропостижной смерти Бенедикта продолжалась борьба за папский престол. Не без влияния его «железной» воли коллегия кардиналов избрала на папский престол французского прелата Бертрана де Го, в папстве известного под именем Климента V.

Но и на этом Филипп не остановился. Он следовал принципу: достоинство каждого дела заключается в том, чтобы довести его до конца.

Когда мы называем главу католической церкви папой, то, даже не произнося вслух, подразумеваем, что папа — *римский*, ведь так? Так вот, чтобы еще больше ослабить папскую власть, лишить ее незыблемой и привычной опоры, Филипп настоял на том, чтобы



Папская резиденция в Авиньоне

Климент V перевел папское местопребывание из Рима в город Авиньон! И Климент V послушно покинул Рим. Почти семьдесят лет, с 1309 по 1378 год, папская резиденция находилась под боком у французских королей! Этот период так и остался в истории под названием **«авиньонское пленение пап»**.

ПАРТИЯ С ГРОССМЕЙСТЕРОМ

Об ордене **тамплиеров** вы, конечно же, знаете. Тем не менее необходимо сказать хотя бы несколько слов об истории этого самого знаменитого и самого загадочного рыцарского союза. Основан он был, как и другие рыцарские ордена (госпитальеры, тевтонцы), во время Крестовых походов в Святую землю. Официально он назывался так — «Орден бедных рыцарей Христа и Соломонова храма». Пока Иерусалимом владели христиане, главная резиденция ордена находилась на том месте, где, по преданиям, некогда был расположен храм царя Соломона (храм по-французски — tample), отсюда и название — тамплиеры. Символ ордена — белый плащ с красным восьмиконечным крестом.

Это был грозный орден, окутанный непроницаемой завесой тайны и спаянный жесточайшей дисциплиной. Во главе ордена стоял гроссмейстер (великий магистр), обладавший неограниченной властью. Его приказания

Тамплиеры

считались повелениями Бога. А над гроссмейстером, кажется, не властен был никто, даже сам папа римский, не говоря уж о мирских владыках. Достаточно сказать, что, когда возмущенный наглым поведением храмовников английский король Генрих III в 1252 году пригрозил конфисковать их имения, гроссмейстер ответил ему высокомерно и четко: «Пока

Вы творите справедливость, Вы будете править. Если же Вы нарушите наши права, то вряд ли останетесь королем». И это были не пустые слова! На самом деле орден тамплиеров был могущественнейшей организацией Средневековья!

И вот, **Филипп Красивый** решил померяться силой с самим гроссмейстером ордена! «Железный король» всегда выбирал только сильных противников! Но, конечно, не только честолюбие двигало королем, а все та же извечная королевская нужда в деньгах.

Дело в том, что храмовники, хотя и называли себя «орденом бедных рыцарей», были необыкновенно богаты! Земельные владения ордена раскинулись от Англии до Португалии. Только во Франции орден имел девять тысяч замков, ему принадлежал остров Кипр! Да что говорить, тамплиеры были мировыми банкирами, тысячи людей были их должниками, даже король Филипп задолжал им огромную сумму, отдавать которую ему, разумеется, не хотелось. Словом, Филипп IV, вдохновившись новой грандиозной идеей, одним ударом решил избавиться и от долгов, и от влиятельных рыцарей Храма, которые начали активно вмешиваться в государственные дела Европы. По Франции поползли зловещие слухи, будто храмовники — злостные еретики, что они погрязли в разврате и бесовстве... Рассказывали о случае, когда сорванную с распятия фигуру Христа тамплиеры использовали в качестве

Замок Бодиэм в Англии XIV в.

мишени для стрельбы из лука. Говорили, что они считают Христа лжепророком. Утверждали, что во время посвящения в члены ордена

новообращенных рыцарей заставляют плевать на распятие... Для разного рода слухов всегда есть основания, а в случае с тамплиерами их действительно было предостаточно.

Прежде чем нанести удар, Филипп тщательно подготовил, как сказали бы сегодня, общественное мнение. А потом пришло время и для самого удара. Удар «железного короля» был внезапным и сокрушительным!

В один день, 13 сентября 1307 года, на территории Франции были схвачены практически все члены ордена во главе с его гроссмейстером Жаком де Моле (1244–1314 гг.). Говорят, что лишь восемь рыцарей-храмовников избежали ареста, и то лишь потому, что покончили жизнь самоубийством. Руководил операцией все тот же мессир Ногаре.

Процесс по делу ордена тамплиеров растянулся на несколько лет и, пожалуй, стал самым громким и скандальным судебным процессом Средневековья. Под пытками (а пытали их жутко!) тамплиеры сознавались во всех грехах, но во время публичного суда отреклись от признаний. Их все равно приговаривали к казни и сжигали. Лишь через семь лет дошла очередь до гроссмейстера де Моле. Он был сожжен на медленном огне в Париже в 1314 году. Могущество тамплиеров рухнуло, великое достояние ордена перекочевало в казну короля. Кажется, партия была выиграна, но...

Существует предание, что великий гроссмейстер проклял короля Филиппа, Гийома

Казнь де Моле

Ногаре, его «правую руку», и папу Климента V. «Не пройдет и года, — якобы воскликнул он, всходя на костер, — как я призову вас на Божий суд!»

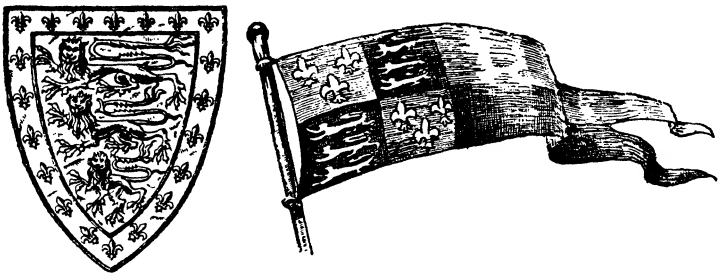
И действительно, Климент V умер ровно через сорок дней после сожжения де Моле, спустя еще несколько месяцев в возрасте сорока шести лет при странных обстоятельствах скончался сам король Филипп IV Красивый, а следом за ним, при не менее странных обстоятельствах, не стало и мессира Ногаре... В течение последующих четырнадцати лет умерли также сыновья Филиппа, поочередно занимавшие французский престол. Никто из них не оставил наследников, так что с их смертью прервалась и королевская династия Капетингов.

Так что остается вопрос: выиграл ли эту партию «железный король»?

А что касается тамплиеров... Вспомните, над каравеллами Христофора Колумба развевалось белое полотнище с красным восьмиконечным крестом...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САМОЙ ДОЛГОЙ ВОЙНЕ

После смерти последних Капетингов корона досталась **Филиппу VI Длинному** (1328–1350 гг.), основателю новой династии **Валуа**. Однако король Англии Эдуард III (1327–1377 гг.), узнав об этом, пришел в ярость. Дело в том, что Филипп Длинный приходился Филиппу Красивому племянником, а он, Эдуард, был его внуком! Эдуард тут же изменил свой королевский герб: теперь на нем рядом с



Рядом с леопардами —
грозным символом Британии —
появились французские лилии —
символ французского королевства

леопардами — грозным символом Британии — появились французские лилии — символ французского королевства. Тем самым Эдуард заявил свои притязания на французский престол. Это было объявлением войны!

Собственно, эта война стала продолжением старинного спора между двумя коронами за обладание землями на юго-западе Франции, в Аквитании. Англичане обосновались здесь с незапамятных времен и чувствовали себя хозяевами. Да и местным феодалам, радевшим о своей независимости, куда выгоднее было считаться подданными английского короля, чем французского, хотя бы потому, что английский трон находился по ту сторону Ла-Манша. Поэтому в возникавших конфликтах они часто принимали английскую сторону. Словом, эти земли были постоянным яблоком раздора. Так что война между соседними государствами в любом случае была неизбежна.

У нас не хватит времени, чтобы описать перипетии этой упорной, кровопролитной, полной измен и коварства войны, длившейся, по крайней мере, сто шестнадцать лет (1337–1453 гг.), отметим лишь ее главные вехи.

В первом же крупном морском сражении (1340 г.) французский флот был полностью уничтожен. Англичане шутили: «Если бы рыба могла говорить, она заговорила бы по-французски, так много она съела французов».

Потом последовало сокрушительное поражение французов в битве под Кресси (1346 г.). Конные тяжеловооруженные рыцари стали отличной мишенью для английских лучников, чьи стрелы пробивали доспехи с трехсот шагов. К тому же рыцари оказались неважными воинами. Может, каждый сам по себе и был

Поражение французов в битве под Кресси (1346 г.)

отважен, как д'Артаньян, да только они еще не знали девиза мушкетеров: «Один за всех и все за одного!» В том и беда, что благородные рыцари были «каждый сам по себе». Личная слава привлекала их более общего успеха, поэтому исход битвы был закономерен: под Кресси погибло 1500 французских рыцарей и лишь трое — английских!

И все же, несмотря на сокрушительные поражения на море и на суше, французы отчаянно сопротивлялись и добились краткого перемирия.

Но спустя восемь лет англичане возобновили наступление с моря на юго-запад. Гийень и Гасконь отошли под власть английской короны. Наместником покоренных провинций стал сын Эдуарда III принц **Эдуард**, прозванный за свои вороненые доспехи **Черным Принцем**. Он укрепился в городе Бордо, откуда совершал опустошительные походы в глубь Франции.

В 1356 году преемник Филиппа VI **Иоанн Добрый** (1350–1360 гг.) во главе огромной французской армии выступил против Черного Принца. Войска встретились возле города Пуатье. Преимущество было явно на стороне французов: 25 000 ополченцев и рыцарей Иоанна Доброго против шести тысяч лучников и конников Черного Принца! Казалось бы, победа предопределена! Но урок Кресси прошел для легкомысленных французов даром! Правда, теперь они атаковали англичан не конным

Битва при Пуатье

строем, а пешим, но пеший неповоротливый рыцарь стал еще более удобной мишенью для лучников. Они подпустили французов поближе, а потом ударили разом из своих смертоносных луков! А затем на них обрушилась хорошо слаженная конница. Началась паника, за паникой — бегство! Уже понимая, что битва проиграна, король устремился вперед, чтобы с честью погибнуть в бою. В ярости он один уложил десятерых англичан, но «один в поле не воин», даже если король. Иоанн был ранен, окружен и взят в плен...

Это поражение стало закатом французского рыцарства.

В 1360 году был заключен договор, по которому треть страны оказалась в руках англичан. Мирная передышка позволила сыну

Иоанна **Карлу V Мудрому** (1364–1380 гг.) преобразовать армию. И это дало результаты: в новых сражениях англичане потерпели ряд поражений. Однако в 1380 году Карл V умер, и его сменил **Карл VI** (1380–1422 гг.), который вошел в историю как Карл Безумный.

В придачу ко всем напастям, страну стали раздирать внутренние междоусобицы, дворянство раскололось. А герцог Бургундский открыто переметнулся на сторону англичан. Ну и как следствие правления безумного короля в 1415 году близ города Кале французы вновь потерпели сокрушительное поражение.

Английский король **Генрих V** (1413–1422 гг.) заставил Францию подписать позорнейший договор. По этому договору страна теряла свою независимость и становилась частью Англо-французского королевства! Более того, по этому договору Карл VI — король французский — в обход законного наследника, то есть своего родного сына, завещал корону английскому королю!

Правда, и здесь не обошлось без предательства: на это последнее безумство Карла подвигла его жена Изабелла Баварская, взявшая сторону англичан... Так или иначе, но Генрих V торжественно вступил в Париж! В Париже оказалось сразу два короля — один Безумный, другой английский. Столица Франции стала «вторым Лондоном»!

В 1422 году оба короля неожиданно умирают. Согласно нелепому завещанию, престол пе-

решел к сыну Генриха V — **Генриху VI** (1422–1471 гг.), которому к этому моменту было всего десять месяцев от роду!..

Никогда еще Франция не испытывала такого позора и унижения. Да что унижение! Она действительно стояла на краю гибели, и, казалось, спасти ее могло только чудо...

«ФРАНЦИЮ СПАСЕТ ДЕВА!»

И чудо снизошло на измученную Францию в лице простой деревенской девушки. Когда в 1412 году в небольшой шампанской деревеньке Домреми родилась девочка **Жанна**, война длилась уже 75 лет.

Людям в то время от безысходности и отчаяния оставалось надеяться лишь на самые невероятные пророчества. Рождались и оживали древние легенды. В одной из них говорилось, что Францию погубит женщина, но спасет Дева, которая придет из дубового леса и победит лучников. Погубительница-злодейка была уже явлена — королева **Изабелла**, но кто же станет той Девой, что должна спасти Францию?

Глубоко религиозную, искреннюю, впечатлительную и умную Жанну стали посещать видения, она начала слышать «голоса». Это голос ее собственной чуткой совести говорил с ней устами Михаила Архангела, святой Екатерины и святой Маргариты. Совесть Жанны в образе трех святых объявляла ей свои приказы,

верно и четко указывала, как нужно действовать, чтобы достичь успеха. По словам самой Жанны, ей было тринадцать лет, когда она стала понимать, что ей необходимо предпринять для спасения страны и в чем должна состоять ее собственная миссия.

И вот, когда к Жанне явился Архангел Михаил и приказал идти к дофину престолонаследнику, чтобы помочь ему спасти королевство, она уверовала в свою особую судьбу и пошла ей навстречу. А было ей всего семнадцать лет!

Дофин Карл (1422–1461 гг.), сын Карла VI Безумного, не признал предательский договор отца и укрепился к югу от реки Луары. Но под самым боком у него уже хозяйничали бургундцы и англичане. В их руках был Париж, весь юг Франции, на самой Луаре они осадили последний оплот дофина город Орлеан, у стен которого и решалась судьба Франции. Надо было предпринимать какие-то меры, однако Карл «беспечно терял свое королевство». К тому же, сын безумного отца, Карл и сам был человеком слабым и нерешительным. Многие предали его, а те, кто остался рядом, пытались диктовать свою волю. Укрывшись в Шинонском замке, он безвольно ожидал развязки, какой бы трагической она для него ни была. И вот ему сообщили, что в замок прибыла некая девушка, одетая в мужское платье, которая утверждает, что спасет Францию и Карла, ее законного короля.

Карл принял эту девушку через два дня. Причем, чтобы испытать ее, он смешался с тол-

Жанна д'Арк и дофин Карл

пой придворных. Надо заметить, что внешность дофин имел совершенно не королевскую — неприметную, заурядную. Так вот, Жанна с необыкновенной проницательностью сумела за

этой маловыразительной внешностью разглядеть черты будущего королевского величия и безошибочно угадала его среди других. Подойдя к Карлу, она пала на колени и произнесла: «Здравствуйте, милый дофин! Я послана Богом, чтобы помочь Вам и Вашему королевству. Да пошлет Вам Бог долгую и счастливую жизнь!» И горячо начала убеждать Карла дать ей войско, чтобы выручить город Орлеан. Ошеломленный Карл в тот день ничего ей не ответил.

В те времена такую новоявленную спасительницу, скорее, могли принять за посланницу дьявола, чем Бога. Была создана специальная комиссия из богословов, которая должна была убедиться в чистоте ее помыслов. В течение месяца Жанну донимали вопросами. Один из членов комиссии спросил ее: «Жанна, ты говоришь, что Бог хочет освободить народ Франции. Но если таково Его желание, то Он не нуждается в солдатах». «Наоборот, солдаты будут сражаться, а Бог даст им победу!» — ответила Жанна с присущим ей неотразимым здравым смыслом.

Наконец, Жанне поверили! Сомнения Карла сменились восхищением этой необычной Девой. Для нее изготовили специальные доспехи белого цвета, из старинной часовни привезли древний меч. И вот в числе других военачальников она стала во главе войска, двинувшегося на помощь осажденному Орлеану. Теперь под ее белым знаменем, украшенным

Жанна д'Арк
во главе своего войска

королевскими лилиями, шли преданные ей люди, готовые отдать за нее жизнь.

Франция поверила в чудо: явилась долгожданная Дева, чтобы спасти страну!

ГЕРОИНЯ...

Орлеан уже потерял надежду на помощь. Двести дней продолжалась осада. Кольцо блокады сжималось все туже.

Слух о Жанне-спасительнице опередил ее появление. Вечером 29 апреля 1429 года Жанна вступила в Орлеан во главе десятитысячного войска, белое знамя развевалось над ее головой. Жители Орлеана «встречали ее так, словно к ним спустился с небес сам Господь».

Вдруг один из факельщиков случайно зажег знамя Жанны. Не сходя с коня, она ловко загасила огонь. Орлеанцы это приняли за доброе предзнаменование. Был ли этот знак добрым для Жанны?.. Впрочем, до костра в Руане было еще так далеко — целых два года!

Тщеславие признанных французских полководцев уже тогда было уязвлено растущей популярностью Жанны. Они решили без Жанны предпринять наступление на Сен-Лу, одно из английских укреплений под Орлеаном. Наступление их провалилось, и когда французы уже готовы были отступать, за их спинами неожиданно появилось белое знамя Жанны — она явилась на помощь. Сен-Лу был взят!

Следующим укреплением англичан, угрожавшим Орлеану, была крепость Турель. И вновь военное руководство пыталось обмануть Жанну, но она разгадала план военного совета, и ее войско участвовало в штурме, предопределив исход битвы. Жанна первой приставила лестницу к крепостной стене, была ранена стрелой в плечо, и все же ее белое знамя вновь взвилось над стенами Турельи. Англичане бежали, проклиная Жанну.

8 мая, всего лишь через девять дней после прибытия Жанны в Орлеан, долговременная осада была снята! В самом деле, не чудо ли?! Тысячи людей приходили отовсюду, чтобы лишь взглянуть на необыкновенную Деву, со всей страны в Орлеан стекались крестьяне, ремесленники и даже рыцари, чтобы вступить в

ее войско, солдаты рвались в бой, «как будто у них было много жизней».

18 июня в битве при Божанси французы одержали свою первую крупнейшую победу. На сей раз французская конница так стремительно атаковала, что английские лучники не успели, как обычно, встретить противника градом стрел. Теперь уже их охватила паника, и они бежали, позволив французам захватить в плен их командующего!

Но миссия Жанны еще не была завершена, — предстояло еще возвести на престол дофина. Дело в том, что дофин становился законным монархом лишь после коронации. А по древнему французскому обычаю коронация должна была совершиться в Реймском соборе. Однако Реймс находился в руках противника.

Битва при Божанси (1429 г.)

Коронация Карла VII

Можно представить, каких усилий стоило Жанне заставить вялого Карла покинуть Шинонский замок и отправиться в опасный поход. Но все же 29 июня армия двинулась на Реймс. 10 июля был освобожден город Труа, 16 июля взят Реймс. Всего за 17 дней был совершен победоносный трехсоткилометровый

марш-бросок целой армии, причем в глубь территории, занятой врагами!

И вот 17 июля 1429 года дофин торжественно короновался в Реймском соборе. Во время церемонии коронации рядом с Карлом стояла и Жанна. В руках ее было все то же белое боевое знамя.

Тогда **Карл VII**, уже король, решил наградить Жанну. Но она отказалась от награды и лишь попросила Карла освободить от налогов жителей своей родной деревни Домреми. Карл выполнил ее просьбу. Надо сказать, ни один из последующих правителей не посмел отнять у земляков Орлеанской Девы эту королевскую привилегию. Известно, что даже и в XIX веке домреминцы не платили государству ни одного су!

Миссия Жанны была выполнена: осада с Орлеана снята, государство получило законного монарха, вокруг имени которого в едином освободительном порыве сплотилась вся нация. Франция ликовала! Население повсеместно поднимало оружие против оккупантов. Надо было использовать это воодушевление и немедля идти на Париж...

ЕРЕТИЧКА, КОЛДУНЬЯ?..

Однако Карл VII после коронации вовсе потерял интерес к войне, а главное, к своей спасительнице. Завистливые придворные воздвигли

между королем и Жанной непреодолимую стену равнодушия. Вокруг нее плелись предательские заговоры.

Да и сам король ее предал. Говорят, он тайно договорился с герцогом Бургундским, что Париж останется в его руках. Не зная об этом, лишенная королевского войска и помощи, в сентябре все того же 1429 года Жанна с верными ей отрядами попыталась взять и Париж. Но попытка окончилась неудачей. Сама она вновь была ранена.

А когда в мае 1430 года Жанна попыталась снять осаду с крепости Компьен, судьба ее была предрешена. Перед предательством она оказалась бессильна.

С небольшим отрядом Жанна прорвалась в осажденную бургундцами крепость и, кажется, опять поверила в свои силы... Но после одной неудачной вылазки, когда отряд Жанны прикрывал отступление, перед последними отступавшими неожиданно поднялся крепостной мост и закрылись крепостные ворота. Разумеется, в числе тех последних была и Орлеанская Дева.

Это потрясающее событие для англичан, боявшихся одного упоминания ее имени, было равносильно захвату секретного и непобедимого оружия. После долгих переговоров с бургундцами англичане выкупили у них пленницу, заплатив 10 000 тысяч ливров, — по тем временам поистине королевский выкуп!

Ее заключили в башню замка Борепэр. Спустя несколько недель она попыталась бежать —

выпрыгнула из окна камеры, но вновь была схвачена. С тех пор ее держали в кандалах.

Процесс по делу Девы длился несколько месяцев. Два десятка судей от инквизиции пытались выбить у нее признание в ереси и колдовстве. За все это время Карл VII и пальцем не пошевелил для ее спасения... 28 мая 1431 года Жанне прочли обвинительный акт, где наряду с обвинениями в ереси, лжи и прочем вздоре ее обвиняли в том, что она носила мужскую одежду.

«Я ке совершала ничего греховного против Бога или против веры, — сказала она инквизиторам. — Я буду, если вы желаете, снова носить женское платье, но во всем остальном я останусь прежней!»

Это последнее обстоятельство и не устраивало судей. Ночью у нее тайком забрали данную

Процесс по делу Жанны д'Арк

Казнь Жанны д'Арк

ей женскую одежду и подбросили мужскую, которую она вынуждена была надеть, чтобы встать с постели.

На языке инквизиции это называлось вторичным впадением в ересь. Ей зачитали новое

обвинительное заключение, которое заканчивалось так: «Церковь с сожалением отпускает тебя, Жанна, как нераскаявшуюся еретичку и передает в руки светской власти, прося ее обойтись с тобой без пролития крови». Это означало смерть на костре.

30 мая 1431 года девятнадцатилетняя Жанна взошла на костер, устроенный на рыночной площади Руана. Когда пламя охватило Деву, люди услышали, как она воскликнула:

«Да, мои «голоса» были от Бога! Они не обманули меня!»

И еще услышали люди, как в последнее мгновение огненных мук она выдохнула: «Иисус!» «Мы сожгли святую!» — запоздало произнес кто-то в ужасе.

Смерть Жанны не помогла англичанам. В короткий срок они были изгнаны из всех занятых ими французских земель. К 1453 году в их руках осталась лишь крепость Кале на Ла-Манше. А Карл VII правил долго и счастливо...

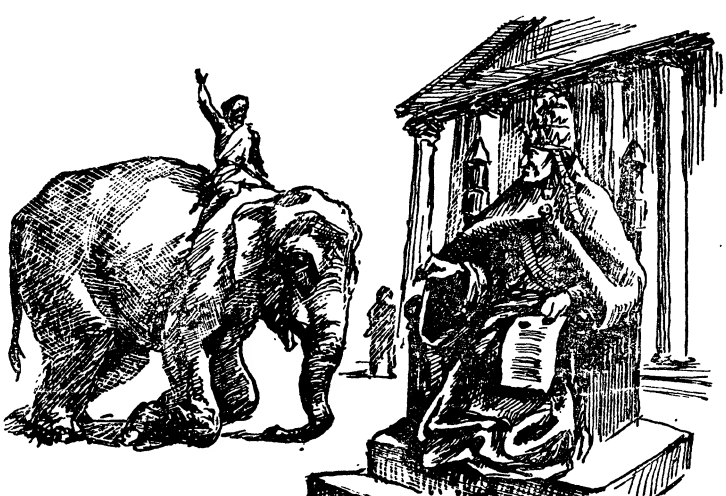
КАК ПАПА НЕДООЦЕНИЛ ОДНОГО МОНАХА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

В 1513 году папой римским был избран **Джованни Медичи**, сын **Лоренцо Великолепного**, правителя Флоренции и знаменитого покровителя искусств. Церемония его посвящения своей пышностью напоминала коронацию

императора. Заняв престол Святого Петра под именем **папы Льва X**, он так написал своему брату: «Будем наслаждаться папством, дарованным нам Господом».

И действительно, трудно представить другого служителя Господа, который бы вел столь расточительный образ жизни, чем этот папа. Про Льва X говорили так: «Он мог бы стать замечательным папой, если бы в нем была хоть малая толика понимания религии...»

На пышных пирах, которые устраивал папа, подавались павлиньи языки или пироги, из которых, к изумлению публики, выпархивали живые соловьи! Шут-карлик развлекал папу, но главным любимцем был слон, которого научили опускаться на колени перед Львом X... Решив сделать Рим центром искусств, он



Любимый слон папы Льва X

Собор Святого Петра в Риме

начал строительство величественного собора Святого Петра, и ныне возвышающегося в центре города. Среди художников, работавших над его проектом, были Рафаэль и Микеланджело.

Рафаэль (слева) и Микеланджело (справа)

Но как ни была богата папская казна, денег все равно не хватало. И тогда Лев X решил от имени самого Господа распоряжаться душами верующих. За денежный взнос кающиеся грешники получали папское свидетельство — **индульгенцию**, освобождающую их от грехов, как прошлых, так и будущих. Продажа индульгенций развернулась по всей Европе. Сотни монахов ходили по городам и селениям, призывая грешников за деньги искупать свои грехи:

«В ларце монеты зазвенят,
Из ада души улетят!»

Торговля шла бойко, и собранные средства исправно отправлялись в Рим.

Продажа индульгенций

Но 31 октября 1517 года человек в одежде монаха прибил к дверям церкви в немецком городе Виттенберге большущий лист бумаги, на котором были начертаны знаменитые 95 тезисов, направленные против индульгенций. А если брать шире, то и против папы, который от имени Господа осмелился торговать Его волей. Папа — не Бог, а следовательно не обладает той высшей властью, чтобы освобождать людей от наказания за грехи. А если брать еще шире, то эти знаменитые тезисы были направлены не только против индульгенций и конкретного папы Льва X, но и всей католической церкви, погрязшей в лицемерии и коррупции. Купленные «благодеяния», гласили тезисы, не могут спасти души грешников. Не церковь, а только искренняя вера спасительна для христианина, утверждал виттенбергский монах ордена августинцев.

Кто же был этот человек, осмелившийся бросить дерзкий вызов самому папе?

Этим человеком был богослов и профессор Виттенбергского университета **Мартин Лютер** (1483–1546 гг.).

Тезисы Лютера произвели на современников оглушительный эффект. Люди с восторгом пересказывали их содержание, по всей Германии распространялись листки с переписанными от руки текстами доктора Лютера. В одночасье сын рудокопа и безвестный монах стал самой популярной и яркой фигурой не только в Германии, но и во всей Европе.

Мартин Лютер

Когда весть об этих тезисах дошла до папы, сначала он отреагировал довольно вяло, приняв бунт за очередную монашью распрю. Однако повсеместная общественная реакция на тезисы монаха заставила папу переменить свое отношение к Лютеру и он стал настаивать на отречении монаха от своих тезисов. Лютер же отвечал яркими памфлетами, понятными каждому. Тогда Лев X обвинил его в ереси и приказал подчиниться власти Рима. Лютер вновь отказался отречься от вызова, брошенного могущественному папе. Через четыре года Лев X отлучил непокорного монаха от церкви, уверенный, что никакие призывы какого-то немецкого священника, в сущности, не могут нанести вреда католичеству. Он вско-

ре и умер все в той же уверенности, что возмущение Лютера — не более чем «бред немецкого монаха».

Год спустя в городе Вормсе был созван рейхстаг (императорское собрание), на котором были должны судить Лютера. Говорят, что Лютер поначалу стушевался на этом высоком собрании, но один из князей, сидевших в первом ряду, якобы подмигнул и подбодрил его: «Не бойся, брат Мартин, мы тебя не выдадим...»

Так это было или не так, но действительно к тому времени за плечами Лютера стояли не только его последователи из простых прихожан, но его реформаторские идеи (слово «реформация» по латыни означает «преобразование») поддерживали и многие влиятельные князья и бароны. Церковь с ее богатством, особыми правами, собственным судом давно уже не отвечала запросам верующих. К тому же иные властители просто завидовали ее могуществу и только и думали, как бы присвоить монастырские земли или иное имущество.

Лютер в Вормсе проявил недюжинное мужество: он вновь отказался отречься от своих убеждений, повторил все, что высказывал по поводу Римской церкви прежде и закончил свое выступление словами: «На том я стою. Я не могу иначе, и да поможет мне Бог».

В 1521 году отлученный от церкви Лютер приступил к переводу Библии на немецкий язык. До сих пор перевод Лютера считается в

Мартин Лютер с супругой

Германии одним из лучших! Активность Лютера в это время была необычайна, он много писал, развивая и углубляя свои идеи. Лютер восстал и против безбрачия священников. В своем трактате «О монашеских обетах» Лютер утверждал, что в Евангелии нет и намека ни на какие монашеские обеты. Лютер любил жизнь и никогда не пренебрегал ее радостями. В 1525 году он женился на бывшей монахине Екатерине де Бора.

Теперь уже Ватикан проклинал отступника со всей возможной яростью, даже покушаясь на жизнь бунтаря-проповедника. Император, пламенный католик, пытался запретить новое вероучение, подверг Лютера опале, но склонявшиеся к новой вере князья, напротив,

давали прибежище реформатору, поощряли его учение, проводили реформу богослужения в новом духе... Повсеместно в Германии возникали лютеранские приходы. Новые церкви отличались от католических подчеркнутой простотой и даже бедностью внутреннего убранства.

А в 1529 году шесть князей и четырнадцать германских городов выступили с **протестом** против преследования священника и доктора философии Мартина Лютера. Вот отсюда и произошло название отколовшегося от католицизма мощного религиозного течения — **протестантизм. Протестантами** стали называть последователей Мартина Лютера.

По сути с **протестантизма** и **Реформации церкви** в Западной Европе произошел раскол христианского мира. Чуть позднее католики и протестанты Германии, Франции, Англии сошлись друг против друга и в словесных диспутах, острых как ножи, и в вооруженных столкновениях, бесконечных, как диспуты...

КАК ПОССОРИЛИСЬ ЙОРКИ С ЛАНКАСТЕРАМИ

Понять причины того или иного события, да хоть той же войны, в общем-то, не так уж и сложно. Куда сложнее понять поступки людей, проникнуть в суть их замыслов и постичь всю глубину и сложность характеров. Только после этого можно позволить расставить некие

символические оценки их деятельности. Впрочем, оценок мы с вами ставить, конечно, не будем. Предоставим это занятие учителям...

Но как на трех страничках рассказать о войне, бушевавшей на территории Англии на протяжении тридцати лет и унесшей жизни почти четверти всего населения? Великий Шекспир посвятил этому периоду в истории своей Родины не одну пьесу, достаточно вспомнить самую знаменитую из его исторических хроник — трагедию «Ричард III»!

Однако попытаемся хотя бы в двух словах обозначить, что же произошло в Англии в XV веке, что стало причиной многолетней, кровопролитной распри.

Средние века прошли под знаком нескончаемых династических войн. За обладание королевской короной на протяжении веков самые близкие родственники резали друг другу глотки, травили, выкалывали глаза. Пожалуй, в целом мире не найдется страны, которую миновало бы несчастье династических войн, но, пожалуй, самой известной, может быть, благодаря своему романтическому названию, стала **война Алой и Белой розы.**

В 1399 году на английском престоле силой утвердилась династия **Ланкастеров**: сын герцога Джона Ланкастерского отнял корону у своего двоюродного брата Ричарда II Плантагенета и стал королем **Генрихом IV** Ланкастером. В 1413 году, так и не сумев справиться с баронскими смутами, измученный тяжелой и

Война Алой и Белой розы

неизлечимой болезнью, Генрих IV передал власть своему сыну **Генриху V**. О Генрихе V мы упоминали в связи со Столетней войной. Это именно он разбил французов в битве при Азенкуре, добился мира, по которому король Англии становился наследником французского престола. Словом, это был удачливый и талантливый король, но он умер нелепой смертью от случайной лихорадки. Его сыну было тогда всего 10 месяцев.

Генрих VI рос в атмосфере интриг и непрерывной борьбы различных родственников и

опекунов за влияние на будущего короля. Ничего удивительного в том, что Генрих VI в конце концов превратился в безвольного человека. А жена ему досталась чрезвычайно властная и энергичная. Звали ее **Маргарита Анжуйская.** Так вот, при короле Генрихе VI всеми делами страны управлял фаворит Маргариты герцог **Сомерсет.**

В это же время на престол стал претендовать герцог **Ричард Йоркский** — тоже родственник и хозяин огромных владений. В 1450 году Ричард Йорк, имевший огромное число сторонников, потребовал лишения властных полномочий герцога Сомерсета. На его изгнании настаивала поддерживающая Йорка палата общин. Один из депутатов даже внес предложение провозгласить Ричарда Йоркского наследником престола, так как детей у Генриха VI тогда еще не было. Однако король проявил необычную для него силу духа: распустил парламент, а дерзкого депутата заключил под стражу. Так началось противостояние Йорков и Ланкастеров.

В 1453 году Генрих VI повредился в рассудке. Говорят, что причиной тому был сильный испуг. Воспользовавшись болезнью короля, Ричард Йорк добился важнейшей должности протектора государства. Но вскоре Генрих VI опамятовался. Позиции герцога явно пошатнулись, однако с властью расставаться он не хотел. Тем более не хотел взойти на эшафот как государственный преступник. И тогда он

Сражение в Сент-Облансе

собрал вооруженные отряды своих приверженцев. Битва между королевскими войсками и отрядами герцога произошла на узких улочках небольшого городка Сент-Обланс в 1455 году. Исход сражения решил юный граф **Уорик**, сторонник Йорка. Со своими людьми он ударил в тыл королевским войскам, солдат охватила паника, и в полчаса решился не только исход сражения, но решилась судьба короны. Многие Ланкастеры были убиты. Погиб и ненавистный герцог Сомерсет. Сам король оказался в плену у Йорка. Родственники погибших, сторонники короля горели жаждой мести.

С этого момента соперничество двух родов превратилось в настоящую кровавую бойню. А так как в гербе Йорков была изображена белая роза, а в гербе Ланкастеров — алая, эта

тридцатилетняя бойня вошла в историю под таким красивым и даже поэтическим названием: война Алой и Белой розы.

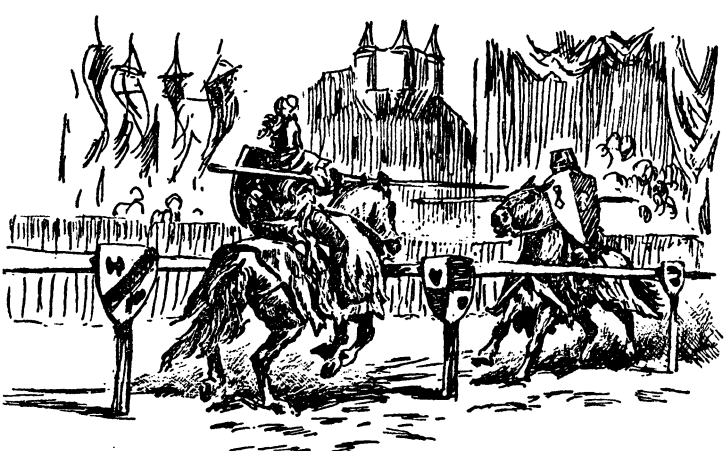
БЕДНЫЙ УОРИК, ИЛИ «ДЕЛАТЕЛЬ КОРОЛЕЙ»

После сокрушительного поражения в Сент-Облансе борьбу с Ричардом Йорком возглавила королева **Маргарита**. Спустя пять лет, в 1460 году в яростной битве ей удалось взять реванш. Ричард Йорк погиб перед воротами своего собственного замка. Вместе с ним был убит его младший сын, многие из знатных баронов... Королева расправлялась со смутьянами с неженской жестокостью, а отрубленную голову самого Ричарда, увенчав короной из позолоченной бумаги, приказала выставить над воротами города Йорка.

Однако в это время старший сын герцога Йоркского граф Эдуард Марч вместе с **Уориком** поспешили в Лондон. Их отряд был встречен лондонцами с восторгом, так как лондонцы боялись мести королевы Маргариты. Здесь Уорик (справедливо прозванный «деятелем королей») предложил лондонцам объявить графа Марча королем, и те охотно согласились. В 1461 году депутация лордов и знатных горожан попросила Марча принять корону, что тот, в свою очередь, и сделал. Правда, торжественная коронация девятнадцатилетнего

Эдуарда IV состоялась позже, когда он в новой битве наголову разбил войска ланкастерцев, а саму королеву Маргариту и короля Генриха VI выгнал в Шотландию.

Эдуард IV правил 22 года (1461 — 1483 гг.), хотя сначала страной управлял верный Уорик. Эдуарду было не до Англии — он наслаждался жизнью беспечного короля, проводя время в пирах и турнирах. Но вскоре это ему прискучило, и он начал вникать в государственные вопросы, при этом проявил себя умным и деятельным правителем. Это, разумеется, не понравилось Уорику. Сначала между королем и его верным слугой возникли разногласия по поводу отношений с Францией. Уорик настаивал на союзе с королем Людовиком XI, а Эдуард решил поддержать его противника Карла Бургундского. Спор закончился полным разрывом.



Рыцарский турнир

Уорик встал во главе мятежа против короля. В состоявшейся битве войско Эдуарда было разбито, а сам он стал пленником своего недавнего главного советника. Эдуард не скупился на обещания, чтобы вернуть себе свободу, и Уорик вскоре отпустил его. Однако, очутившись на свободе, Эдуард, по обычаю королей, тут же забыл все свои обещания, данные Уорику. Борьба между ними разгорелась с новой силой.

Коварство Эдуарда заставило Уорика сблизиться со своими давними противниками — ланкастерцами. Он даже заключил договор с королевой Маргаритой, находившейся в изгнании. Уорик решил вернуть на трон и Генриха VI.

Но сделать это было не так-то просто: Генрих окончательно сошел с ума, — было время, он бродил по дорогам Англии с нищенствующими монахами. К тому же он был заключен

Эдуардом в Тауэр. Но Уорик освободил Генриха из мрачного замка и вновь провозгласил его королем. Разумеется, при безумном короле вся власть принадлежала Уорику. Однако правил он самовластно всего полгода.

Весной 1471 года **Эдуард IV** разгромил войска графа в битве возле города Барнета. В этой битве был убит и «делатель королей», некогда верный Йоркам бедный Уорик.

КАК ПРИМИРИЛИСЬ РОЗЫ

Следом за Уориком в 1471 году умер и несчастный Генрих VI. Есть предположение, что его убили. Практически все Ланкастеры были уничтожены. У некогда могущественного королевского рода не осталось ни одного возможного претендента на английский престол. Правда, уцелел дальний родственник Ланкастеров Генрих Тюдор, граф Ричмонд, но он давно уж укрылся во Франции.

Казалось бы, можно было и прекратиться бесконечной резне, однако до финала трагедии было еще далеко.

Король Эдуард IV после смерти своих главных соперников правил еще двенадцать лет. И хотя он был еще вовсе не стар, однако к концу правления силы оставили его. Он стал вялым, болезненным человеком. А в это время в пору зрелости и расцвета входил его младший брат Ричард, герцог Глостер.

Природа обделила его яркой внешностью, от рождения он был горбат. Но Ричард постоянными физическими упражнениями добился того, что даже этот изъян стал почти незаметен. Все годы борьбы Эдуарда за власть Ричард оставался его верным слугой, он проявил себя и как талантливый политик, и как незаурядный полководец.

В 1483 году король Эдуард неожиданно умер. Наследовать ему должен был его двенадцатилетний сын, которого тоже звали Эдуардом. Королю-мальчику необходим был регент, то есть опекун, в руках которого находилась бы королевская власть. На роль регента претендовали родственники со стороны матери мальчика королевы Елизаветы. Но ни саму Елизавету, ни ее жадных родственников лондонцы не любили. И вот тогда Ричард Глостер, арестовав этих родственников, объявил малолетнему королю Эдуарду V, что не они, а он станет его опекуном. По сути это был государственный переворот.

Эдуард и его младший брат Ричард оказались в Тауэре, мрачной королевской тюрьме, там они и были убиты. А Ричард Глостер был коронован в 1483 году под именем короля **Ричарда III**. В своей трагедии «Ричард III» Шекспир нарисовал зловещий образ горбатого карлика, узурпировавшего власть. Но вряд ли стоит его судить так строго: Ричард Глостер был сыном своего времени, а время было жестоко. К тому же Ричард был воин, принимав-

В Тауэре

ший участие во многих сражениях, — на кровь он смотрел вполне равнодушно. Главным для него было достижение высшей власти, а достичь ее, не преступив нравственных заповедей, вряд ли возможно.

При этом Ричард III оказался вовсе не плохим королем. Он провел важные реформы, способствовавшие усилению государства. Да и среди простого народа он был популярен.

Однако правление Ричарда III продлилось недолго. В том же 1483 году поднялась волна новой смуты. Во Франции Генрих Тюдор объявил себя претендентом на трон и предпринял попытку вторжения в Англию. Первая попытка оказалась неудачной, и Генрих вынужден был бежать.

Ричард III бился по-королевски...

Ричард, предчувствуя, что этим дело не кончится, начал готовиться к войне. Но ему не хватило времени. Спустя два года, в 1485 году, Генрих Тюдор высадился в Уэльсе.

Две армии встретились у Босворта. Но армия Ричарда оказалась слабее. Многие бароны предали короля накануне битвы. Деморализованные этой изменой, воины покидали Ричарда, даже не вступая в бой с противником. Но Ричард III доказал своим мужеством, что он не зря носил корону: «Я умру королем», — сказал он. И бился по-королевски. Даже тогда, когда стало ясно, что гибель неминуема, он отказался спасти свою жизнь бегством. Его зарубили секирой.

А Генрих Тюдор здесь же, на поле боя, был провозглашен новым королем Англии под

именем **Генриха VI**. Так была основана новая династия Тюдоров, в королевском гербе которых соединились два цветка: белая роза Йорков и алая роза Ланкастеров.

КОРОЛЕВА «С СЕРДЦЕМ КОРОЛЯ»

В истории любой страны были властители, чье правление отмечено великими преобразованиями, способствовавшими укреплению государства. Для Англии такой правительницей стала **Елизавета I Тюдор** (1533–1603 гг.)

Елизавета была дочерью вздорного и сластолюбивого короля **Генриха VIII**. Прославился

Генрих VIII

он тем, что, когда разлюбил свою первую жену Екатерину Арагонскую, в ответ на то, что папа римский наотрез отказался утвердить им развод, Генрих в 1534 году провозгласил себя «главой англиканской церкви». Хотя по сути **англиканство** не имело глубоких и принципиальных расхождений с католицизмом, король порвал всякие отношения с католическим Римом. Более того, он приказал закрыть все католические монастыри, конфисковал их имущество. Так из прихоти короля родилась новая церковь, занявшая промежуточное положение между протестантизмом и католицизмом.

Матерью Елизаветы была вторая жена Генриха VIII **Анна Болейн.** Но, когда малышке Елизавете еще не исполнилось и трех лет, король обвинил ее мать в измене и приказал казнить. Хотя, может быть, единственной виной Анны Болейн стало то, что царственный супруг сам увлекся новой возлюбленной — **Иоанной Сеймур.**

Так или иначе, но в гневе король отрекся и от ни в чем неповинной Елизаветы, таким образом лишив дочь права наследования престола. Классик английской литературы Чарльз Диккенс так охарактеризовал Генриха VIII: «Это был самый непереносимый мерзавец, позор для человеческой природы, кровавое и сальное пятно в истории Англии». Впрочем, речь не о нем...

Отвергнутая отцом, маленькая Елизавета не была изгнана из королевского дворца, была окружена придворными и получила достойное

Анна Болейн

принцессы образование. Елизавета оказалась очень способной и старательной ученицей. Она знала латынь, французский, итальянский и греческий языки, прекрасно музицировала и танцевала. При этом она держалась чрезвычайно скромно, стараясь лишний раз не попадаться на глаза отцу.

После смерти неласкового отца-короля жизнь принцессы не стала спокойней. Вокруг пятнадцатилетней принцессы плелись дворцовые интриги. Придворные надеялись воспользоваться неопытностью наследницы престола в собственных интересах. Дело в том, что вопреки воле умершего короля английский парламент

подтвердил право Елизаветы наследовать царственную корону вслед за ее братом **Эдуардом** и старшей сестрой **Марией** (1510–1558 гг.), дочерью Генриха VIII от первого брака.

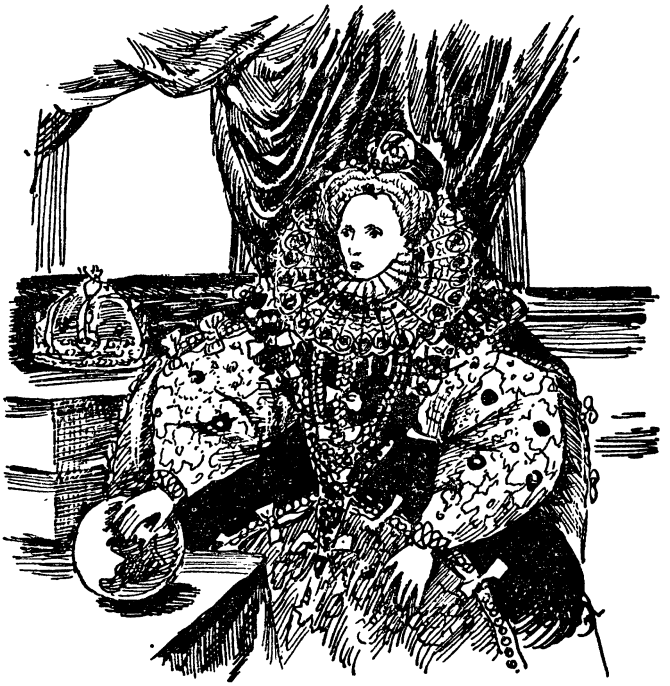
Перед смертью **Эдуард VI** объявил своей преемницей некую **Джейн Грей**. Однако Мария тут же отправила на эшафот возлюбленную своего брата, заняв королевский трон. Мария вообще была властолюбива, мнительна и коварна. И вот, чтобы избежать ее подозрений в причастности к какому-нибудь заговору, Елизавета благоразумно покинула Лондон. Все страшные годы царствования своей сестры, прозванной **Кровавой**, она провела уединенно в своем родовом поместье.

А Кровавой **Марию Тюдор** прозвали за ее яростную борьбу с англиканской церковью. Всеми доступными правительнице средствами она пыталась восстановить в Англии католичество и папскую власть.

После смерти Марии Кровавой в 1558 году, двадцатипятилетняя Елизавета беспрепятственно и по праву вступила во владение английской короной. После расточительного и не слишком умного правления старшей сестры страна досталась ей в полубедственном состоянии. Конечно, Елизавета, правительница великой страны, тоже имела и пышный двор, и дорогие украшения, и наряды, однако она, приученная своей прежней скромной жизнью к бережливости, тратила на все это необходимое дворцовое великолепие куда меньше своей предше-

Джейн Грей

ственницы. Более того, ее даже можно было бы упрекнуть в скупости. Случалось, для того чтобы сэкономить средства государственной



Елизавета

казны, Елизавета вместе со всем своим двором отправлялась погостить к какому-нибудь богатому графу. Вельможе, разумеется, льстила честь принять у себя королеву. Да и не мог же он отказать ей в гостеприимстве. И королева преспокойно целыми неделями со всей своей свитой жила на хлебах радушного хозяина, ничуть не смущаясь тем, что просто-напросто разоряла его.

Кроме того, она пополняла свою казну золотом, добытым английскими пиратами, которые грабили испанские корабли, возвращав-

шиеся из Нового Света. Она покровительствовала пиратам и даже сама снаряжала разбойничьи экспедиции. Знаменитого корсара **Фрэнсиса Дрейка** (ок. 1540–1596 гг.), выдачи которого требовал от английского правительства испанский король, Елизавета наградила дворянским званием и назначила вице-адмиралом Королевского флота.

Впрочем, Елизавета умело и рачительно использовала на пользу государству не только деньги своих подданных, но и их таланты. Среди ее приближенных были выдающиеся политики, философы, поэты, историки. Фаворитов она осыпала милостями, но была страшна в гневе, запросто могла при всех отхлестать по щекам провинившегося любимца.

Елизавета награждает Фрэнсиса Дрейка

Королева не была замужем, хотя к ней сватались русский царь Иван Грозный, испанский король Филипп II, французский принц Франсуа Анжуйский... Всем им Елизавета отказала, якобы для «блага своего народа» оставаясь девственницей. На самом же деле королева ни с кем не желала делиться властью. Так или иначе, но в историю она вошла под именем «королевы-девицы».

Вступив на престол, Елизавета провозгласила государственной англиканскую церковь, учрежденную в противовес Риму еще ее отцом. Рим никогда не признавал власть Елизаветы законной, так как папская власть не признала законным брак Генриха VIII и Анны Болейн. Несколько раз папы объявляли английскую королеву еретичкой и отлучали от церкви. Более того, **Филипп II**, получив отказ Елизаветы, попытался вместе с папой организовать всеобщую войну европейских государей-католиков с английской королевой. Они попытались противопоставить Елизавете послушную католичку шотландскую королеву **Марию Стюарт** (1542–1587 гг.). Она была племянницей Елизаветы и обладала наследственным правом на английский престол. К тому же у нее нашлись в стране сторонники.

Ясно, что Елизавета приложила все усилия, чтобы обезвредить соперницу. Сначала она заточила Марию в замке Фатерингей. Но и в плену шотландская королева оставалась центром заговоров врагов Елизаветы, поводом к

Мария Стюарт

антиправительственным выступлениям католического населения. В конце концов, за участие в заговоре с целью убийства Елизаветы I Марию Стюарт приговорили к смертной казни и в 1587 году обезглавили.

Непросто далось это решение Елизавете. Долгих девятнадцать лет шотландская королева провела в заточении, прежде чем Елизавета решилась ее казнить. Даже для такой решительной королевы, какой была Елизавета I, это был смелый шаг. Впервые особу королевской крови лишили жизни на эшафоте по обвинению в государственном преступлении. Королевская кровь считалась священной! И

Казнь Марии Стюарт

когда вся Англия ликовала, сама королева облачилась в траур по казненной племяннице.

Казнь Марии Стюарт была вызовом всей католической Европе. **Филипп II** провозгласил

себя претендентом на английский престол (а он, кстати, прежде был женат на Марии Кровавой) и объявил войну Англии.

В 1558 году огромный испанский флот из 130 кораблей, получивший название «Непобедимой армады», двинулся к берегам Англии. Казалось, поражение неминуемо: королевский флот насчитывал чуть более 30 кораблей (не считая пиратских!), даже сильной сухопутной армии, способной противостоять закаленным в боях испанцам, по сути не было. Но речь шла о спасении страны, и англичане — горожане, крестьяне, пираты — в едином строю сплотились вокруг своей королевы. Сама же королева верхом объезжала войска со словами: «Я пришла к вам, чтобы жить и умереть вместе с вами...»

Высадка испанцев на британские берега так и не состоялась. Удача сопутствовала англичанам. «Непобедимая армада» была разбита. Из 130 кораблей лишь половина вернулась в Испанию, более двадцати тысяч жизней испанских моряков унес этот бесславный поход. А Англия с того времени стала считаться великой морской державой — «владычицей морей!»

Конец царствования Елизаветы был трудным. В последние десять лет жизни она превратилась в усталую, больную старуху, повредившуюся рассудком. Она стала подозрительной, панически боялась заговоров и убийц, целыми днями в молчании лежала в своей спальне, отказываясь от лекарств, либо бродила по дворцу, держа в руке обнаженную шпагу.

Королева Елизавета объезжает войска

Королева умерла 23 марта 1603 года, прожив семьдесят и процарствовав сорок пять лет!

С ее смертью прекратилась династия Тюдоров. Но с Елизаветинской эпохи началась эпоха Великобритании, могущественной державы Нового времени.

ПРОГУЛКА ПО СРЕДНЕВЕКОВОМУ ЛЕСУ

Иерархия небесная и земная
Царь-голод и «черная смерть»

ИЕРАРХИЯ НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ

Священники и христианские писатели Средневековья говорили о девяти ангельских хорах (или чинах), что окружают престол Всевышнего и славят Творца песнопениями. По их представлению, эти девять хоров составляли иерархическую Небесную лестницу, на которой ангелы низших чинов подвластны ангелам высшим.

По образу и подобию Небесной иерархии строилась и земная иерархическая лестница, на самом верху которой были папы и короли, а ниже — все остальные. Служители церкви и на земле пытались высчитать те же девять разрядов людей, чтобы земной мир полностью соответствовал миру Небесному. Но если с земными высшими иерархами — папами и монархами, которые, впрочем, постоянно оспаривали первенство друг у друга, — все было более-менее ясно, то остальной народ никак не укладывался в пирамиду средневекового мироздания. Слишком пестра и разнообразна была картина человеческого общества!

Но ученые мужи нашли простой выход. Они разделили средневековое общество на три основные категории, на которых, как на трех китах, и держится мир: «на тех, кто молится», «на тех, кто воюет» и «на тех, кто пашет и сеет».

Не станем тратить слов на пап, королей и даже крупных феодалов-аристократов.

Во-первых, мы о них говорили достаточно, а во-вторых, их господствующее положение, определенное знатностью рода и властью, не нуждается в дополнительных комментариях. Заметим лишь, что пап, королей, господ-сюзеренов вместе со всеми вассалами было не так уж и много!

Лучше коротко расскажем о представителях основных категорий средневекового общества.

«Те, кто молятся»: высшее духовенство, настоятели монастырей и монашеских орденов, городские и деревенские священники, нищенствующие монахи — это целая армия! С точки зрения человека той эпохи, главное — его отношения с Богом. Поэтому пребывание в монашестве считалось более угодным Богу, чем иное занятие.

Сама церковь представляла не только огромную политическую или экономическую

силу, но и силу духовную. Если монархи управляли жизнью людей, то церковь владела их душами. Именно христианство было движущей силой истории Средних веков. Всякий путь, даже если он от Бога, чреват опасностями и ошибками, но церковь шла впереди и

стремилась облегчить путь всему христианскому миру. Конечно, не без ошибок.

Общество отдавало церкви и монашеству наиболее способных своих сыновей, посвящавших себя служению Богу, а через служение Богу — и людям. Монах не был свободен от людских горестей и забот мира — этому миру он дарил свои чувства и идеи, рожденные уединением за монастырскими стенами. Почти все известные мыслители, ученые, даже поэты и музыканты той эпохи принадлежали к духовному сословию.

Не стоит доказывать, как искренна, непосредственна и чиста была вера в те времена, достаточно взглянуть на бесчисленные прекрасные храмы европейских городов, возведенные на пожертвования тех, кто сам подчас довольствовался краюхой хлеба.

Еще в 1000 году хронист того времени написал о Франции: «Вся она была в белом одеянии церквей».

Можно лишь представить, какое огромное, возвышающее и очищающее воздействие оказывали эти храмы на души недавних варваров и язычников!

За монахами, конечно, следуют «те, кто воюют»: славное **рыцарство!**

Рыцарский титул впервые появился в Англии в 971 году. С тех пор о рыцарстве очень много написано. Для кого рыцарь — алчный грабитель, насильник и притеснитель простого народа, а для кого — воплощение

Рыцари

мужественности, благородства, галантности по отношению к дамам. Да, были среди рыцарей и отпетые негодяи, и знаменитые поэты, и фанатичные слуги веры, и мужественные солдаты!

Ведь рыцарь (рейтар, шевалье и даже витязь) — на всех языках означает *всадник*! Всадник, закованный в железные латы, безупречно владеющий мечом и копьем, то есть воин! Как правило, воин бесстрашный.

Рыцарство оставило глубокий след в людской памяти, став образцом воинской доблести и отваги. Не случайно, говоря о возвышенном отношении к дамам, мы вспоминаем рыцарей, и не случайно иного человека, готового вступиться за правду или защитить слабого, мы до сих пор называем рыцарем.

Рыцарей было не так уж и много, так, в конце XIII века в Англии насчитывалось около трех тысяч рыцарей. В боях обычно участвовало несколько десятков или сотен рыцарей. Лишь в крупных сражениях рыцарские отряды исчислялись тысячами...

Основу средневекового общества составляли, конечно, «те, кто сеют и кормят», то есть крестьянство. К ним общество, которое кормилось плодами трудов крестьянских рук, было особенно несправедливо.

Правда, и кормилец зачастую платил своему хозяину той же монетой. Владельцами лучших земель считались церковь и светские сеньоры. Крестьяне за пользование землей должны были нести повинности в пользу сеньора. Они состояли в работе на господском поле, в продуктовом или денежном оброке, в выполнении «общественных» работ. Уровень несвободы крестьян очень различался. Одни

крестьяне работали на своего сеньора несколько дней в году, а другим приходилось работать чуть ли не половину всего времени. Но зато церковные проповедники именно крестьянину обещали место в раю. Потому что он добывает хлеб в поте лица своего — значит, чтит Божью заповедь.

А ведь были еще горожане-ремесленники, подмастерья, художники, философы, алхимики, купцы и ростовщики, школяры-студенты, нищие, шуты, пираты, разбойники и прочий люд, который и не знаешь, к какому разряду отнести.

Но вот что примечательно: бюргер не снизойдет до простого крестьянина; шевалье не обнажит меч перед купцом, потому что это ниже его достоинства; барон не кинет монету студенту; а даже если и кинет, то студент не уни-

зится нагнуться за ней. Почему? А потому что он студент, а не нищий, у нищих же — особая гильдия!..

Средневековое общество жестко и четко делилось на сословия, и у каждого сословия были свои отличительные черты, свои права и обязанности.

Иногда интересы сословия становились выше интересов веры и Родины. Так, например, купцы, чтобы не упустить выгоды, частенько продолжали торговать со странами-противниками. А феодалы ради своих сословных интересов готовы были поделиться собственной страной с оккупантами, лишь бы любой ценой подавить восстание своего народа. Так было во Франции во время крестьянского восстания 1358 года, вошедшего в историю под названием Жакерия...

Словом, в средние века сословные противоречия были непреодолимы.

ЦАРЬ-ГОЛОД И «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Про опустошительные, часто бессмысленные войны мы говорили достаточно. А еще средневекового человека постоянно преследовал голод. Европу покрывали дремучие леса, пахотных земель было мало, да и обрабатывались они из рук вон плохо. Конечно, спасал лес. Здесь собирали желуди для откорма свиней, заготав-

ливали дубовую кору для дубления кож, смолу для факелов, мед диких пчел, хворост для отопления жилищ... Словом, мелкий люд жил лесом и снабжал его дарами других. Но даже лес не мог спасти в неурожайные годы, и тогда *царь-голод* владычествовал над всей Европой.

Понятно, что от голода страдали прежде всего бедняки. Случалось, вымирали деревни на многие километры вокруг! Однако бывали и такие бедственные годы, когда нехватка продовольствия поражала «целиком всю нацию». Вот свидетельство очевидца страшного голода, обрушившегося на Европу в 1032 году: «...Когда же съели и диких зверей, и птиц, неутолимый голод заставил людей подбирать падаль и творить такие вещи, о каких и сказать страшно. Некоторые, чтобы избежать смерти, ели лесные коренья и траву. Ужас охватывает меня, когда я перехожу к рассказу о том, какие преступления царили тогда в роду человеческом. Увы! О горе! Вещь неслыханная во веки веков: свирепый голод заставил людей пожирать человеческую плоть...»

А тут (1347–1350 гг.) грянула еще одна беда — **«черная смерть»**! В Европу пришла *чума*! Особенно лютовала эпидемия в городах. Порой некому было хоронить мертвецов. Люди в ужасе бежали из зачумленных городов, разнося смертельную заразу. Неслыханная эпидемия чумы, по одним подсчетам, уменьшила население Европы на треть, а по другим — чуть ли не вполовину!

Эпидемия чумы

Да к тому же повсюду горели костры инквизиции, доносчики выискивали «ведьм» и еретиков...

Но вот что примечательно: несмотря на все это, само ощущение жизни в те времена наполнено каким-то удивительным светом оптимизма, верой в то, что из борьбы с фантастическими и вполне реальными чудищами человек все равно выйдет победителем!

ЗАПАХ КРОВИ И ЗАПАХ РОЗ

«Гаудеамус игитур...»
Лицедеи
Рождение театра
Карнавалы и маскарады,
или корпорация «олухов»
Несколько слов об охоте
На пиру у феодала
Баллада о «четырех дамах»
История про рыцаря Беранже

«ГАУДЕАМУС ИГИТУР...»

«Будем радоваться, пока мы молоды!..» — назло Смерти, Голоду и Чуме — такие слова были в знаменитом гимне неунывающих студентов первых средневековых университетов. «Гаудеамус игитур!» — звучит по-латыни очень оптимистично.

В те темные века, когда торжествовали дикость и грубость нравов, во Франции молодые дворяне провозглашали **куртуазность** (от слова curt — двор), то есть изысканность чувств, верность Даме, светскость, умение вести себя в обществе... «Неистова и пестра была эта жизнь, где к запаху роз примешивался запах крови», — кратко и точно определил ту эпоху исследователь Средневековья Й. Хейзинг.

В прекрасной Флоренции ее правитель **Лоренцо Великолепный Медичи** (1469–1492 гг.) в то время, когда Европа еще не пришла в себя от ужасов чумы, устраивал удивительные по красоте и грандиозности уличные карнавалы. Небо расцвечивалось фейерверками, гремела музыка, песни, улицы празднично украшались, повсюду — радостные лица нарядно одетых людей! Но что это? Странная процессия сопровождает колесницу, уставленную гробами! И правит той колесницей «Ее Величество Смерть».

По ходу движения мрачной колесницы гробы вдруг начинали с треском распахиваться, из них выскакивали «мертвецы»! А толпа

Лоренцо Медичи

приветствовала их хохотом и победными возгласами, ведь этим счастливцам удалось вырваться из хищных лап всевластной хозяйки! Так флорентийцы смеялись над самой Смертью! И кричали ей, всемогущей и страшной: «Пока мы веселы, даже ты бессильна над нами!» Если Смерть нельзя победить, то над ней можно хотя бы потешиться!

После войны, чумы, голодных, неурожайных лет люди особенно нуждались в радости. А где же измученным людям черпать ту радость? В каком колодце?

Есть на свете такой колодец, и имя ему — *искусство*! Ведь средние века — это не только мрак и ужас, но и блеск и буйство празднеств, красочных карнавалов, маскарадов, грандиоз-

ных пиров, пышных рыцарских турниров и турниров поэтов... Средневековье — время великой архитектуры и живописи, время рождения поэзии и театра, время любви и поклонения Прекрасной Даме... Средневековье — время крови и время запаха роз! Не удивляйтесь, роза такой же символ Средневековья, такой же отличимый знак времени, как рыцарское копье или песня менестреля.

В Париже и Саламанке, в Болонье и Оксфорде, на улицах всех городов и на всех дорогах звучал призыв: «Гаудеамус игитур!» А ему вторили бродячие жонглеры. И в такт жонглерам притоптывали грубые деревянные крестьянские башмаки и звенели рыцарские шпоры.

ЛИЦЕДЕИ

Несмотря на войны, страшные эпидемии, жажда зрелищ и развлечений не умирала в человеке. Какие же зрелища были доступны людям во времена Средневековья?

От города к городу шли бродячие артисты — **жонглеры**. Это были бесшабашные, до отчаяния веселые и... совершенно бесправные люди. Им не разрешалось объединяться в гильдии, как художникам или ремесленникам, их преследовала церковь.

По средневековым представлениям, в профессии артиста было нечто дьявольское, артисты представляли в лицах других людей,

Жонглеры

действовали от чужого имени. Церковь считала их людьми не только никудышными, но и опасными и обещала им на том свете вечные муки. Она запрещала людям смотреть «бесстыдство позорных жонглеров и их непристойные игры».

Но те не унывали. Чтобы заработать на хлеб, средневековому артисту нужно было очень многое уметь: жонглировать, петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах. Среди них были акробаты, дрессировщики, необыкновенные силачи, канатоходцы, ну и, конечно, всяческие уродцы: карлики и карлицы, бородатые женщины и другие несчастные, которым и податься-то было некуда. Словом, бродячие артисты изумляли публику тем, что сейчас бы мы назвали цирковым искусством, показывали незамысловатые сценки, декламировали басни.

Появление на городской площади или в замке феодала бродячей труппы становилось событием. После представления горожане щедро сыпали в шляпы артистов монеты, а у кого не было монет — угощение.

При многих королевских дворах находили приют и **шуты**, или буффоны, как называли их в Италии.

Роль шута была и сложна, и опасна. Они потешались над всем, что выходило за рамки привычного и допустимого. Причем их насмешки бывали до того злы и едки, что порой приводили избранный ими объект в ярость. Буффон имел право и на насмешку над своим сеньором, но правила хорошего тона требовали от господина относиться к таким выпадам со снисхождением.

Бродячие артисты

Как ни пыталась церковь искоренить это племя артистов, «сбившихся с истинного пути», невозможно было представить без них ни одного средневекового города, ни одного праздника. И чем больше церковь ополчалась на жонглеров и лицедеев, тем больше народ радовался их появлению.

Тогда церковь решила обратить их искусство себе на пользу. Духовные пастыри поняли, какая огромная сила воздействия заложена в зрелищах, и стали создавать представления, наполненные религиозным содержанием. Сначала в храмах разыгрывались мимические сцены, отображающие жизнь и страдания Христа. Перед глазами завороженных зрителей проходили, оживая, герои Священного писания.

Затем начали сочинять специальные поясняющие тексты — еще не пьесы, а как бы сценарии. Церковные представления становились все пышнее и многолюдней. Такие представления требовали большого пространства, и их стали выносить за пределы церковных зданий — на главную площадь. Сами города стали сценой, на которой разворачивались гигантские по своим масштабам спектакли-**мистерии** («мистерия» в переводе с греческого — таинство). Как вид религиозно-театрального действия мистерия возникла в Италии в XIII веке. Театр мистерий быстро завоевал Европу.

Постановкой мистерий занимались сотни человек, включая ремесленные цеха, готовившие костюмы и бутафорию. Правители городов не жалели средств, хвастая друг перед другом щедростью и великолепием своих постановок. А в самих представлениях участвовали до пятисот человек! Даже священнослужители принимали в них участие! Правда, они играли роли положительных персонажей — ангелов, апостолов, а роли чертей, царя Ирода или Иуды доставались либо профессиональным артистам, либо «самодеятельным» из числа горожан.

Мистерии могли быть короткими, то есть игрались не более двух дней, но были и такие грандиозные представления, которые продолжались несколько недель. В дни спектакля в городе прекращалась всякая работа! Торговали только съестными припасами, которые расходились особенно хорошо, так как спектакль шел с 7 утра и до 6 вечера с одним перерывом на обед. И никто не расходился, и никто не скучал в эти дни! Разумеется, сюжетами для мистерий служили истории из Священного писания — например, история изгнания из рая Адама и Евы, легенды о чудесах, жития святых...

Но со временем в пьесах о святых стали появляться житейские, бытовые и даже комические персонажи. Тогда же начали появляться и светские пьесы. В перерывах мистерий разыгрывались короткие сценки, не связанные с

содержанием основного действия. Их стали называть **фарсами** (от немецкого слова «фарш» — начинка).

Здесь уж авторы позволяли себе вволю порезвиться над человеческими пороками. Беспощадно высмеивались и хитрые торгаши, и жадные монахи, невежественные и тщеславные рыцари и простаки-крестьяне... Фарс не знал сословных предрассудков. Перед смехом все оказались равны...

Так христианское священнодействие, выплеснувшись на улицу, постепенно превратилось в светское искусство **театра**.

КАРНАВАЛЫ И МАСКАРАДЫ, ИЛИ КОРПОРАЦИЯ «ОЛУХОВ»

Праздники в Средневековье назывались **карнавалами**. Карнавал — это имя божества праздника. Карнавал — это король шутов, шут среди шутов, носящий красную мантию, символ царской власти. Правда, корону ему заменяет шутовской колпак.

Устраивались карнавалы, как правило, перед Рождеством (Святки) — празднество окончания года и надежда на его обновление — и ранней весной (Масленица), когда возрождается и оживает природа. В сущности, Средневековье знало лишь два времени года: лето, время крестьянских трудов, и зиму. Само слово «весна» появилось лишь в поздней средне-

На карнавале

вековой поэзии. Лето считалось «днем» года, а зима — «ночью». «Убирайся прочь, зима, ты творишь зло!» — распевали на карнавальных шествиях.

Главным героем всякого карнавала был Смех! Перед Его Величеством Смехом на карнавале все были равны, смех стирал сословные различия.

В Италии на карнавалах зародилась комедия дель арте (**комедия масок**). Спектакли комедии дель арте создавались практически на глазах зрителей, потому что это были импровизационные спектакли, в которых действовали одни и те же персонажи-маски. Вам наверняка знакомы их имена: Арлекин, Коломбина, Панталоне, Бригелла, Тарталья...

А во Франции в XV веке в большем почете были маскарады иного рода. Их устраивала раз в год корпорация шутов! Причем шуты имели официальное, подтвержденное законом право высмеивать кого угодно и что угодно.

В разных городах они назывались по-разному. В Париже это были бадены (шутники), тюрлюпены (злые шутники), «беззаботные ребята»; в Пуатье они именовали себя «веселая шайка аббата Могуверна»; в Дижоне — «дети сумасшедшей матушки», а в Руане, например, конары, что значит просто-напросто олухи! Во главе этих корпораций стояли свои «кардиналы» и «патриархи».

Среди олухов были «следователи», которые собирали сведения обо всех скандальных историях и злоупотреблениях властей. Накануне праздника они докладывали «по начальству» весь собранный компрометирующий материал. А уж «кардиналы» и «патриархи» решали, кто на этот раз достоин публичного осмеяния.

И вот с наступлением карнавала все эти бадены, конары, тюрлюпены, «беззаботные ребята» и «дети сумасшедшей матушки» надевали на лица маски и в течение трех дней под бой барабанов и завывания труб разъезжали в повозках или бродили пешком по улицам городов и говорили что вздумается.

Даже церковь была бессильна против их насмешек. На площадях они устраивали пародийные проповеди и шутовские службы!

А на главной площади заседал шутовской «трибунал» и под хохот и улюлюканье толпы выносил «беспощадные» приговоры. Доставалось и торговцам гнилым товаром, и нечестным судьям, и священникам, заподозренным в чем-либо, не подобающем их сану, и расточительным деткам, и скупым отцам, и легкомысленным девицам, и спесивым дворянам, и жадным чиновникам, и неумелым врачам — словом, всем, кто сумел «отличиться» за этот год! Высмеивались неравные браки, безумные затеи городских властей, всякого рода интриги — сами понимаете, что поводов для смеха хватало!

Шуты могли в эти дни не только смеяться над кем угодно, но и высказывать вполне серьезные и даже крамольные мысли о высоких налогах или, например, о нищете народа. Однако сами они строго следили за тем, чтобы человек в маске (а маску в эти дни мог купить у тех же шутов любой гражданин) никоим образом не задел личность короля.

Таким образом, хоть раз в году французы имели возможность пользоваться свободой слова — между прочим, одним из главных достижений современных демократических обществ. Вот вам и Средние века!

Кстати, и сам король присутствовал на этих шутовских «трибуналах» и от души смеялся над приговорами. А иногда даже отстаивал мнение «высокого трибунала», вопреки протестам «осужденных», зачастую лиц очень влиятельных.

Шутовской «трибунал»

В заключение заседания «трибунала» «главный приз» присуждался тому, кто сотворял «самую замечательную» глупость года! Празднество завершалось всеобщим пиршеством...

Братство олухов просуществовало во Франции вплоть до XVII века.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОХОТЕ

Простолюдины развлекались как могли: пели и плясали, играли в кости и карты, хохотали до упаду над странствующими жонглерами... Излюбленными развлечениями феодальной знати были рыцарские турниры и, конечно, охота.

Псовая охота всегда была привилегией высших классов. Лесные угодья были гордостью

их владетелей. Их тщательно охраняли от браконьеров не только лесники, но и пешие лучники. Французский король Карл VI в 1396 году издал указ, по которому заниматься охотой запрещалось всем лицам неблагородного происхождения. Впрочем, псовая охота была дорогим удовольствием, и позволить себе это удовольствие мог не всякий рыцарь, так как охотничье снаряжение да и настоящие охотничьи собаки стоили немалых денег.

Собаки были предметом особой заботы — их отправляли в паломничество, им посвящали песни менестрелей и даже церковные мессы... Кстати уже тогда различалось несколько пород охотничьих собак. Приведем отрывок из серьезного средневекового трактата, посвященного собакам:

«Алан — это природа и манера поведения собак, и одни из них именуются аланами

Псовая охота

благородными, другие же — аланами, *катающимися в грязи*. Вторые — это аланы-мясники. Аланы благородные должны быть по сложению точно, как борзые, — во всем, кроме головы, которая должна быть толстой и короткой, а что до масти, то правильная масть хорошего алана обычно белая без всяких пятен вокруг ушей. Глаза очень маленькие и белые, ноздри беловатые, уши же прямые и остроконечные, которые обрезают. Алана надо натаскивать больше, чем любое другое животное, потому что он способен причинить зла больше, чем другие. Кроме того, аланы своевольны и легкомысленны и не имеют такого здравомыслия, которое есть у большинства других собак. Если кто скачет на лошади, они охотно гонятся за ним, и за быками, либо овцами, либо другой скотиной, или же за людьми, или за другими собаками. Ибо я видел алана, каковой убил своего хозяина. И во всех отношениях аланы имеют дурные наклонности, и суть самые шальные и легкомысленные изо всех пород собак. Но настоящий алан должен бежать как борзая и, кого настигнет, вцепиться и держать не отпуская, ибо алан по натуре своей имеет хватку сильнее, нежели три борзые из лучших, каковых можно найти...» Далее автор столь же подробно описывает повадки других аланов, *катающихся в грязи* или *мясников*. И советует всякому, «кто хочет охотиться на медведей и вепрей, держать и благородных аланов и грязных (мясников), и борзых, и сто-

Охота на медведя

рожевых, ежели прочих держать не может...» Значит, были еще и прочие!

А эти собаки аланы, видно, и впрямь были столь страшны, что уже в средние века на них надевали намордники!

Богатые сеньоры стремились сделать охоту настолько роскошной, насколько позволяли им средства. Правитель Милана некий Бернабо Висконти (ум. в 1395 г.) имел свору в пять тысяч псов для охоты на кабана. Этот вельможа приказывал карать смертью каждого, изобличенного в убийстве хоть одного дикого животного в его владениях. Современник Бернабо Висконти замечает: «Я не хочу обходить молчанием жестокость Бернабо и то, как он приговаривал к высшей мере бедных крестьян, поймавших или убивших какого-нибудь кабана. Когда монахи ордена

Святого Франциска упрекнули его за это, он приказал их убить».

Благородные дамы тоже не отказывали себе в удовольствии поохотиться. Но псовой охоте дамы предпочитали охоту с ловчими птицами. Соколиная охота, пожалуй, была наиболее модным развлечением, но она требовала еще бóльших расходов, чем псовая, поэтому часто служила причиной разорения приверженцев этой страсти. Чтобы содержать в порядке соколиный двор, требовались бесконечные хлопоты и умение обращаться с ловчими птицами. Не случайно должность сокольничего была одной из самых завидных при дворах монархов.

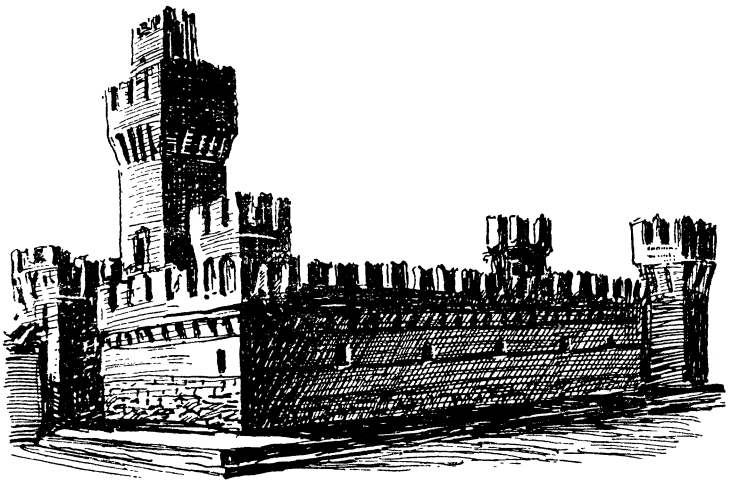
А сами ловчие птицы на руке их хозяев были отличительным знаком богатства и принадлежности к высшему обществу. Зачастую высокородные дамы появлялись с ястребом или соколом на руке не на лугу верхом на ко-

Дамы на охоте

не, то есть вовсе не на охоте, а в ассамблее, на приемах, в гостях — да повсюду, — так трудно им было расстаться со своими пернатыми любимцами...

НА ПИРУ У ФЕОДАЛА

Главный большой зал замка короля или крупного феодала никогда не казался слишком просторным, хотя залы эти были огромны. Жизнь владельца замка и его воинов, если



Замок феодала

они не были в походе или на охоте, проходила именно в главном зале. Там сеньор творил суд, собирал вассалов и, конечно, устраивал праздники и пиры.

Иногда на пирах собиралось до нескольких тысяч гостей! Подобные королевские пиры должны были продемонстрировать могущество и богатство государя, поэтому иногда, чтобы пышность пира прославилась на весь свет, кроме гостей приглашали в замок и зрителей, для которых устраивались специальные ложи или галереи на втором этаже, откуда они могли наблюдать за пиршеством.

Английский король **Вильгельм Рыжий** (1087–1100 гг.) велел выстроить пиршественный зал рядом с Вестминстерским аббатством, где часто жили норманнские короли. Как сви-

детельствуют хронисты, этот зал был роскошнейшим в мире. Но когда король пришел осмотреть его, то остался крайне недоволен. Его спросили: чем ему не нравится зал? «Клянусь Богом! — ответил король. — Этот зал ни на что не годен! Для комнаты он слишком велик, а для зала слишком мал...»

Так или иначе, но Вильгельм задумал провести пир в этом зале, хотя были возведены лишь стены, а помещение стояло без крыши. Он велел собрать в Лондоне все шелка и покрыть ими здание!

«Как в Англию воротился король,
Устроил в Вестминстере пир он большой...
Много там было знатных гостей;
И тысяча и триста привратников у дверей.
Каждому мех был беличий дан
И доброе платье из дальних стран.
И чем знатней был норманнский барон,
Тем с большею свитой являлся он!
Пускали привратники в ход жезлы –
Епископам путь расчищали они,
Чтобы слуга не лез вперед,
Покуда привратник не позовет...»

Во время пиров место государя обычно находилось под балдахином. А его стол ставился выше, чем другие. Сидящим за столом гостям (если это был королевский пир) прислуживали дворяне, причем конные! Вот и представьте, каковы были размеры пиршественных залов! Конники привозили блюда и, прежде чем передать их стольникам, показывали пирующим.

Столы были расставлены вдоль длинных стен зала и украшены мягкими, сложенными

Пиршественный зал

вдвое скатертями, на полу лежали цветы и листья, источая благоуханный аромат.

«А еще — вместо зеленой травы,
Которую обычно расстилают,
Весь пол там был покрыт
Розмарином и лавандой...»

Гости сидели за столами в один ряд, лицом в зал. Позади них — слуги с факелами в руках, оруженосцы-виночерпии, слуги. А сидели гости на длинных и невысоких скамьях, покрытых коврами и подушками. Скамьи эти назывались bancs, отсюда и пришло к нам французское слово *банкет*, то есть пиршество.

Наконец, протрубили рога, возвещая о начале парадного обеда. Еще этот сигнал назвался «позвать воду» — и сейчас вы поймете, почему.

Итак, в громадный зал входят разодетые гости и гостьи. Все идут согласно их положению в обществе: епископы, графы, ближай-

шие вассалы сюзерена. Преобладающие цвета в одеждах — красный и синий. Бархат, шелка, меха и драгоценные каменья украшают одежду дам и их кавалеров. Не редкость золотые обручи на головах.

Дамский костюм плавными складками ниспадает до самого пола, рукава платьев необычайно широки и длинны, волосы тщательно причесаны, тяжелые косы перевиты цветными лентами и золотыми нитями. У некоторых волосы крашеные, видимо уже тогда дамы

умели менять природный цвет волос. А у некоторых в косы вплетены фальшивые волосы — шиньоны. На щеках следы румян... У рыцарей сапоги с заостренными и очень длинными носами, — такие сапожки назывались пулены.

Следом за гостями слуги вносят в зал кувшины с водой, специальные тазики для мытья рук и полотенца. Вот поэтому сигнал к началу обеда звучал так: «Позвать воду». Дело в том, что в сервировке столов не было привычных нам вилок. Их тогда еще не придумали! А потому обедающим приходилось брать кушанья с блюд руками. Двузубая вилка и столовые ножи появятся в Европе на пиршественных столах только в конце XIII века! Причем закругленные концы у ножей и изогнутая форма вилок сделаны были для того, чтобы пылкие рыцари не пытались во время обедов с их помощью разрешить свои споры. А споры, разумеется, возникали часто...

Наконец, после непременного и обязательного по средневековому этикету умывания рук гости переходят к бесконечно длинным столам. Места заранее распределены — строго по чину и положению каждого гостя. На столах уже расставлены большие металлические кувшины с вином, чаши, соусники, солонки, ножи, золотые и серебряные кубки.

Вот и пришло время трапезы! Те же прислужники из дворян и оруженосцы (если это высокое королевское общество!) разносят первое блюдо. Супов и бульонов еще не было, по-

этому на первое подавалось жареное мясо, изрядно приправленное острым соусом. Разница лишь в том, что на первое, например, подавался жареный кабан, а на второе — жареная оленина. Или наоборот. Затем наступал черед жареных павлинов, лебедей, других всевозможных птиц, дичи и рыбы. В конце обеда полагались фрукты...

Однако на такие великолепные приемы гости собирались не только для того, чтобы вкусно поесть. Средневековый пир непременно сопровождался музыкой, пением, танцами, состязаниями поэтов и выступлениями артистов.

В перерывах между блюдами разыгрывались представления на сюжеты басен, их называли — фаблио. Были диалоги в стихах или небольшие комические пьесы — интермедии. В XV веке появились широкие специальные столы, которые ставили в центре зала. На этих

Представления на пиру

столах артисты ставили целые спектакли с грандиозными батальными сценами; излюбленным сюжетом для этих представлений была история взятия Иерусалима крестоносцами.

А потом изрядно утомленную публику услаждали музыкой и стихами менестрели. Песни их были либо о тех же рыцарях и их подвигах, либо о Прекрасных Дамах и о верной любви.

Давайте послушаем, о чем поет менестрель...

БАЛЛАДА О «ЧЕТЫРЕХ ДАМАХ»

Это баллада о четырех женщинах, оплакивающих судьбы своих рыцарей после битвы.

Первый рыцарь пал, храбро сражаясь. Другой был тяжело ранен в бою. Бедная девушка не знает, жив ли он. Возлюбленный третьей дамы тоже отважно сражался, но попал в плен, и теперь неизвестно, сумеет ли он освободиться...

Суть в споре: кто из дам — самая несчастная? Первой остается только скорбеть — ее возлюбленный погиб. Две других живут в томительном и безнадежном ожидании, худшем, чем скорбь. Что может сравниться с горечью их утрат?

Но здесь в спор вступает четвертая:
«Сударыни, что вы говорите?
Мне есть, что вам возразить,
И не затем, чтобы принизить вас
Или прогневить ваши души,
Которые я так ценю.
Но то, что гнетет меня
И в чем я себя упрекаю,
Я должна высказать.
Мне терзает душу
Моя постыдная история,
Что вызывает слезы
Не из-за потери и несчастья,
А из-за горького чувства стыда...»

Отчего же стыдно этой даме? А дело в том, что ее возлюбленный оказался трусом. В то время как другие бились, он бежал с поля боя.

«И этим спасся, тем самым лишившись чести...»

Честь — вот что определяет достоинство рыцаря!

«Я могу упрекнуть его за то, — далее продолжает дева, —

Что я его любила,
И считала своим возлюбленным
Бесчестного беглеца и труса,
Покрывшего себя позором,
В блестящих и надежных латах
Бежавшего с поля брани,
Предав товарищей.
Ах! Что за день!
Безумный день, отмеченный позором!
Увы! Зачем я родилась в этот день,
Чтобы после полюбить его?
Из-за этой ошибки
Глаза, виновники моей глупости,
Наполняются горем и слезами.
Увы! В этом мне некого упрекнуть,
Кроме себя самой!..»

Разумеется, четвертую даму признают самой несчастной!

Вот средневековое описание возвышенных чувств женщины. Эти стихи менестреля Алена Шартье служили примером и утешением для многих людей того времени. Причем находили в их сердцах самый горячий отклик. Вообще женщина в средние века играла в жизни общества отнюдь не второстепенную роль. Войнам, болезням, жестокости времени они противопоставляли неожиданную стойкость любви и веры...

ИСТОРИЯ ПРО РЫЦАРЯ БЕРАНЖЕ

Давайте послушаем еще одного певца, тем более он уже выступил на середину зала, откинул на плечи длинные роскошные волосы и провел пальцами по струнам гитерна. (Гитерн —

это средневековый струнный музыкальный инструмент, по форме напоминающий мандолину или гитару.)

Поэты-певцы — труверы — всегда изображали любовь дамы наградой за мужество и верность. Самые презренные качества в мужчине — трусость и малодушие. Вот и история этого трувера о неком рыцаре Беранже...

Менестрель

Один рыцарь, разоренный ростовщиками, не зная, как выйти из положения, решился отдать дочь в жены сыну богатого крестьянина, которому тоже задолжал крупную сумму. Позор, конечно, но делать нечего. Дочь покоряется безропотно, хотя, понятно, и без охоты. Перед свадьбой рыцарь-отец собственноручно посвящает сына крестьянина в рыцари, чтобы не краснеть за союз, на который он толкнул дочь.

Новоиспеченный рыцарь считает себя героем, ему уж зазорно общаться с прежними друзьями. А перед женой то и дело хвастает турнирами, поединками, надеясь таким образом заслужить уважение рыцарской дочки. Та же, понимая, что все это лишь пустая похвальба, только и ждет случая увидеть супруга в деле.

Однажды, чтобы доказать свою смелость, новый рыцарь отправляется в лес. Там он привязывает свой щит к дереву и дважды бьет по нему мечом, затем ломает копье, а вернувшись домой, объявляет жене, будто только что в лесу сразился с целым отрядом каких-то странствующих рыцарей.

Жена замечает, что лошадь — без единой царапинки, а муж — без крохотной ранки, но виду не подает. Когда в следующий раз муж вновь вооружается и направляется в лес якобы для новых схваток с противниками, она также надевает доспехи, садится на коня и настигает супруга в тот момент, когда тот опять начинает собственным мечом рубить свой собственный

щит. Жена называет себя рыцарем Беранже и вызывает мужа на поединок. Но трусливый муж, разумеется, отказывается вступить в бой с «настоящим» рыцарем. Более того, он идет на все унижения, которых требует от него скрывающийся под латами жестокий и неумолимый рыцарь Беранже...

Здесь требуется краткое пояснение. Рыцарские поединки назывались по-французски «пассаж», то есть «проход». У странствующих рыцарей существовал обычай располагаться на мосту или перекрестке дорог, разумеется, в доспехах и на коне, с тем, чтобы не пропускать ни одного рыцаря, если только тот без боя и безропотно не согласится на предложение,

Рыцарь на перекрестке

сделанное защитником прохода. А тот требовал, например, объявить, что такая-то дама — самая прекрасная и самая достойная из всех дам, которые есть на свете.

Если встречный рыцарь отказывался сделать такое заявление во всеуслышание (а настоящий рыцарь непременно должен был от-

казаться признать какую-то незнакомую ему даму самой лучшей!), то, прежде чем проехать дальше, он должен был сразиться в поединке с тем рыцарем, что заградил ему путь. Если он побеждал, проход был свободен.

Если же терпел поражение, то должен был, оставив все дела, отправиться в распоряжение той дамы и сказать ей, что рыцарь, встреченный им по пути, силой оружия заставил его так поступить. Вспомните, как Дон Кихот из бессмертного романа Сервантеса требует, чтобы птичницу Дульсинею из Тобоса все встречные признавали венцом женской прелести! Между прочим, в эпоху, когда странствующее рыцарство было в большом почете, такое иногда случалось и в действительности, а не только в «рыцарских» романах.

Так что же делает дама, скрывающаяся под именем рыцаря Беранже?

Она отправляется к рыцарю, который давно добивался ее любви, но которого сама до сих пор отвергала, привозит его на крупе своего коня к себе в дом. В это время из леса возвращается супруг, который, несмотря на унижения, пережитые в лесу, все еще намерен продолжать хвастать. И что же он видит в своем доме? Жену, а рядом с ней незнакомого рыцаря. Бедный муж пытается угрожать, но дама отвечает ему презрительно и хладнокровно:

«Молчите, жалкий трус! А если вы произнесете еще хоть слово, я позову сюда Беранже, — вы знаете, как он обходится с трусами...»

Трусость, ложь, неверность данному слову, фанфаронство — худшие из пороков.

Бесчестье ставило человека вне законов. Поэтому в средние века честью дорожили больше, чем золотом. И не только благородные рыцари (им по титулу было положено не уронить чести), но и всякий человек, обладавший достоинством.

А с песней трувера про «рыцаря Беранже» заканчивается и наше пребывание в средневековом замке.

Эпоха Средневековья сменилась эпохой Возрождения. Его главные герои — великие ученые, художники, творцы и первооткрыватели...

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

306–337 гг. — правление Константина Великого.

330 г. — основание Константинополя, столицы Византии.

375 г. — нашествие гуннов.

378 г. — битва при Адрианополе.

410 г. — взятие Рима вестготами.

451 г. — Каталаунская битва.

455 г. — разграбление Рима вандалами.

476 г., 23 августа — последний день Западной Империи, низложение императора Ромула Августула.

481—511 гг. — Хлодвиг. Основание первой франкской королевской династии Меровингов.

527–565 гг. — правление Византийского императора Юстиниана Великого.

568 г. — вторжение лангобардов в Италию.

622 г. — Хиджара — начало мусульманского летосчисления.

732 г. — сражение при Пуатье.

768–814 гг. — правление Карла Великого.

800 г. — коронование Карла императором.

843 г. — раздел империи Карла Великого по Верденскому договору.

871–901 гг. — правление английского короля Альфреда Великого.

936–973 гг. — правление Оттона I Великого.

962 г. — коронование Оттона I в Риме императорской короной.

1017–1035 гг. — правление в Англии датского короля Кнута Великого.

1054 г. — разделение церквей на православную (с центром в Константинополе) и Римскую католическую.

1066 г. — сражение под Гастингсом, начало правления короля Вильгельма Завоевателя.

1095 г. — выступление папы Урбана II на соборе в Клермоне.

1096–1099 гг. — Первый крестовый поход.

1099 г. — взятие Иерусалима крестоносцами.

1147–1149 гг. —Второй крестовый поход.

1152–1189 гг. — правление германского императора Фридриха I Барбароссы.

1154–1189 гг. — правление английского короля Генриха II Плантагенета.

1170 г. — убийство по приказу Генриха II архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета.

1176 г. — битва у Мириокефала с турками-сельджуками, потеря Византией большей части Малой Азии.

1180–1223 гг. — правление французского короля Филиппа II Августа.

1189–1192 гг. — Третий крестовый поход.

1189–1199 гг. — правление английского короля Ричарда I Львиное Сердце.

1198–1216 гг. — понтификат Иннокентия III.

1199–1216 гг. — правление английского короля Иоанна Безземельного.

1202–1204 гг. — Четвертый крестовый поход.

1204 г. — взятие Константинополя крестоносцами.

1204–1261 гг. — существование Латинской империи.

1209–1229 гг. — Альбигойские войны.

1212 г. — Крестовый поход детей.

1212–1250 гг. — правление германского императора Фридриха II Гогенштауфена.

1215 г. — Великая хартия вольностей.

1226–1270 гг. — правление французского короля Людовика IX Святого.

1228–1229 гг. — Шестой крестовый поход.

1229 г. — создание инквизиции.

1241 г. — вторжение монголов в Центральную Европу, битва при Лигнице.

1248–1254 гг. — Седьмой крестовый поход.

1261 г. — восстановление Византии, начало правления императора Михаила VIII Палеолога.

1265 г. — возникновение английского парламента.

1270 г. — Восьмой крестовый поход.

1271–1295 г. — путешествие Марко Поло в Китай.

1285–1314 гг. — правление французского короля Филиппа IV Красивого.

1291 г. — окончательная потеря Святой земли христианами.

1303 г. — пленение папы Бонифация VIII в Ананьи.

1307–1314 гг. — «дело» тамплиеров.

1309–1377 гг. — Авиньонское пленение пап.

1327–1377 гг. — правление английского короля Эдуарда III.

1328 г. — начало династии Валуа.

1337–1453 гг. — Столетняя война.

1345 г. — битва при Кресси.

1347 г. — начало эпидемии чумы («черная смерть»).

1356 г. — битва при Пуатье.

1358 г. — крестьянская война во Франции (Жакерия).

ок. 1370–1415 гг. — Ян Гус.

1381 г. — восстание в Англии Уота Тайлера.

1389 г. — битва на Косовом поле.

1419–1434 гг. — Гуситские войны.

1431 г. — смерть Жанны д'Арк.

1445 г. — Иоганн Гутенберг печатает первую книгу.

1453 г. — падение Византии, взятие турками Константинополя.

1455–1485 гг. — война Белой и Алой розы.

1461–1483 гг. — правление французского короля Людовика XI.

1477 г. — гибель герцога Бургундского Карла Смелого.

1485 г. — начало династии Тюдоров.

1558–1609 гг. — правление в Англии королевы Елизаветы I.

Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) о взятии Рима готами в 410 г.

Я расскажу, каким образом Рим был взят Аларихом. Этот предводитель варваров долгое время осаждал Рим и, не имея возможности овладеть им ни силой, ни хитростью, придумал следующее.

Из своих воинов он выбрал триста человек, еще безбородых молодых людей, которые выделялись своей знатностью и храбростью, превышающей их возраст, и тайно сообщил им, будто он намерен подарить их некоторым знатным римлянам. Он приказал держать им себя у римлян очень скромно и добродетельно и усердно выполнять все, что им прикажут их господа, а спустя некоторое время, в заранее назначенный срок, в полдень, когда их господа, как обычно, погрузятся в послеобеденный сон, они все должны будут устремиться к тем городским воротам, которые называются Салариевыми (то есть Соляными), и, внезапно напав на стражу, истребить ее и быстро растворить ворота.

Такой приказ отдал Аларих молодым воинам и в то же время отправил послов к сенату с заявлением, что он, дивясь приверженности римлян к своему императору, не намерен больше их терзать, а из уважения к их мужеству и верности дарит на память каждому сенатору по несколько рабов.

Вскоре после этого официального заявления Аларих отослал в Рим своих молодых людей, а войску отдал приказ готовиться к отступлению, чтобы римляне могли это видеть.

Римляне обрадовались заявлению Алариха, приняли дар и возликовали, не заподозрив коварства со стороны варвара.

Исключительная покорность, которую проявили присланные Аларихом молодые люди, уничтожила всякие подозрения, а войско частично действительно стало отступать, другие же воины делали вид, что готовятся к снятию осады.

Настал назначенный день. Аларих повелел своему войску вооружиться и наготове стал ждать у Салариевых ворот, где он располагался с самого начала осады. Молодые люди в условленное время сбежались к Салариевым воротам, внезапно напали на стражу, перебили ее, беспрепятственно отперли ворота и впустили в Рим Алариха и его войско.

Варвары сожгли здания, находившиеся поблизости от ворот, в том числе дворец Саллюстия, древнего римского историка. Большая часть этого дворца в наполовину обгорелом виде существовала и в мое время.

Варвары ограбили весь город, перебили большую часть населения и отправились дальше.

Рассказывают, что в Равенне один придворный евнух, выполнявший обязанности птичника, сообщил Гонорию, что Рим погиб. «Да я только что кормил его своими руками!» — воскликнул Гонорий (у него был огромный петух по кличке Рим). Евнух, поняв ошибку императора, пояснил, что город Рим пал от меча Алариха. Тогда Гонорий, успокоившись, сказал: «Друг мой, я подумал, что околел мой петух...» Такой недотепа, говорят, был этот император.

Готский историк Иордан о гуннах

Король готов Филимер... обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний... Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от

своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот,— малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Они внушали величайший ужас своим страшным видом... их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом облике живут они в звериной дикости.

Из «Салической правды»

О ГОРСТИ ЗЕМЛИ

Если кто лишит жизни человека и, отдав все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников (которые поклялись бы в том), что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в

свой дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родичем. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, то есть на троих ближайших родичей по матери и по отцу. Потом в (одной) рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три (родича по матери) должны уплатить половину того, чего не хватает для уплаты следуемой по закону виры (штрафа). То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родичами по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на когонибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь, чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание...

Прокопий Кесарийский о восстании 532 г. в Константинополе

В Византии неожиданно вспыхнул в народе мятеж, который, против чаяния, чрезвычайно распространился и имел самый пагубный для народа и синклита конец... Город был поджигаем, как будто оказался в руках неприятелей. Храм Софии, бани Зевксиппа и царские дворцы... сделались жертвой пламени, и вместе с ними большие портики... многие дома богатейших людей и большое богатство. Царь и супруга его вместе с некоторыми синклитиками заперлись в Палатии и там оставались в бездействии. (Восставшие) подавали друг другу условный клич: «Ника! Ника!» (то есть «Побеждай! Побеждай!»), и оттого мятеж тот известен до сих пор под именем Ника...

Между тем у царя происходилло совещание: что лучше делать, оставаться ли тут или бежать на судах. Много говорено было в пользу того и другого мнения. Наконец царица Феодора сказала:

— Сейчас, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагою. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, ничего не остается другого, как только устроить их наилучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение и, возможно, принесет сейчас, недостойно. Тот, кто появился на свет, не может умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У тебя много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы спасшемуся тебе не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — лучший саван.

Так сказала царица; слова ее воодушевили всех. Укрепясь духом, советники рассуждали уже о том, каким образом можно бы защититься, если мятежники нападут на них... Царь (же) полагал всю надежду на Велисария...

(Велисарий) рассудил лучше напасть на народ, на это бесчисленное множество стоявших на ипподроме и в большом беспорядке толкавшихся людей. Он обнажил меч, велел воинам своим следовать его примеру и с криком ринулся в середину скопища.

Народ, не знавший строя, видя, что покрытые латами воины поражали всех без пощады, предался бегству... Победа была полной, убито великое множество народа.

Из франкской хроники (VIII в.) о поражении арабов (сарацинов) при Пуатье

В это время герцог (Аквитании) Одон нарушил условия договора (с Карлом Мартеллом). Узнав о том через вестников, государь Карл, двинув войско, перешел реку Луару, обратил в бегство означенного герцога Одона, взял множество добычи... и возвратился восвояси. Одон же герцог, видя свое поражение и унижение, возбудил для помощи против Карла-государя и народа франков вероломный народ сарацинов.

Вышедши с королем своим Абдирамою, они переправились через Гаронну и подошли к городу Бордо. Предав пламени церкви, истребив жителей, достигли Пуатье. Сожгли базилику Святого Гилярия, о чем жалко говорить, и держали путь к дому блаженного Мартина.

Карл-государь отважно выставил против них войско и ринулся в битву. С помощью Христа ниспроверг их шатры, завязал кровавую сечу, короля их Абдираму положил убитым на месте и, разбив войско, поборол их и одолел. И так торжествовал победу над неприятелем.

Из «Жизни Карла Великого» монаха Эйнгарда

Карл обладал крепким телосложением и довольно высоким ростом, но не был выше семи футов. Голова его была круглой, глаза — большими и выразительными, нос — довольно крупным. Благородная седина очень украшала лицо, всегда живое, веселое. Все это весьма способствовало его обаянию.

И хотя шея его была слишком коротка и толста, а живот выпирал, пропорциональность остальных частей тела скрадывала эти недостатки.

Походка Карла была твердой, весь его облик — мужественным, но голос, хотя и звучный, не вполне соответствовал мощному телосложению.

Он отличался превосходным здоровьем и лишь в последние четыре года страдал лихорадкою, а также временами прихрамывал на одну ногу. Но и тогда пренебрегал он советами врачей, которых ненавидел за то, что они убеждали его отказаться от любимой жареной пищи...

Во время еды он слушал музыку или чтение. Его занимали подвиги древних, а также сочинения святого Августина, в особенности то, которое называлось «О граде Божием»...

Был он красноречив и с такой легкостью выражал свои мысли, что мог бы сойти за ритора.

Не ограничиваясь отечественной речью, Карл много трудился над иностранною и, между прочим, овладел латынью настолько, что мог изъясняться на ней, как на родном языке; но по-гречески более понимал, нежели говорил.

Прилежно занимаясь различными науками, он высоко ценил ученых, выказывая им большое уважение.

Грамматику он слушал у Петра Пизанского — дьякона, человека преклонных лет; в прочих же предметах имел наставником Альбина (прозванного Алкуином), тоже дьякона, сакса, родом из Британии, мужа, умудренного во многих науках. У него Карл обучался риторике, диалектике и в особенности астрономии, благодаря чему мог искусно вычислять церковные праздники и наблюдать за движением звезд.

Пытался он также писать и с этой целью постоянно держал под подушкой дощечки для письма, дабы в свободное время приучать руку выводить буквы; но труд его, слишком поздно начатый, имел мало успеха.

Лиутпранд, посол итальянского короля Беренгара, о приеме во дворце василевса (949 г.)

В Константинополе к императорскому дворцу непосредственно примыкает зала изумительного великолепия и красоты, у греков называемая Магнавра, или Золотая палата. Император Константин велел привести ее в порядок для приема прибывших одновременно со мной послов испанского халифа и Лиутфреда, богатого купца из Майнца, который тогда был послан германским императором. Перед троном императора стояло медное, но позолоченное дерево, ветви которого наполняли разного рода птицы, сделанные из бронзы и также позолоченные. Птицы издавали каждая свою особую мелодию, а сиденье императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти на уровне земли, затем несколько более высоким и, наконец, висящим в воздухе. Колоссальный трон окружали, в виде стражи, медные или деревянные, но, во всяком случае, позолоченные львы, которые бешено били своими хвостами о землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев. Я оперся на плечи двух евнухов и так был приведен непосредственно перед его императорское величество. При моем появлении заревели львы, и птицы запели каждая свою мелодию. Я же не испытал ни страха, ни удивления, так как еще раньше был осведомлен некоторыми знатоками о всех этих вещах. После того как я, согласно обычаю, в третий раз преклонился перед императором, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде почти у потолка залы, в то время как только что видел его на троне на небольшой высоте от земли. Я не мог понять, как это произошло: должно быть, он был поднят наверх посредством машины. Он не

произнес ни слова, а если бы и хотел произнести, то такое нарушение церемониала считалось бы в высшей степени неприличным. О жизни и здоровье Беренгара меня спросил логофет. Ответив ему по обычаю, я покинул залу аудиенции и отправился назад в свою гостиницу.

Из древнейшего описания г. Лондона (XII в.)

На востоке высится большая и мощная королевская цитадель (Тауэр), внутренний двор и стены которой воздвигнуты на глубоком фундаменте, скрепленном раствором на крови животных. На западе находятся два хорошо укрепленных замка, а стены города высокие и толстые, с семью двойными воротами и на севере укреплены через равные промежутки башнями. Подобным образом и с юга Лондон был укреплен стенами и башнями, но большая река Темза, изобильная рыбой, своими приливами и отливами незаметно в течение долгого времени подмыла и разрушила стены. Также на западе над рекой возвышается королевский дворец — здание несравненное, с крепостным валом и укреплениями; он расположен в двух милях от города в многолюдном пригороде.

Дома горожан в пригородах повсюду окружены большими и великолепными садами. На севере также расположены поля, пастбища и живописные луга с бегущими по ним речками, которые с приятным рокотом приводят в движение мельничные колеса. Невдалеке находится огромный лес с густой чащей — убежище диких зверей: оленей, серн, вепрей и туров. Пахотные поля города — не бесплодные пески, но подобны тучным полям Азии...

Около Лондона, в северном пригороде, имеются замечательные источники с целебной, сладкой, прозрачной водой, которые струятся по светлым

камням. Среди них наиболее известны Святой источник, Источник монахов и святого Клемента; их чаще всего посещают школяры и городская молодежь, гуляя летними вечерами. Город благоденствует, если имеет доброго господина.

Этот город прославлен мужами, оружием, большим числом жителей; так, во время военной угрозы по приказу короля (Стефана) город выставил, как считалось, способных к ратному делу 20 тысяч вооруженных всадников и 60 тысяч пехоты. Граждане Лондона по сравнению с жителями других городов выделяются достойными нравами, одеждой, роскошью стола...

Из постановления IV Латеранского собора о борьбе с ересями (1215 г.)

Мы отлучаем и предаем анафеме всякую ересь, выступающую против святой веры, ортодоксальной и католической... Мы осуждаем всех еретиков, к какой бы секте они ни принадлежали; разные по обличью, они все связаны между собой, ибо тщеславие всех их объединяет. Все осужденные еретики должны быть преданы светским властям или их представителям для понесения достойного наказания. Клирики будут предварительно лишены сана. Собственность осужденных мирян будет конфискована, клириков же — поступит в казну той церкви, которая платила им жалованье.

Просто подозреваемые в ереси, если они не смогут доказать своей невиновности, опровергнуть выдвигаемых против них обвинений, будут подвергнуты анафеме. Если они пребудут под анафемой год и своим доведением за этот срок не докажут своей благонадежности, то пусть их судят как еретиков.

Следует предупредить, вызвать и в случае надобности заставить наложением канонических

наказаний светские власти, какое бы положение они ни занимали, если они хотят быть верными церкви и считаться таковыми, сотрудничать в защите веры и изгонять силой из подвластных им земель всех еретиков, объявленных таковыми церковью. Впредь всякий при вступлении на светскую должность должен будет дать такое обязательство под присягой. В том же случае, если светский правитель, которого церковь предупреждала и от которого она требовала принять меры против еретиков, не проявит должного рвения в очищении своих земель от этой заразной ереси, то таковой правитель будет наказан... отлучением. Если он в течение года не исправится, то о нем будет доложено правящему папе на предмет, чтобы папа освободил его вассалов от подчинения ему и объявил его земли свободными для занятия правоверными католиками, которые после изгнания еретиков вправе завладеть ими, чтобы обеспечить на них чистоту веры.

Михаил Дука о трагедии в храме Святой Софии

Итак, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из ромеев во время вторжения турок в город и бегства граждан — прибежали, чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что же случилось? А когда услышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому, и, по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликавшему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него — иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева Господа. И тогда все

женщины и мужчины, монахи и монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив домы свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много перед этим лет слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде — вплоть до колонны Великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, безвестному некоему человеку, найденному тогда спящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ Господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые бежали и другим советовали бежать. Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева Божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения...

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и

криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее... Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачились грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их убивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители Божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стенают и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампады — одни портят, другие — забирают; драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища — золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные — в один миг все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аахен 132
Абд-аль-Рахман 108
авары 121
Август 67
«авиньонское пленение пап» 271
автократор 172
Адрианополь 48
академия 134
Аларих 51, 78, 81
Алексей III 230
Алексей Ангел 230
Альберих 98
альбигойцы 239
Альфред Великий 156
Амбросий Аврелиан 154
Аммиан Марцеллин 49
англиканство 316
Англия 153, 158
англы 153
Анна Болейн 316
Античная эпоха 10
античность 10
апостол Павел 24
Артур 154
Атаульф 59
Аттила 60, 103
аутодафе 247
Афонский монастырь 171
Аэций 63

Б

банкет 360
бенефициальная реформа 111
берсеркер 142
Бож 45
Бонифаций VIII 266
Боэций Северин 70
Бретань 153
бритты 152
Брунгильда 94
буквы-литеры 260

В

Валент II 45, 48
валькирии 144
вандалы 14, 59
варвары 14, 37
варяги 141, 151
василевс 173
Ватикан 116
Велизарий 179
Великое переселение народов 42, 69

вендетта 91
вергельд 89
вестготы 45
Видукинд 120
Византия 27, 34, 167
викинги 141, 147
Вильгельм Завоеватель 162
Вильгельм Рыжий 358
Возрождение 9—11
война Алой и Белой розы 304

Г

Галерий 26, 27
Гарольд 161
Гейзерих 59
Генрих IV 304
Генрих V 282, 305
Генрих VI 283, 305, 315
Генрих VIII 315
Генрих Дандоло 228
германские племена 41
Гибралтар 107
глаголица 255
Гонорий 50
Гонория 61
Готфрид Бульонский 224
готы 44, 153
Грациан 48
«греческий огонь» 190, 191
Григорий III 113
Грифон 114
гуманисты 10
гунны 42
Гюнтер 97

Д

даны 156
Дезидерий 119
Денло 157
Джейн Грей 318
Джованни Медичи 295
Дидий Юлиан 15
династия
— Валуа 277
— Ланкастеров 304
Диоклетиан 25
дракары 142
Древний Рим 10
Древняя Эллада 10

Е

Елена 211
Елизавета I Тюдор 315
ересь 237
еретики 237

Ж

Жанна д'Арк 283
жонглеры 343

З

Зевс 10
Зигфрид 97

И

Игорь, князь 190
Иерусалим 211
Иерусалимское королевство 224
Изабелла (королева) 243, 283
Иисус Христос 22

император 173
индульгенция 298
инквизиция 237
Иоанн Добрый 280
Иоанна Сеймур 316
Иоганн Гутенберг 260
ипподром 184
искусство 342
ислам 106, 201

К

капитулярий 134
Каракалла 18
Карл V 282
Карл V Мудрый 282
Карл VI 282, 284
Карл VII 291
Карл Великий 118, 284
Карл Простоватый 149
Карл, дофин 284
Карломан 114
карнавал 348
Каролинги 106
каролингское возрождение 132
кельтские племена 152
Кирилл 252
кириллица 255
Кнут Могучий 158
«Кодекс Юстиниана» 178
комедия масок 349
Комнин Алексей 216
Константин Великий 27, 167, 211
Константинополь 32, 167
конунги 151
коран 203
Крестовый поход 170, 216
крестоносцы 221
Кримхильда 97
кровная месть 91
куртуазность 341

Л

лангобарды 69
Лоренцо Великолепный 295
Лоренцо Великолепный Медичи 341
Луций Септимий Север 16, 17
Людовик Благочестивый 136

М

Магриб 210
Магрий 210
майордом 105
Максенций 30
Маргарита Анжуйская 306, 308
Мария Стюарт 322
Мария Тюдор 318
марраны 245
Мартелл Карл 109
Мартин Лютер 299
Меровинги 92, 97, 105
Мефодий 252
мистерии 346
мориски 245
Мухаммед 201

Н

Невский Александр 238
Непот Юлий 67
Нерон 24
норманны 141

О

Один 144
Одоакр 67
Октавиан Август 39
Олег, князь 189, 191
Ольга, княгиня 192
Омар 206
Омейяды 209
Орест 66
остготы 45

П

Палеолог Михаил 170
папа
— Григорий III 113
— Иннокентий III 228, 238
— Лев III 129
— Лев X 296
— Урбан II 218
— Этьен II 116
Пертинакс 15
«Песнь о нибелунгах» 97
«Песнь о Роланде» 123
пикты 152
Пипин Герстальский 105
Пипин Короткий 114
Пипиниды 114
Порфира 173
протестантизм 303
протестанты 303

Р

Раймонд, граф 240
Реконкиста 122
Рекс 84
Ренессанс 11
реформация церкви 303
римляне 152
Римская империя 9, 14
Ричард III 312
Ричард Йорский 306
Ричард Львиное Сердце 222
Роланд 123
ромеи 168
Ромул 67
рыцарство 112, 332

С

саксы 153
Саладин 224
«Салическая правда» 88
Сальвиан 14, 21
Сарагоса 123
сарацины 107
Святослав Игоревич 195
Север Антонин Август 18
Семидержавие 156
сенат 31
Сиагрий 78
Симон де Монфор 240
скотты 152
Сомерсет, герцог 306

Стилихон Флавий 50
Суассон 78
сунниты 209

Т

тамплиеры 271
Тарик 107
Тацит 37
театр 348
Тевтобургский лес 39
Теодорих 68, 70
Томмазо Торквемада 242
Тор 144
трибунал 242
турки-сельджуки 214
Турский Григорий 77, 96
Тьерри IV 108

У, Ф

Уорик, граф 307, 308
фарс 348
феод 112
феодал 112
феодализм 112
Феодора 181
Феодосий Великий 50, 269
Фидий 10
Филип II 322, 324
Филипп IV Красивый 263, 273
Филипп VI Длинный 277
франки 77
Фредегонда 94
Фрэнсис Дрейк 321

Х

халиф 206
Халифат 106
Хильперик III 114
Хлодвиг 78, 92
Хлор, Констанций 27
храм Гроба Господня 211
христианство 22, 119, 211
Хроутланд 123

Ц, Ч

Цезарь Юлий Гай 40
«черная смерть» 337

Ш

Шекспир Уильям 29
шииты 209
Шотландия 153
шут 345

Э

Эдуард IV 309, 311
Эдуард VI 318
Эдуард Исповедник 158
Эдуард, принц 280
Элагабал 19
Эрманарих 45

Ю, Я

Юстин 173
Юстиниан Великий 181
язычество 21
ярлы 151

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ОТ ЭПОХИ К ЭПОХЕ

Что такое «Средние века» и почему они «Средние»? 9
Накануне краха, или сколько стоит императорская власть 14
Два портрета на фоне крушения 17
Следы уходящих богов 21
Новый Рим 27

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Варвары 37
Битва при Адрианополе 44
Верный вандал 50
Падение Рима 54
Романтичный Аттила 60
Бедный Августул, или кто такой Карабас Барабас 66
Последний римлянин 70

РОЖДЕНИЕ ДИНАСТИЙ

Франки и их «косматые короли» 77
Суассонская чаша 77
Хитрый Хлодвиг, или самое популярное королевское имя 81
«Правда» Хлодвига 86

Кровавые наследники Хлодвига 91
Неожиданное продолжение 97
Отважный молот, или битва при Пуатье 105
«Почти король» 109
От Пипина Короткого к Карлу Великому 114
Карл воин 118
Последний бой Роланда 123
Карл император 128
Триумф и крах Каролингов 131

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Викинги покидают «огороженный двор» 141
Эпоха викингов 147
Как англы и саксы «помогли» бриттам
и немного о короле Артуре 152
Из Британии — в Англию 156
Кто такая леди Годива
и как она «въехала в историю» 158
Вильгельм Бастард — завоеватель Англии . . . 161

«ЗОЛОТОЙ МОСТ»

Загадка Византии 167
Мечты славянина, или как стать
императором 172
«Симфония царства» 176
Из артистки — в императрицы,
или византийская Золушка, или история
одной необыкновенной любви 181
«Или порфира — или ничего!» 184
Византия и Русь 189
«Иде Ольга в греки» 192

ВОСТОК — ЗАПАД

Явление ислама 201
Победное шествие 206

Гроб Господень, или о противостоянии Европы нашествию ислама 211
Крестом и мечом 218
«Странствие по стезе Господней» 221
Разве хотел того Бог? 228

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГАЛЕРЕЯ

«Бейте их всех, Господь узнает своих!», или папа Иннокентий не оставляет усердий 237
Великий инквизитор 242
Аутодафе 247
«Говорящая азбука» 252
Сколько стоил учебник? 258
Скромный гений 260
«Замкнутый круг» короля 263
Папы в плену! 266
Партия с гроссмейстером 271
Несколько слов о самой долгой войне 277
«Францию спасет Дева!» 283
Героиня... 287
Еретичка, колдунья?.. 291
Как папа недооценил одного монаха и что из этого получилось 295
Как поссорились Йорки с Ланкастерами 303
Бедный Уорик, или «делатель королей» 308
Как примирились розы 311
Королева «с сердцем короля» 315

ПРОГУЛКА ПО СРЕДНЕВЕКОВОМУ ЛЕСУ

Иерархия небесная и земная 329
Царь-голод и «черная смерть» 336

ЗАПАХ КРОВИ И ЗАПАХ РОЗ

«Гаудеамус игитур...» 341
Лицедеи 343
Рождение театра 346
Карнавалы и маскарады,
или корпорация «олухов» 348
Несколько слов об охоте 352
На пиру у феодала 357
Баллада о «четырех дамах» 365
История про рыцаря Беранже 368
Приложение 1 373
Приложение 2 377
Предметно-именной указатель 390

Научно-популярное издание

В помощь учебному процессу

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

Андрей Николаевич Косенкин

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Зав. редакцией *Е. М. Иванова*
Ведущий редактор *Е. Г. Рудакова*
Художественный редактор *И. А. Зыкова*
Технический редактор *М. Н. Курочкина*
Компьютерная верстка *Н. Г. Гаспаровой*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха,
проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: www. ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГМП «Первая Образцовая типография» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 115054, Москва, Валовая, 28